

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ И ЭКСТРАЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ КОММУНИКАЦИИ

VI

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ И ЭКСТРАЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ КОММУНИКАЦИИ

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ
И ПРИКЛАДНЫЕ
АСПЕКТЫ

ISBN 978-5-7103-1831-7

9 785710 318317

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«МОРДОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. Н. П. ОГАРЕВА»

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ
И ЭКСТРАЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ
ПРОБЛЕМЫ КОММУНИКАЦИИ

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ
И ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ

МЕЖВУЗОВСКИЙ СБОРНИК
НАУЧНЫХ ТРУДОВ

Вы п у с к 6

САРАНСК
ИЗДАТЕЛЬСТВО МОРДОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
2008

ISE

УДК 80/81
ББК Ш1
Л59

Редакционная коллегия:
К. Б. Свойкин (отв. редактор), Ю. М. Трофимова, В. П. Фурманова,
И. А. Анашкина, Н. Л. Новикова

Печатается по решению ученого совета факультета иностранных языков

Л59 **Лингвистические** и экстралингвистические проблемы коммуникации : Теоретические и прикладные аспекты : межвуз. сб. науч. тр. Вып. 6 / редкол. : К. Б. Свойкин (отв. ред.) [и др.]. — Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2008. — 240 с.
ISBN 978-5-7103-1831-7

Сборник включает статьи по широкому кругу проблем современной теоретической и прикладной лингвистики.

Адресовано преподавателям, аспирантам, научным работникам и всем тем, кто интересуется проблемами современного языкознания, а также междисциплинарными вопросами в контексте филологической проблематики.

УДК 80/81
ББК Ш1

© Коллектив авторов, 2008
© Оформление. Издательство
Мордовского университета, 2008

ПРЕДИСЛОВИЕ

В настоящий сборник включены статьи преподавателей, аспирантов, студентов и научных сотрудников вузов г. Саранска. Материалы сборника развивают филологические и методологические проблемы современной науки в русле первых пяти выпусков.

Статьи, вошедшие в сборник, отражают исследовательские подходы и результаты научных изысканий авторов и вполне определяют парадигму научных направлений, характерных для зарубежной филологии и лингвистики в Республике Мордовия. В соответствии с этими направлениями сборник разделен на несколько разделов, в каждый из которых вошли статьи с конвергентной тематикой, что позволяет читателю сформировать представление о положении дел в той или иной филологической области на современном этапе.

Материалы сборника охватывают широкий спектр филологических и лингвистических проблем современности, отражая тесные междисциплинарные и внутрдисциплинарные связи. Раздел «Текст и дискурс» включает статьи, посвященные рассмотрению текста как единого целого в рамках тех коммуникативных процессов, которым характерны системные и комплексные подходы к анализу языкового материала, осуществляемые в рамках укрупненной текстуальной дистрибуции. Раздел «Язык и речь» ориентирован на работы, исповедующие традиционно-лингвистические и лингворечевые исследовательские подходы. В разделе «Прикладные проблемы лингвистики» размещены статьи, имеющие выраженную экстралингвистическую направленность и ориентированные на связь лингвистики и окружающего нелингвистического пространства, включая когнитивные, психологические, деятельностные и т. д. процессы. Раздел «Межкультурная коммуникация и лингводидактика» объединяет авторов, концентрирующих свое внимание на языковом инструментарии, позволяющем обеспечивать информационные контакты представителями различных языковых культур, и процессах овладения этим инструментарием. Последний раздел «Проблемы культурологии и литературоведения» включает статьи, посвященные разработке проблем, связанных с системным существованием языковых и речевых моделей в крупных культурологических и литературоведческих исследовательских парадигмах.

1. ТЕКСТ И ДИСКУРС

ТЕКСТ В ИНТЕРПРЕТАЦИИ М. М. БАХТИНА

Н. Д. Кручинкина

М. М. Бахтин, который многие годы своей научной деятельности посвятил описанию глубинных свойств литературных текстов, не мог не обратиться к разностороннему исследованию текста во всех его ипостасях. Следует сразу заметить, что ученый считает текстом речевое произведение вне зависимости от формы его реализации: устной или письменной (Бахтин, 1986а: 473).

Философское видение М. М. Бахтиным литературной и лингвистической картины мира позволило ему глубоко проникнуть в сущность изучаемых проблем. Как и при обсуждении многих других явлений, а тем более такого многоаспектного речевого произведения, каким является текст, М. М. Бахтин дает этой единице многостороннюю характеристику. Он начинает описание текста с философских и семиотических характеристик и определений его значимости. Он называет текст непосредственной действительностью мысли (Бахтин, 1986а: 473; Бахтин, 1986б: 297), т. е. фактически представляет его когнитивную интерпретацию. Текст (письменный и устный), по его мнению, является первичной данностью «всего гуманитарно-филологического мышления» (Бахтин, 1986б: 297). Без текста, как считает М. М. Бахтин, «нет и объекта для исследования и мышления» (Бахтин, 1986а: 473).

В семиотическом аспекте текст оценивается им как «связный знаковый комплекс». При таком широком понимании текста искусствоведение, музыковедение, теория и история изобразительных искусств ученый вполне логично относит к наукам, имеющим «дело с текстами (произведениями искусства)» (Бахтин, 1986б: 297). Такие науки, в его интерпретации, исследуют «мысли о мыслях, переживания переживаний, слова о словах, тексты о текстах» (Бахтин, 1986а: 473; Бахтин, 1986б: 297).

После такого обобщенного представления понятия «текст» ученый останавливается на «словесных» текстах. И в этом анализе он отмечает много таких характеристик, которые в то время еще не были строго разработаны. В зависимости от уровня связи текста с отражаемой действительностью М. М. Бахтин различает первичные и вторичные тексты (Бахтин, 1986а: 473–474). Так как в его интерпретации текст является непосредственной «действительностью мысли

и переживаний» (Бахтин, 1986а: 473), то он предстает как «первичная данность» мышления в случае выражения его автором своих мыслей о мире. Вторичный по деривационной иерархии мышления так называемый «подразумеваемый» текст, или, как его можно иначе назвать, метатекст представляет собой мысли субъекта (автора) о чужих мыслях. Такими признаками отличаются, например, всякого рода аналитические, исследовательские тексты в той их части, в которой дается описание не самой действительности в анализируемой ипостаси, а передаются подобные авторской или иные точки зрения на исследуемое явление.

М. М. Бахтин обращает внимание и на прагматическую ипостась текста: на отношение между содержанием текста и его автором. Этот аспект взаимоотношений между текстом и субъектом (автором текста) важен не только для теории литературоведения, но и для лингвистики в ее когнитивном и прагматическом вариантах, для лингвокультурологии, этнолингвистики и социолингвистики.

Глубина проникновения автора в познаваемую действительность, по мнению М. М. Бахтина (Бахтин, 1986б: 194; Бахтин, 1988: 190), проявляется наиболее полно в индивидуальном, личностном познании и выражении познанного. Эта глубина проникновения по-разному реализуется в речевых произведениях разных жанров (Бахтин, 1988: 191). Говоря о речевых произведениях, М. М. Бахтин утверждает, что в речи не бывает текста, не маркированного той или иной жанровой формой (Бахтин, 1986б: 250–253). Игнорирование жанровых особенностей высказываний в любой сфере лингвистического исследования приводит, как считает ученый, «к формализму и чрезмерной абстрактности, ...ослабляет связи языка с жизнью» (Бахтин, 1986б: 253).

Важно отметить, что ученый выделяет обе стороны текста: его означаемое и означающее — содержательный и выразительный аспекты текста (Кручинкина, 1995: 41; Кручинкина, 1998: 40). Он обращает внимание и на границы текста, т. е. на его интерпретацию как дискретной лингвистической единицы. Текстом для него является и высказывание как микротекст в его синтагматической реализации в разных жанрах и целый роман.

Ученый отмечает такую важную прагматическую характеристику текста, как его направленность на реципиента (адресата) — его адресованность читателю, слушателю (Бахтин, 1986б: 290–291). Иначе говоря, каждый текст характеризуется функцией воздействия. При ее реализации для текстов разных жанров используются соответствующие языковые и речевые средства (Кручинкина, 2005: 100–103).

Прагматической составляющей коммуникативной функции текста для М. М. Бахтина является наличие как автора, субъекта — «текстопроизводителя», так и реципиента — «второго субъекта» (Бахтин, 1986б: 298). Текстопроизводителя он еще называет текстологическим субъектом и текстологом.

Примечательно отношение М. М. Бахтина к реципиенту. Не слыш

чайно он называет его вторым субъектом, так как совершенно справедливо полагает, что неправомерно считать второго участника коммуникативного акта, который в какой-то момент коммуникации становится слушающим, пассивным участником, хотя и соглашается, что такого рода противопоставление соответствует «определенным моментам действительности» (Бахтин, 1986б: 259).

При восприятии содержания текст для реципиента приобретает роль денотата, т. е. служит точкой отсчета для интерпретации смысла. К этой своего рода истине в последней инстанции он обращается, чтобы понять экстралингвистическое значение (смысл) сложного знакового конструкта, каковым в языковом плане является текст как означающее.

В синтагматическом плане текст интерпретируется М. М. Бахтиным как целостное по главной мысли, а также по последовательности и связности представления речевое произведение. Эту сложную деятельность реципиента коммуникации невозможно назвать пассивной. В означаемом тексте отражается внеязыковое содержание, но оно воспринимается адекватно только в том случае, если речепроизводителем для этого найдены адекватные средства выражения этого содержания.

Текст, как любая языковая конструктивная единица, должен быть, чтобы называться единицей, целостным как в своем парадигматическом определении, так и в синтагматической реализации. В нем, как и в любой другой единице, принадлежащей и к плану языка, и к плану речи, можно найти признаки как парадигматической, так и синтагматической ипостасей. Любая конструктивная единица и в своем означаемом, чтобы называться единицей, должна отличаться целостностью, т. е. дискретностью и обеспечивающей ее внутренней связностью конститuentов.

Идея целостности неоднократно отмечается М. М. Бахтиным (Бахтин, 1986б: 268–271). Он подчеркивал эту обязательную характеристику речевого произведения в разных лексических комбинациях: «специфическая *завершенность* высказывания», «завершенность высказывания» (Бахтин, 1986б: 268), «целостность и смысловая завершенность текста и высказывания», «завершенная целостность высказывания» (Бахтин, 1986б: 269), «развертывающееся *целое* высказывания» (Бахтин, 1986б: 270) (курсив в оригинале. — Н. К.).

Целостность текста как единицы М. М. Бахтин определяет, называя его своеобразной монадой. Он видит в этой монаде и определенную синтагматическую протяженность — содержательную последовательность во взаимосвязи «всех смыслов», которые реализуются в высказываниях (Бахтин, 1986б: 299). В речевом плане целостность определяется им по содержательному критерию как внутренняя сторона сменны речевых субъектов (Бахтин, 1986б: 268). Завершенная целостность высказывания характеризуется, по мнению М. М. Бахтина, возможностью ответного понимания, и соответственно,

ответа. Целостность признается органическим свойством высказывания (Бахтин, 1986б: 269). Названы и конкретные факторы, которые неразрывно связаны «в органическом целом высказывания» (Бахтин, 1986б: 269): предметно-смысловая завершенность; речевой замысел или речевая воля говорящего; типические композиционные жанровые формы оформления темы высказывания и интенции говорящего (Бахтин, 1986б: 269–276).

Целостность текста, как мы заметили выше, означает дискретный характер речевых единиц: текста и высказывания. Обеспечивает эту целостность, а соответственно, и дискретность внутренняя связанность конститuentов речевых единиц. На уровне высказывания М. М. Бахтин рассматривает ее в неразрывном единстве с признаком целостности, называя это единство в высказывании развертывающимся *целым* (Бахтин, 1986б: 270). Говоря о тексте, ученый, имея в виду его прогрессивное линейное развертывание, назвал текст в этом аспекте *текстовой цепью* (Бахтин, 1986б: 299). В настоящее время эти характеристики текста активно обсуждаются. При этом мы находим много черт общности в интерпретации основных характеристик текста с тем, о чем говорил М. М. Бахтин.

В зарубежной лингвистике для обозначения целостности текста используется термин *когерентность* (текстовая когерентность) (Растье, 2001: 113; Baylon, Mignot, 2000: 198–199, 207; Brousseau, Roberge, 2000: 272; Lemire). По отношению к тексту Б. Потье определяет когерентность как семантическую непрерывность последовательности (См. об этом: Растье, 2001: 113). Когерентный текст означает в такой интерпретации наличие смыслового центра текста и его логически и семантически последовательное развитие в композиционной структуре текста (Ducrot, Schaeffer, 1995: 604–605). В последних работах по лингвистике когерентность в этом плане определяют как начало, объединяющее концептуальную (Sproogen, 2002: 223) или логическую связь и последовательность конститuentов текста (Brousseau, Roberge, 2000: 272). Лингвисты различают референциальную и реляционную когерентность (*cohérence référentielle et relationnelle*) (Sproogen, 2002: 224, 231–234). Референциальная когерентность исследователями относится к концептуальным единствам, о которых идет речь в тексте. Реляционная когерентность выявляется в связях между концептами, которые восходят к связям между событиями, о которых идет речь в тексте. Таким образом, когерентность, или целостность, относится в этой интерпретации к означаемому тексту. Это означаемое должно быть актуализировано языковыми средствами. На уровне означающего когерентность проявляется через когезию конститuentов текста (Ducrot, Schaeffer, 1995: 603–604; Baylon, Mignot, 2000: 199–201, 207; Lemire; Растье, 2001: 11). Когезия означает связанность и, как результат, связность текста.

В первой половине прошлого века изучение связности семантических характеристик конструктивных языковых единиц не находилось в

центре лингвистического исследования и описания. Текст больше изучался в текстологии, которая скорее занималась его литературоведческой и композиционной сторонами. Думаем, что в отечественной филологии это в большой мере было связано и с установившейся филологической традицией. Явление связности в такого рода исследованиях было отнесено к композиционной структуре текста, а не к его языковой и речевой составляющей.

Описание закономерностей семантической сочетаемости конститuentов синтагматических образований очень важно для функционирования языка. В лингвистике интерес к языковой стороне явления связности и к процессу связывания значимых единиц синтагматической цепи получил новый импульс, когда такие синтагматические образования, как предложение и текст, стали изучаться как целостные содержательные лингвистические единицы парадигматического плана. Для их речевой актуализации это означало, что они могли иметь регулярную речевую воспроизводимость по определенным языковым правилам.

Правила воспроизведения лежат не в сфере конкретного лексического повторения. Они относятся к более высокому уровню абстрагирования: уровню семантико-синтаксической зависимости конститuentов синтагматических образований. Поэтому в целом проблема связности относится к семантико-синтаксической области. В этом случае и предложение, и текст, которые относятся к таким синтагматическим конструктам, должны быть определены как знаковые единицы, т. е. единицы с двусторонней сущностью. Это означает, что подобные единицы, которые являются таковыми исходя из объединяющего их содержательного начала, должны иметь парадигму своих средств регулярного выражения. Такие языковые средства обеспечивают перевод той или иной логико-смысловой модели дискурса (текста) в зависимости от конкретных внеязыковых и речевых условий в соответствующие единицы речевого плана.

Наиболее простой единицей такого уровня является предложение, которое как целостная единица отражает то или иное событие реального мира. Это событие, преломляясь в сознании реципиента, обретает содержание событийного концепта. Поэтому, не случайно, как отмечает Ф. Растье, «некоторые авторы рассматривают текст с позиции предложения и уподобляют его предложению» (Растье, 2001: 113). Предложение, становясь речевым произведением, приобретает ряд прагматических характеристик, которые делают его высказыванием.

М. М. Бахтин больше говорит о речевом прагматическом варианте предложения — высказывании, фактически относя его к микротексту. Любое речевое произведение, независимо от его объема, должно обеспечивать свою целостность и тем самым дискретность через средство связности конститuentов. В зарубежной лингвистике понятие связности обозначается термином *когезия*. Когезия является процессом связывания компонентов синтагм любого языкового уровня

(динамический аспект явления). Этим термином обозначается и сам результат процесса — внутренняя семантическая и синтаксическая связность конститuentов текста. Когезия позволяет синтагматическому конструкту сохранять тем самым свою семантическую отмеченность.

Как правило, лингвисты относят когезию к средствам обеспечения когерентности, т. е. к означающему текста (Кручинкина, 2004: 78 — 79). Так, например, А.-М. Бруссо считает, что «когезия — свойство формы текста, тогда как когерентность — свойство его содержания» (Brousseau, Roberge, 2000: 272). Ф. Растье также устанавливает терминологическое различие между терминами *когезия* и *когерентность*. Однако он видит различие между когерентностью и когезией в ином. По его мнению, «когезия текста зависит от внутренних семантических отношений, а когерентность — от отношений с экстралингвистическим окружением, совокупности связанных с текстом семиотических явлений» (Растье, 2001: 114).

Когезия в тексте обеспечивается рядом языковых средств, которые в итоге приводят к восприятию текста как целостной, когерентной — объединенной главной мыслью единицы. К числу эксплицитных когезивных средств обеспечения когерентности текста относятся коннекторы: подчинительные и сочинительные союзы, союзные выражения, наречия. В языках, где есть артикль, в роли связующего средства выступает и определенный артикль. Кроме этого когезию конститuentов текста обеспечивают: повторная номинация, дейктические средства, эллипсис, анафора, в лексико-семантическом плане — тематические объединенные в той или иной семантической иерархии лексеммы. Последний показатель позволяет объединять лексеммы текста в единое понятийно-ассоциативное поле при наличии в них объединяющих семантических признаков, одинаковых сем — **изотопов**, или **изосем** (Greimas, 1966: 69 — 72; Pottier, 1992: 41). А.-Ж. Греймас и Б. Потье обозначили явление семантической комбинаторики идентичных сем, соответственно, терминами *изотопия* (Greimas, 1966: 69 — 72) и *изосемия* (Pottier, 1992: 41). Ф. Растье, используя лишь понятие изотопии, рассматривает ее на уровне текста как фактор текстовой когезии (Растье, 2001: 114).

Как мы уже заметили выше, все мысли, связанные с пониманием целостности и связности текста, которые были детализированы позднее благодаря идеям структурной семантики, уже присутствовали в текстологической концепции М. М. Бахтина, но были высказаны им в иной терминологии и в несколько иной логике.

Важным моментом в интерпретации М. М. Бахтиным текста является понимание необходимости обязательного учета языкового выражения: «...если за текстом не стоит язык..., то это уже не текст» (Бахтин, 1986б: 299). Это та ипостась текста, которая имеет отношение к парадигматическому плану — языку как системе, которую он характеризует, по Соссюру, как «условную, в пределах данного коллектива

систему знаков»: «за каждым текстом стоит система языка» (Бахтин, 1986б: 299).

Текст в видении М. М. Бахтина принимает форму высказывания как реальной единицы речевого общения (...Бахтин, 1986б: 263): «...речь всегда отлита в форму высказывания, принадлежащего определенному речевому субъекту, и вне этой формы существовать не может» (Бахтин, 1986б: 299). Однако высказывание в его интерпретации не следует понимать всего лишь как речевую актуализацию предложения. Высказыванием им признается любое речевое произведение «от однословной бытовой реплики до больших, сложных произведений науки или литературы» (Бахтин, 1986б: 270). Одним из важных параметров любого высказывания ученый считает его предметно-смысловую сторону, т. е. его денотативно-семантическую отмеченность. Этот признак должен находиться в определенной гармонии с субъективной стороной высказывания: речевым замыслом, жанровой формой, индивидуальными обстоятельствами, персональными участниками, индивидуальностью автора и его коммуникативной стратегией (Кручинкина, 2006: 104).

В данном плане высказывание отличается от слова и предложения, которые определяются Бахтиным не как речевые, а как языковые единицы (Бахтин, 1986б: 258). Поэтому предложение определяется им в первую очередь как имеющее грамматическую законченность и единство (Бахтин, 1986: 267). В этой логике предложение «не имеет непосредственного контакта с действительностью (с внесловесной ситуацией) и непосредственного же отношения к чужим высказываниям» (Бахтин, 1986б: 266). Высказывание как значимая единица имеет свое содержание, которое в нем как в речевом, текстовом произведении обретает свои структурные особенности и свою композиционную структуру (Бахтин, 1986б: 263). Эти структурные особенности относятся к языковым грамматическим характеристикам, которые характеризуют предложение.

Таким образом, в определенном смысле ученый сравнивает высказывание с предложением. Однако он не отождествляет эти единицы, а порой даже и противопоставляет их, относя предложение к плану языка, а высказывание к плану речи. Высказывание как единица речевого общения, в интерпретации М. М. Бахтина, является дискретной, т. е. имеет свои совершенно четкие границы, свой объем и в этом аспекте может быть сравнимо с предложением. Однако предложение как единица языка, в отличие от высказывания, для него «не отграничивается с обеих сторон сменой речевых субъектов» (Бахтин, 1986б: 258), тогда как «границы каждого конкретного высказывания как единицы речевого общения определяются сменой речевых субъектов» (курсив в оригинале. — Н. К.) (Бахтин, 1986б: 263). В этом случае оказывается, что высказывание можно уподобить реплике диалога. Однако, на наш взгляд, не следует отождествлять это скорее литера-

туроведческое понимание высказывания с его лингвистическим и психолингвистическим пониманием.

Для М. М. Бахтина эти две единицы не отделены непроходимой границей. Напротив, он показывает возможность трансформации предложения в высказывание. В том случае, когда «предложение фигурирует как целое высказывание, оно как бы вправлено в оправу из материала совсем иной природы» (Бахтин, 1986б: 267). Фактически за предложением как единицей языка он признает синтаксический каркас языковой единицы, определенный семантико-синтаксический фрейм, который реализуется в речевом, текстовом произведении — высказывании.

Говоря о смешении лингвистами языковой единицы — предложения и речевой единицы — высказывания, М. М. Бахтин объясняет, в чем их отличие, т. е. что означает понимание речевой единицы: «Предложениями не обмениваются, как не обмениваются словами (в строгом лингвистическом смысле) и словосочетаниями, — обмениваются высказываниями». Однако он там же добавляет, что «строительным материалом» для высказываний являются слова, словосочетания и предложения, так как высказывания «строятся при помощи единиц языка: слов, словосочетаний, предложений» (Бахтин, 1986б: 267).

М. М. Бахтин видит различие между предложением и высказыванием также и в их объеме: в отличие от предложения высказывание может иметь разный объем и разное грамматическое представление. Оно «может быть построено и из одного предложения, и из одного слова, так сказать, из одной речевой единицы (преимущественно реплика диалога), но от этого единица языка не превращается в единицу речевого общения» (Бахтин, 1986б: 267). Неразграничение исследователями двух единиц разных планов, а подчас и их полное смешение он относит к неразработанности теории высказывания.

С другой стороны, М. М. Бахтин идентифицирует высказывание с текстом: высказывание оказывается своего рода идентификатом текста. Что же в итоге является определяющим для отождествления высказывания с текстом? Понятие высказывания он тесно связывает с понятием текста в его обобщенной интерпретации как целостного по смыслу речевого произведения любой протяженности (Бахтин, 1986б: 312). Однако главным в их общности является их возможная диалогичность.

Собственно, М. М. Бахтин об этом говорит, распространяя отношения диалогичности даже на «текст о тексте», научную статью, в которой он видит диалогическое взаимоотношение, так как в ней «приводятся чужие высказывания... различных авторов, одни — для опровержения, другие, наоборот, для подтверждения и дополнения» (Бахтин, 1979: 218). При этом диалог оказывается состоящим из «композиционных форм речи (диалогическая и монологическая речь)» лишь в означающем (Бахтин, 1986б: 313).

Коммуникативную роль текста ученый видит в интерпретации

речевого произведения как «первичной реальности речевой жизни» (Бахтин, 1986б: 314) при условиях, о которых мы сказали выше. Как отмечает сам М. М. Бахтин, его концепция диалогичности имеет методологический характер.

Наряду с выделением прагматического аспекта коммуникативной деятельности через посредство дискурса (текста) для М. М. Бахтина было естественным выделение важности стоящей за текстом действительности, отраженной в тексте. Он обозначает ее как данность, т. е. «все, что может быть дано вне данного текста» (Бахтин, 1986б: 299). Сам текст тогда в его репрезентативной ипостаси понимается им как «субъективное отражение объективного мира», но, совершенно очевидно, и «выражение сознания, что-то отражающего» (Бахтин, 1986б: 308). Обе эти стороны соотношения языковой (в ее речевом выражении) и мыслительной деятельности в их связях друг с другом и в их отражательной активности продолжает и по сей день занимать умы языковедов, философов языка, психо-, нейро-, этно-, социолингвистов, лингводидактов, методистов, так как эти проблемы являются базовыми для всех областей наук, так или иначе связанных с коммуникативной деятельностью человека.

Через проблему текста М. М. Бахтин ставит вопрос о необходимости при изучении языковых явлений выйти за пределы лингвистики: «...не нужно думать, что эта всеобъемлющая и многограннейшая реальность (язык, слово. — Н. К.) может быть предметом только одной науки — лингвистики» (Бахтин, 1986б: 313).

Как мы знаем, в настоящее время лингвистика вышла за пределы внутренней системы, и языковые и речевые явления стали изучаться в прагматическом плане в рамках психолингвистики, нейролингвистики, когнитивной лингвистики, социолингвистики.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бахтин М. М. К методологии литературоведения // Введение в литературоведение. Хрестоматия. — М. : Высш. шк., 1988. — С. 189–192; 449–450.
2. Бахтин М. М. Литературно-критические статьи. — М. : Худ. лит., 1986а. — 543 с.
3. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. — М. : Сов. Россия, 1979. — 320 с.
4. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. — М. : Искусство, 1986б. — 445 с.
5. Кручинкина Н. Д. Асимметрия пропозитивного выражения типовой экстралингвистической ситуации // М. М. Бахтин и гуманитарное мышление на пороге XXI века. В 2 ч. — Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 1995. — Ч. 1. — С. 40–43.
6. Кручинкина Н. Д. Метонимическая номинация в жанре газетной публицистики // М. М. Бахтин в современном гуманитарном мире. — Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2006. — С. 104–106.
7. Кручинкина Н. Д. Связность и целостность синтагматических образований // Лингвистические и экстралингвистические проблемы коммуникации: теорети-

ческие и прикладные аспекты. — Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2004. — С. 77–82.

8. Кручинкина Н. Д. Синтагматика и парадигматика пропозитивного номинанта. — Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 1998. — 104 с.

9. Кручинкина Н. Д. Функция воздействия в газетно-публицистическом стиле // Иностранные языки в диалоге культур: экономика, политика, образование. — Саранск : Копи-центр «Референт», 2005. — С. 100–103.

10. Растье Ф. Интерпретирующая семантика. Пер. с франц. — Н. Новгород, 2001. — 368 с.

11. Baylon C., Mignot X. Initiation à la sémantique du langage. — P. : Nathan, 2000. — 255 p.

12. Brousseau A.-M., Roberge Y. Syntaxe et sémantique du français. — Québec, Saint-Laurent: Fides, 2000. — 352 p.

13. Ducrot O., Schaeffer J.-M. Nouveau dictionnaire encyclopédique des sciences du langage. — P. : Seuil, 1995. — 817 p.

14. Greimas A.-J. Sémantique structurale: recherche de méthode. — P. : Larousse, 1966. — 262 p.

15. Lemire G. Texte et texture: cohérence et cohésion // Langue française, vision systémique. Application à la langue française de la théorie de M. A. K. Halliday et de R. Hasan par Gilles Lemire: Электронная версия главы: <http://www.fse.ulaval.ca/fac/Grammnaire-BEPP/doc/vs/lfvs/lfvs7/vschap7.html>

16. Pottier B. Sémantique générale. — P. : PUF, 1992. — 237 p.

17. Spooren W. La structuration des textes. La linguistique textuelle // Linguistique cognitive. Comprendre comment fonctionne le langage. — Bruxelles : Duculot, 2002. — P. 223–248.

КОММУНИКАТИВНАЯ ЗАДАЧА ТЕКСТА: АНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКИЙ ПОДХОД

О. Ю. Левашкина

Коммуникативная функция является одной из важнейших в речевторческой деятельности человека, где центральной единицей выступает *вербальный (речевой) коммуникативный акт* — весьма сложный механизм, входящий в состав некоторого акта совместной семиотической деятельности. Коммуникативный акт по своему существу предполагает взаимодействие двух коммуникантов, составляющих два начала языкового общения, а именно *порождение и восприятие* информации, т. е. *двустороннее функционирование* какого-либо знакового продукта между адресантом и адресатом. Сущность речевого акта определяет необходимость образования *текста*, в котором эта двусторонность неизбежно присутствует в эксплицитной или имплицитной форме. Действием коммуникативного механизма, связывающего структуры языковой семантики с реальными условиями коммуникативного акта, обуславливается осмысленность текста, принимающего форму законченного смыслового акта.

Рассматривая основные характеристики *текста как высказывания*, предложенные М. М. Бахтиным [1], можно прийти к выводу, что именно такой текст выступает основной единицей коммуникации, по-

сколькx в нем развeртывается *цельная конкретная коммуникация* (высказывание создается в определенном коммуникативном контексте, всегда предполагает обращенность к определенному лицу, так как автор закладывает в высказывание целостный смысл, требующий ответного понимания). Если понимать текст как *результат деятельности*, то в данной ипостаси текст будет функционировать как статическое явление, отчужденное от отправителя и получателя, существующее вне ситуации общения. Такой подход позволяет рассматривать текст как одну из единиц языка (а не речи), что ставит его в один ряд с предложением (а не с высказыванием), раскрывает возможности (а не саму реализацию) синтагматических отношений между предложениями, составляющими текст как явление языка.

Текст как *коммуникативную единицу* характеризует наличие **коммуникативной задачи**, или сверхзадачи, если речь идет об опосредованном воздействии на адресата, как, например, в случае художественного произведения. Другими словами, являясь результатом целенаправленной деятельности, текст всегда отражает определенную установку его создателя.

Коммуникативная задача определяет и определяется потребностью в речевой деятельности, создает соответствующую мотивацию, стимулирует речемышление побудить к освоению новых ментальных навыков, актуализирует лингвистические знания и языковые средства. В основе подхода к коммуникативной задаче лежит психологическая трактовка понятия «задача» С. Л. Рубинштейном, согласно которой задача «заключает в себе цель для мыслительной деятельности, соотносимую с условиями, которыми она задана» [6, с. 347]. Мыслительная цель в коммуникативной задаче может совпадать с целью общения, что, по мнению Т. Ю. Тамбовкиной, «позволяет выделять и конкретизировать в русле основных функций общения 4 обобщенных типа коммуникативных задач: информирование, побуждение, выражение мнения (оценка) и установление контакта» [7, с. 8].

Каждый тип включает в себя ряд подтипов (подцелей), соотносимых с конкретным речевым продуктом. Так, например, обобщенный тип коммуникативной задачи «информирование» конкретизируется с помощью коммуникативной задачи «сообщить» или «запросить информацию». Искомым речевым продуктом в этом случае является деловое сообщение или интервью. Подцелями, конкретизирующими обобщенный тип коммуникативной задачи «выражение мнения (оценка)», является «выражение своего отношения, мнения», «согласие/несогласие с высказанным кем-либо мнением, отношением», «запрос чьего-либо мнения, отношения». Каждой подцели соответствует свой определенный речевой продукт — *оценочное суждение*, получаемое в результате реализации данных подцелей общения. Очень часто, стремясь сделать высказывание более полным, точным, развернутым, индивид расширяет коммуникативную задачу за счет включения дополнительных подцелей, изменяя тем самым характер речевого продук-

та. Сформулированная таким образом коммуникативная задача представляет собой по сути уже не отдельную задачу, а комплекс задач (запрос аргументации + выражение отношения), объединенных общей экспозицией, представляющей собой реализацию оценочной ситуации.

Поскольку рассмотренный комплекс коммуникативных задач включен в одну коммуникативную ситуацию, то это позволяет говорить не о двух разных задачах, а об одной интегрированной, имеющей сложную структуру. Подобные задачи, по всей видимости, следует выделить в качестве самостоятельного вида и рассматривать как комплексные коммуникативные задачи, которые можно определить как комбинации взаимосвязанных подзадач, направленных на реализацию с помощью речевых стимулов одной или нескольких функций общения в рамках типичной коммуникативной ситуации путем побуждения индивида к осуществлению определенных речевых действий.

Комплексная коммуникативная задача, реализующая в речи одну функцию общения, может быть соответственно названа однофункциональной комплексной задачей. Данная задача направлена на реализацию в речи ценностно-ориентационной функции общения в условиях оценочной ситуации. Речевым продуктом, полученным в результате решения приведенной коммуникативной задачи, будет оценочное высказывание, состоящее из исходного оценочного суждения. Комплексная коммуникативная задача, направленная на реализацию в речи двух-трех функций общения, может рассматриваться как многофункциональная комплексная коммуникативная задача.

Коммуникативная задача определяет необходимое воздействие на партнера по коммуникации, управляет процессом формирования *замысла*, представляющего собой целостное интеллектуальное образование, моделирующее в свернутом виде содержание будущего текста. Замысел управляет отбором и организацией языковых средств, необходимых для его реализации таким образом, чтобы их декодирование в процессе понимания приводило к формированию конкретного и целостного образа содержания, соответствующего замыслу. Совокупность языковых средств вместе с их содержательной стороной, поставленная в соответствие замыслу, составляет *внешнюю форму текста* — то, что дано непосредственному восприятию. О замысле можно судить только в результате осмысления языковых единиц и понимания текста в целом. То, что понимается, составляет *внутреннюю форму текста* — мыслительное образование, формирующееся в интеллекте партнера по коммуникации и соотносимое с внешней формой не поэлементно, а в целом соответствующее всей совокупности данных языковых средств.

Всякий речевой акт — высказывание — содержит определенное сообщение, в основе которого лежит взаимодействие материальных или духовных предметов и явлений, события или ситуации, используемые автором в качестве объекта информации. Назначение сообще-

ния состоит в том, чтобы через установление связей между явлениями (познавательный акт) передать коммуникантам свое знание предмета с той мотивацией, которая нацелена на побуждение собеседника к определенным действиям (интеллектуальным или материальным). Другими словами, коммуникативные действия (акты) производятся коммуникантами в коммуникативной ситуации с целью изменения состояний этой ситуации в соответствии с тем, насколько наличествующие состояния устраивают или не устраивают участников ситуации. Эти действия являются *личностно обусловленными*, так как совершаются субъектом в соответствии с личной мотивацией, *осознанными*, ибо проходят стадии анализа ситуации и сознательного планирования, и *интенциональными*, преследующими определенную цель.

Понятие коммуникативного акта в принципе идентично понятию речевого акта, если под тем и другим понимать некоторый языковой отрезок реального вербального общения. Поскольку языковое общение есть выражение понятийного общения или общения с целью обмена познавательным опытом в соответствующем коллективе, то «это общение должно носить творческий характер, то есть быть всегда осмысленным, целесообразным, практически необходимым, ситуативно обусловленным» [2, с. 11]. Современная лингвистика исследует как раз те свойства языковых единиц, и прежде всего текста, в которых находят свое отражение указанные характеристики коммуникативного акта. Предполагается, что текст, начиная от его элементарного вида и кончая видами с нелимитированными границами, определяемыми объемом задаваемой информации, должен иметь прежде всего смысловую определенность и структурное завершение в виде начала и конца. *Смысловая определенность текста* может быть выявлена на уровне денотативных или тематических границ объекта информации, а *структурное завершение* — скорее всего также на уровне тех или иных грамматических категорий.

Целостность, смысловая завершенность текста с точки зрения его автора по отношению к имевшемуся у него коммуникативному намерению проявляется в структурно-смысловой организации речевого произведения, интеграция частей которого обеспечивается семантико-тематическими связями, а также формально-грамматическими и лексическими средствами [8, с. 13]. Целостность образа содержания может быть достигнута в том случае, если все основные подтемы, введенные в текст, развернуты таким образом, что позволяют при понимании текста заново синтезировать тему текста. Другими словами, в них достигнута необходимая определенность и конкретность, за счет чего как бы очерчивается семантическое пространство данной темы. В этом случае текст считается завершенным.

Исходя из того, что в основе любого текста лежит структурирование, определяемое в конечном итоге самим объектом, а следовательно, и теми речемыслительными операциями, которые отображают денотат языкового фрагмента, можно сказать, что любой вид текста созда-

ет, благодаря своему структурированию, целостность и завершенность. Если рассматривать текст как звено в реальном и потенциальном аспектах, то необходимо предположить, что любому тексту предшествует некоторая материальная и вербальная диалогическая ситуация — непосредственно (контактно) или опосредованно (дистантно), что и создает условия мотивации для порождения определенного текста и условия его реализации. Текст поэтому необходимо определять не как статическую единицу языка, а как подвижную языковую единицу, границы которой релевантны каждый данный раз относительно определенной коммуникативной установки.

Основываясь на положениях о том, что «в действительности не существует ни одной разновидности речи, которая была бы внеситуативна» [9, с. 20], коммуникативная задача может рассматриваться как «запускной механизм» при организации речевой деятельности, которая входит в систему отношений и условий, выражающих ситуативную обусловленность процесса коммуникации. В современной психологии *ситуация общения* определяется как «комплекс внутренних и внешних (психологических и социальных) условий (факторов) речевой ориентировки, которые конкретизируют в человеке ту или иную потребность и на пути к ее удовлетворению стимулируют в нем осуществление речевого акта» [5, с. 59]. Как отмечает А. Н. Леонтьев, сама по себе потребность не может определить конкретную направленность деятельности. Потребность получает свою определенность только в предмете деятельности, которым «становится мысль, заложенная в тексте и отражающая отношения предметов и явлений действительности, а также сам текст, подлежащий смысловой переработке и пробуждающий ответную мысль» [4, с. 172]. Роль *проблемной ситуации* при формировании коммуникативной задачи заключается в управлении протеканием коммуникативного акта, а именно: «формировать, актуализировать или поддерживать потребности в порождении коммуникативного акта; создавать желаемую установку на планируемый результат, вызывать творческий подход к решаемой задаче» [9, с. 20].

В акте общения между реципиентом, текстом, стоящим за ним автором и поставленной коммуникативной задачей складываются сложные отношения, характеризующие ситуацию опосредованного общения, так как поставленная коммуникативная задача и смысловое содержание текста призваны затрагивать потребность индивида, его мотивационную сферу. По мнению Л. А. Чернявской, условиями, предопределяющими акт общения в процессе осуществления коммуникативной задачи, являются: 1) тип коммуникативной задачи, т. е. степень проблемности ее постановки и ее соответствие потребностям индивида; 2) характер актуализируемой установки на глубину смысловой определенности текста; 3) субъективное отношение индивида к поставленной коммуникативной задаче; 4) учет социально-психологических и личностных характеристик индивида; а также 5) ориентация на искомый речевой про-

дукт и планируемый результат [Там же]. От учета перечисленных факторов будет зависеть решение индивидом коммуникативной задачи. Выделенные обобщенные типы ситуаций и коммуникативные задачи, побуждающие к осуществлению процесса порождения текста, а также сам этот процесс можно рассматривать как *базовый коммуникативный минимум*.

Следующая характеристика текста — это его *социальная обусловленность* (детерминированность): одна и та же коммуникативная задача реализуется одним и тем же лицом по-разному, в зависимости от его социального статуса, социальных ролей партнеров, ситуации общения. По мнению С. К. Фоломкиной, «социальная обусловленность текста проявляется, в первую очередь, в выборе языковых средств, которыми коммуникант оформляет свое речевое произведение» [8, с. 13], а также адекватностью средств выражения, содержания коммуникации ее целям и задачам.

Итак, коммуникативная задача может рассматриваться как условие, определяющее следующие свойства текста:

а) текст представляет собой систему информационных элементов, функционально (для данной конкретной цели/целей общения) объединенных в единую незамкнутую, иерархически организованную, содержательно-смысловую структуру, задаваемую общей концепцией или замыслом (коммуникативной интенцией) общения, границы которой релевантны каждый данный раз относительно определенной коммуникативной установки;

б) в виде текста осуществляется вербальная форма передачи и обмена информацией между коммуникантами;

в) в тексте проявляется специфика мышления коммуникантов, их позиции, а также индивидуальное использование языковой системы;

г) в структуре текста реализуется двусторонняя направленность речевого акта и смысловая завершенность в пределах определенного отрезка речевого общения;

д) текст, в котором присутствует и реализуется некая коммуникативная задача, как алгоритм реализации индивидуальных коммуникативных интенций, можно считать обладающим в определенной и значительной степени чертами аутентичного текста в силу того, что в нем реализуется не система языка в рамках, номинированных темой, а вся социокультурная и когнитивная система индивида как социального и коммуникативного субъекта в рамках не столько номинативно-языковой, сколько коммуникативной социальной ситуации [3, с. 191].

Таким образом, в системе речевой коммуникации текст можно рассматривать как *коммуникативно-когнитивно-социокультурную единицу*, которой свойственно наличие *коммуникативной задачи* как комплекса ментальных предкоммуникативных действий, направленных на определение и реализацию будущего текста как речевого действия в рамках, определенных коммуникантами. Решение коммуни-

кативной задачи предполагает наличие у языковой личности мотивации (побуждение к действию, направленному на удовлетворение потребностей индивида), интенции (намерения, цели, направления или направленности сознания, воли, чувств на какой-либо предмет), а так же владение коммуникативными компетенциями.

В этой связи *процесс порождения высказывания* является интенционально ориентированным на создание определенной материальной знаковой структуры (например, текста-знака) действием, предназначенным для восприятия партнером по коммуникации. Получаемая в процессе порождения знаковая структура организуется таким образом, чтобы в процессе понимания в сознании реципиента были генерированы определенные мыслительные структуры (смыслы), которые в процессе восприятия изменили бы его структуры общих знаний и, возможно, стали бы причиной возникновения последующих коммуникативных и социальных интенций.

Указанные характеристики могут служить основанием для выделения типов (жанров) текста по характеру коммуникативной задачи, которые они реализуют; по способам реализации этих задач в рамках того или иного типа (жанра) можно выделить их варианты.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. **Бахтин М. М.** Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. — М. : Искусство, 1986. — 446 с.
2. **Колшанский Г. В.** Лингво-коммуникативные аспекты речевого общения / Г. В. Колшанский // ИЯШ. — 1985. — № 1. — С. 10–12.
3. **Левашкина О. Ю.** Определение коммуникативной задачи в творческой работе студента / О. Ю. Левашкина, К. Б. Свойкин // Гуманитарные исследования: традиции и инновации : сб. науч.-метод. тр. — Саранск, 2004. — С. 186–191.
4. **Леонтьев А. Н.** Деятельность. Сознание. Личность / А. Н. Леонтьев. — М. : Политиздат, 1975. — 304 с.
5. Психология : словарь / под общ. ред. А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского. — Изд. 2-е испр. и доп. — М. : Политиздат, 1990. — 494 с.
6. **Рубинштейн С. Л.** Проблемы общей психологии / С. Л. Рубинштейн. — М. : Просвещение, 1973. — 424 с.
7. **Тамбовкина Т. Ю.** О развитии речемышления учащихся с помощью коммуникативных задач / Т. Ю. Тамбовкина // ИЯШ. — 1990. — № 2. — С. 7–11.
8. **Фоломкина С. К.** Текст в обучении иностранным языкам / С. К. Фоломкина // ИЯШ. — 1985. — № 3. — С. 13–18.
9. **Черняевская Л. А.** Роль коммуникативных задач и учет ситуаций общения при обучении чтению / Л. А. Черняевская // ИЯШ. — 1986. — № 3. — С. 20–21.

ЭПИСТОЛЯРНЫЙ ТЕКСТ КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ

Н. В. Леткина

«Человек живет в мире текстов», — как справедливо заметил Ю. Н. Караулов. Текст относится к наиболее очевидным реальностям языка, а способы его интуитивного выделения основаны на разумном предположении о том, что любое завершенное и записанное вербальное сообщение может идентифицироваться как текст.

Одной из актуальных проблем лингвистики до сих пор остается проблема выделения и описания категорий текста. До сих пор не получило достаточно точного определения понятие «категория текста». Предложенная И. Р. Гальпериным трактовка данного понятия как категории грамматической, вызывает вполне обоснованную критику. Так, А. Н. Мороховский считает, что грамматика рассматривает категорию как совокупность форм, обладающих определенными значениями и образующих бинарные или многомерные оппозиции (категории лица, падежа, числа). Что же касается текста, то здесь «также возможно выделение определенных формальных признаков, но очень немногие из них образуют многомерные, а тем более бинарные оппозиции» (цит. по: Арутюнян, 2000). З. Я. Тураева при определении текстовой категории исходит из философского понимания категории. В философии категории суть «общие, фундаментальные понятия, отражающие наиболее существенные закономерные связи и отношения реальной действительности и познания».

Категории текста универсальны по своей природе и обнаруживаются в любом тексте независимо от языка, на котором создан текст, и от типа текста (Тураева, 1986). Наблюдение данного принципа приводит к непомерному разрастанию «списка» текстообразующих категорий, среди которых некоторыми авторами рассматриваются частные свойства отдельных типов текста. Данный факт свидетельствует о том, что дискуссионным вопросом остается проблема номенклатуры текстообразующих категорий.

Так И. Р. Гальперин в своих работах выделяет следующие текстообразующие категории текста: когезия, членимость, темпорально-пространственный континуум, информативность, ретроспекция, проспекция, автосемантическая отрезков текста, модальность, интеграция и завершенность (Гальперин, 1981).

А. Н. Мороховский хотя и не упоминает слово «категория», но говорит об основных признаках текста. Он рассматривает три обще-текстовых признака: развернутость, обусловленную интегративностью, целостность, обусловленную парадигматическими отношениями, и дискретность, обусловленную синтагматическими отношениями (цит. по: Арутюнян, 2000).

З. Я. Тураева наряду с другими категориями художественного

текста (сцеплением, интеграцией, прогрессией/стагнацией, подтекстом, художественным хронотопом) выделяет также категорию «образа автора». Антропоцентризм языка, проецируясь на художественный текст, делает образ автора ведущей категорией текста (Тураева, 1986).

Немецкие ученые Р. А. Богранд и В. Дресслер среди прочих свойств текста рассматривают также интенциональность и восприимчивость. В первом случае во внимание принимается намерение продуцента (автора) текста, во втором подчеркивается активная роль реципиента, самостоятельно управляющего процессом восприятия материала. При всей спорности рассмотрения данных свойств текста как критериев текстовости (т. е. совокупности свойств, отличающих текст от не-текста и от других языковых и речевых образований и определяющих его специфику) достоинством данной трактовки является уравнивание ролей двух участников коммуникативного акта: говорящего/пишущего и реципиента (читателя/слушателя).

В нашем исследовании интерес представляют эпистолярные тексты. Эпистолярный (от греческого *epistole* — послание, письмо) — переписка, изначально задуманная как художественная или публицистическая проза, предполагающая широкий круг читателей. Такая переписка легко теряет двусторонний характер, превращаясь в серию писем к условному или номинальному адресату. Однако именно ориентация на адресата, воображаемого или реального, составляет важный признак эпистолярной литературы, отличая ее от записок и дневника. Письма уступают дневнику в откровенности, так как существует адресат, пусть даже очень близкий, но все же другой человек. Тем не менее, письма имеют и большое преимущество перед дневником. Они позволяют наблюдать личность в процессе общения, обсуждения различных предметов и тем, многие из которых, скорее всего, и не возникли бы в дневнике. В этом случае появляется прекрасная возможность сравнивать, о чем и как говорит пишущий в письмах к разным людям.

Лингвистические проблемы эпистолярного письма активно исследуются в отечественной лингвистике лишь последние десять лет. Долгое время письмо (его лингвистическая сторона) не было объектом тщательного исследования, что привело к различным подходам к определению данного явления в современной лингвистике.

Наиболее распространенной в лингвистической литературе является точка зрения, которая соотносит переписку с понятием жанра как разновидности того или иного функционального стиля. Данная точка зрения может быть оправдана лишь частично. По мнению Н. И. Белуновой, определенные типы писем можно рассматривать как жанр соответствующего функционального стиля, если учесть, что в различных типах писем актуализируются равные системы языка (Белунова, 2000).

Письмо в рамках художественной литературы рассматривается в работах Н. М. Виноградовой, Т. В. Ковалевой, О. Ю. Кустовой и др. Деловые письма как жанр официально-делового стиля подвергаются

анализу в работах П. В. Веселова, Н. И. Гайнулиной, Г. Н. Насыровой и др.

Письма в редакцию как жанр публицистического стиля исследуются в диссертациях Н. В. Максимовой, Э. В. Чепкиной. Как жанр научного стиля (профессионально ориентированное письмо) эпистолярный текст анализируется в работах О. Ф. Цыцариной и И. В. Чуркиной.

Бытовое письмо, реализуемое в русле разговорного стиля и ограниченное сферой бытового общения, может быть рассмотрено как жанр разговорного стиля. Л. А. Илюшечкина и О. С. Чеснокова считают отнесение частного письма к письменной форме разговорного стиля вполне обоснованным, так как частное письмо предполагает неофициальный характер общения, хотя ученые и подчеркивают, что такие фундаментальные характеристики разговорной речи, как спонтанность и непосредственность общения, не свойственны данной разновидности эпистолярия.

Однако не все типы писем могут быть однозначно отнесены к определенному функциональному стилю. Так, ряд ученых, рассматривающих разновидности частного письма, отмечают, что в стилистическом отношении данный вид эпистолярия представляет собой синтез нескольких функциональных стилей. Данный факт обусловлен политематичностью частного письма. Частное письмо, по сути, представляет собой синтезированный тип текста, в котором наряду с элементами разговорного стиля существенное место занимают элементы книжного стиля (художественного, научного, публицистического).

Наиболее радикально выглядит точка зрения К. С. Степанова, утверждающего, что дружеское, личное письмо редко бывает построено на однообразном материале — «обычно в нем мозаика, пестрота тем, пластов материала и стиля <...> Ни конструкции, ни стиль письма не развивается в пределах какого-то одного ряда. Письмо живет чужими рядами, поэтому в пределах „эпистолярного жанра и стиля“ часто имеем существование различных стилей и жанров» (цит. по: Белунова, 2000).

Н. А. Ковалева, докторская диссертация которой посвящена русскому частному письму XIX в., рассматривает эпистолярный текст в аспекте жанроведения и трактует его в качестве речевого жанра (Ковалева, 1993). Разработчик теории речевых жанров М. М. Бахтин относил письмо «во всех его разнообразных формах» к особому самостоятельному речевому жанру (Бахтин, 1997).

С нашей точки зрения, отнесение эпистолярного текста к речевому жанру может быть обосновано тем, что существенной чертой речевого жанра в процессе его функционирования в речи является диалогичность, связанная с взаимодействием людей в ходе речевого общения и деятельности. Диалогичность является определяющей коммуникативно-прагматической характеристикой эпистолярных текстов. В общем и целом диалог представляет собой необходимое условие существова-

ния эпистолярного текста в рамках переписки. Отсутствие ответного письма (ответной реплики) адресата прерывает эпистолярный диалог. Вышеизложенное дает основание для рассмотрения эпистолярного текста в качестве особого речевого жанра.

Актуальной в данной связи становится проблема отнесения эпистолярного текста к первичным или вторичным речевым жанрам. Являясь письменной формой коммуникации, эпистолярный текст представляет собой более сложный вид высказывания, чем, например, реплика устного диалога, и может быть тем самым отнесен к вторичным речевым жанрам, интегрирующим первичные речевые жанры (обращение, приветствие, прощание, благодарность, соболезнование, пожелание, просьба, сообщение, дискуссия, размышление и т. д.).

При этом первичные речевые жанры, интегрированные во вторичный речевой жанр — письмо, могут быть различными по цели высказывания, т. е. отражать различные интенции адресанта и, следовательно, выполнять различные функции, что детерминирует такой признак письма, как полииллокутивность и полифункциональность. Полииллокутивность, в свою очередь, дает свободу тематическому разнообразию, а также стилистическим вариациям, обуславливая тематическую и стилистическую неоднородность письма как вторичной речевой формы.

С первого взгляда может показаться, что перечисленные признаки эпистолярного текста как вторичного речевого жанра противоречат бахтинской трактовке понятия «речевой жанр» как целостного единства тематического содержания, стиля и композиционного построения. Однако здесь необходимо принимать во внимание несколько факторов,

Во-первых, концепция М. М. Бахтина наметила лишь основные проблемы исследования речевых жанров и в достаточно общем виде определила данное понятие, которое должно быть уточнено. Во-вторых, вторичные речевые жанры, интегрируя первичные речевые жанры и представляя собой таким образом синтезированный продукт, по-видимому, не могут в полной мере обладать вышеперечисленными качествами (единством тематического содержания, стиля и композиционного построения). В-третьих, в рамках речевого жанра «письмо» могут быть выделены определенные разновидности, обладающие единством тематического, композиционного и стилистического компонентов в наиболее обобщенном виде. Так, например, любовные письма характеризуются относительно свободной композицией, сохраняя лишь основные компоненты эпистолярного текста — обращение и подпись. С тематической точки зрения в центре данной разновидности эпистолярия находятся отношения корреспондентов, их чувства. Стилистически любовное письмо отличается яркой образностью и экспрессивностью изложения.

Итак, письмо рассматривается нами как речевой жанр, что обусловлено определяющей коммуникативно-прагматической характеристикой

данного типа текста — диалогичностью. Являясь письменной формой речи, письмо представляет собой вторичный (сложный) речевой жанр, интегрирующий первичные (простые) речевые жанры. Как вторичный речевой жанр письмо характеризуется разнообразием композиционного оформления (от строго стандартизированного до достаточно свободно-го), полилокутвностью, полифункциональностью, тематической и стилистической неоднородностью. Перечисленные характеристики обуславливают синтетизм эпистолярного жанра.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Арутюнян Э. Б. Функционирование речевого этикета в королевском эпистолярном наследии (XV — XIX вв.) : дис. ... канд. филол. наук. — СПб., 2000.
2. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М., 1981.
3. Тураева З. Я. Лингвистика текста (Текст: структура и семантика). — М. : Просвещение, 1986.
4. Белунова Н. И. Текст дружеского письма творческой интеллигенции конца XIX — первой четверти XX в. Как объект лингвистического исследования (коммуникативный аспект) : дис. ... д-ра филол. наук. — СПб., 2000.
5. Ковалева Т. В. Лингвопрагматический аспект текста «письмо» (на материале современной немецкой литературы) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 1993.
6. Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // Собр. соч. — М. : Рус. словари, 1997. — Т. 5.

О РЕАЛИЗАЦИИ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ПРЕСУППОЗИЦИИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Н. П. Макарова, Н. Г. Хайрова

Пресуппозиция — новое понятие в лингвистике, и круг явлений, подводимых под него, настолько широк, что иногда правомерно ставится вопрос, а есть ли вообще в трактовке пресуппозиции нечто общее, относительно чего у всех языковедов, рассматривающих пресуппозицию, было бы общее понимание.

Понимание пресуппозиции как отношения предложения к миру по существу заимствовано из стандартной математической логики, в которой, в частности, определяются условия, которым должен удовлетворять описываемый логическим языком мир, чтобы предложение определенного типа на этом языке было истинным. Определение этих условий связано с понятием логической пресуппозиции: предложение S предполагает (presupposes) предложение S' в том случае, если предложение S' выводится из предложения S и отрицание предложения S (т. е. — S) не затрагивает выводимости S' . Предложение S' должно быть истинным, иначе не может быть истинным предложение S .

Следует заметить, что слово «пресуппозиция» (presupposition)

заимствовано из английского языка, в котором оно означает «предположение», «допущение» или «исходную предпосылку».

Проблема пресуппозиции в современной лингвистике выдвинулась в ряд самых важных проблем. Она стала дальнейшим этапом изучения вопросов семантики синтаксиса, семантики предложения.

В лингвистической литературе пресуппозиция в основном определяется как «условия, которые должны удовлетворять употреблению определенного предложения» [Fillmore, 1969: 109]. Обычно исследование пресуппозиции проводится лингвистами на примерах изолированных предложений, однако анализ пресуппозиций предложения можно сделать более объективным, если выйти за рамки отдельно взятого предложения и рассматривать определенный текст. Наиболее благоприятным текстом может быть текст художественного произведения. Понятие пресуппозиции будет рассмотрено в применении к повествовательным предложениям.

Под лингвистическими (коммуникативными) пресуппозициями повествовательных предложений понимаются ретроспективно осознаваемые высказывания, которые по своей семантике сигнализируют о достоверности сообщаемого, причем пресуппозиции должны быть представлены эксплицитно в предшествующем тексте. Как явствует из определения, понятие пресуппозиции основывается на коммуникативном характере предложения как средстве передачи информации.

Следует выделять пресуппозиции повествователя и пресуппозиции читателя. [Царев, 2003: 41]. Предложение в тексте художественного произведения лишь тогда будет понято правильно, когда пресуппозиции повествователя и читателя совпадают или, если применить термин Н. Д. Арутюновой, составляют их «фонд общих знаний» [Арутюнова, 1973: 84].

Исходя из вышесказанного, проведем пресуппозиционный анализ первого предложения романа «Прощай, оружие» Э. Хемингуэя.

In the late summer of that year we lived in a house in a village that looked across the river and the plain to the mountains.

Это предложение является повествовательным зачином романа. Зачину в произведениях художественной литературы отведена особая роль. В зависимости от того, как построен (оформлен) зачин, какие средства национального языка использовал в нем писатель, как он их аранжировал, возникают первые пресуппозиции читателя, его первые эстетические и художественные впечатления.

К лингвистическим средствам — выразителям пресуппозиции достоверности — можно отнести следующие средства: зачинательный формант there be, имена собственные, указательные слова, определенные артикли, личные местоимения.

Одним из наиболее широко употребляемых выразителей пресуппозиции достоверности в английском языке является зачинательный формант there be. «Роль этого форманта there be... особенно очевидна в

текстах, события которых заведомо вымышлены, но которые тем более надо представить как события достоверные» [Иртеньева, 1975: 12].

Другим выразителем пресуппозиции достоверности в английском языке являются имена собственные. Вымышлено это имя или реально, при упоминании имени собственного у получателя сообщения немедленно возникает пресуппозиция достоверности получаемой информации.

Широко употребляемыми выразителями пресуппозиции достоверности являются определенные артикли и указательные слова. Семантика определенного артикля и указательных слов содержит в себе семы достоверности, поскольку в сообщении речь идет о чем-то реально существующем.

Выразителями пресуппозиции достоверности наряду с ранее упомянутыми являются также личные и указательные местоимения. Это связано с основным значением местоимений. Употребление личных и указательных местоимений сигнализирует о том, что в сообщении речь идет о лице или предмете уже знакомом, ранее упоминавшемся и реально существующем, достоверном.

В анализируемом предложении структурно-семантическому ядру предложения *we lived* предшествует обстоятельство времени *in the late summer of that year*. С точки зрения информативности данное предложение является типичным «временным» зачином. Однако с точки зрения семантики оно не совсем обычно. Повествователю совершенно достоверно *известно*, о каком именно лете какого года он вспоминает. На это указывают грамматические индикаторы пресуппозиции достоверности — определенный артикль *the* и указательное местоимение *that*. Он не указывает точные даты событий. Повествователь также хорошо знает людей, которые вместе с ним принимали участие в описываемых событиях и которые скрыты за местоимением *we*. Наконец, он знает места событий, что ясно из семантики предложения. Таким образом, у повествователя имеются определенные знания обстановки и событий, о которых он не упоминает в начале своего рассказа. Назовем эти знания «фондом знаний повествователя». Этот фонд знаний составляет пресуппозиции повествователя.

Согласно положению о том, что семантика предложения в художественном тексте лишь тогда будет понята правильно, когда пресуппозиции читателя и повествователя совпадают, проведем анализ пресуппозиций читателя.

Прежде всего, у читателя возникает пресуппозиция достоверности описываемых повествователем событий. Выразителями пресуппозиции достоверности в данном случае выступают указательное местоимение *that*, личное местоимение *we* и определенные артикли. Эти же лексико-грамматические индикаторы указывают на то, что повествование не рассчитано ни на кого, кроме самого повествователя. Это составляет вторую пресуппозицию читателя. Далее, грамматическая форма времени глагола *live* (Past Indefinite) показывает, что речь идет о событиях прошлого.

Итак, читатель понимает, что перед ним воспоминания о достоверных событиях, которые имели место в прошлом. Указанные пресуппозиции являются «фондом знаний» читателя. Но они же являются и «фондом знаний» повествователя. Таким образом, они становятся «фондом общих знаний» автора и читателя, пресуппозициями, которые далее имеют силу на протяжении всего произведения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Арутюнова Н. Д. Понятие пресуппозиции в лингвистике // Изв. АН СССР. — Сер. лит. и яз. — 1973. — Т. XXXII, вып. 1. — С. 84—89.
2. Иртеньева Н. Ф. О лингвистической пресуппозиции / Н.Ф. Иртеньева // Проблемы семантического синтаксиса (Лингвистическая пресуппозиция). — Петрозаводск, 1975. — С. 10—17.
3. Царев А. М. Основы семантико-синтаксического анализа закрытой системы текста / А. М. Царев. — Стерлитамак : Стерлитамак. гос. пед. ин-т, 2003. — 127 с.
4. Fillmore Ch. Types of Lexical Information / Ch. Fillmore // Studies in Syntax and Semantics. — Dordrecht, (Holland), Reidel, 1969. — P. 109—137.

ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РЕКЛАМНОГО ТЕКСТА

А. В. Прожога

Реклама — относительно новое явление, представляющее собой объект исследования многих наук — экономики, психологии, социологии, философии, социолингвистики и лингвистики. Оно вызвано к жизни на определенном этапе развития общества и обусловлено необходимостью поддержания соответствующих условий его существования. Ее проявления во всевозможных формах превратились в прочную составную часть культуры, и ее нельзя исключить из сферы общественной коммуникации.

В ответ на социальный заказ общества язык расширяет границы своего функционирования: сознательно формируется язык рекламы — новый функциональный подстиль.

В лингвистике реклама рассматривается как язык массовой коммуникации, наделенный специфическими функционально-стилистическими особенностями, и пристальное внимание уделяется дескриптивным исследованиям и разработке проблем прагматики рекламного текста, раскрытию стилистических и структурно-семантических особенностей языка рекламы на уровне текста.

Вопрос о лингвистических особенностях рекламного текста тесно связан со спецификой воздействия печатной рекламы и ее восприятия потребителем. По сложившейся традиции рекламное объявление рассматривают как своеобразный акт коммуникации — имеют

ся участники, способ контакта, код/ язык, информационное сообщение и реакция на него.

Оставив в стороне социальные и психологические факторы, среди основных языковых функций рекламного объявления в первую очередь следует выделять воздействующую и информирующую (референтивную/ денотативную) функцию. Первую можно определить как совокупность эмотивной (вызывает определенную эмоциональную реакцию, мотивирует), эстетической (воздействие рекламы как произведения искусства, здесь играет роль сама форма обращения) и убеждающей функций. Вторая заключается в сообщении необходимых данных об объекте рекламы.

Основными задачами рекламного текста являются следующие:

- привлечение внимания к рекламному средству;
- приведение потенциального потребителя в состояние, благоприятное для восприятия;
- вызов интереса к предмету рекламы;
- демонстрация преимуществ товара/ услуги;
- раскрытие некоторых специфических свойств товара;
- популяризация названия, марки, установки, лозунга;
- запечатление их в сознании и, тем самым, продление мимолетного воздействия рекламного текста и побуждение к активному действию читателя в нужный момент.

Проиллюстрировать процесс рекламного воздействия на потребителя можно на примере формулы **AID(C)A**, предложенной Дж. Лундом. Качественное рекламное объявление должно привлекать внимание (*attention*), удерживать интерес (*interest*), вызывать желание (*desire*), добиваться доверия (*confidence*) и требовать покупательного действия (*action*).

Внимание чаще всего привлекается иллюстрацией и заголовком, демонстрирующими реальные выгоды для покупателя и обращающимися к его интересам, например:

Kaiser — Power in action.

Интерес создается через акцент на выгоды от приобретения товара и информацию, отвечающую на вопросы читательского сознания, например:

Have any risk under control.

Желание возбуждается представшим перед клиентом и вызванным в его воображении образом предмета рекламы, например:

Nissan — Shift expectation.

Доверие создает косвенная речевая тактика, положительный или близкий читателю контекст, уклонение от превосходных степеней, неопределенности, хвастовства. Все раскрывается точно и правдоподобно.

Nokia — connecting people.

Действие начинается со стимула — приглашения к действию и указания на необходимость действовать быстро:

Be more Nokia.

Язык рекламы характеризуется рядом специфических особенностей, к которым относятся:

- специфический подбор лексики, характеризующейся богатым коннотативным шлейфом, обилием значений;
- стилистически окрашенные слова, что привлекает внимание воспринимателя текст;
- употребление лексики не в прямом значении для усиления образности;
- многочисленное употребление идиом для создания образности.

Идиомы помогают создавать образ, что является центральным средством воздействия на реципиента. При восприятии рекламного текста основное — это реакция на образ, который и останется в памяти воспринимающего рекламу. Важно создать этот образ, максимально используя средства языка — идиоматические выражения, низкочастотную лексику и лексику с эмоционально-оценочными обертонами, создающими коннотацию.

Сила косвенного внушения выражается в словах не буквально, а растворяется в тексте, рассчитанном на нелинейное прочтение. В таком тексте существует второй план, недоступный непосредственному наблюдению, т. е. движущая идея раскрывается косвенным путем, чтобы обойти недоверие клиента и осесть в его сознании.

Использование особых стилистических «ноу-хау» (асиндетона, градации, параллелизма, эллипсиса, парцелляции, аллюзий, пресуппозиций и др.) бывает весьма результативным, т. е. благодаря имплицитной сфере рекламного текста он формируется не столько собственно по горизонтали, сколько вертикально, в глубину его содержания.

Аллюзия — один из эффективных приемов рекламы, заключающийся в использовании известных аудитории фрагментов культуры с определенной коннотацией, ассоциированных с определенной эмоцией. Это, как правило, названия кинофильмов, произведений искусства, строки из популярных песен, стихов, анекдотов, афоризмов, географические названия. Например:

Welcome to Marlboro country.

Или: *Finest quality shirt makes structured weaves and intense colours produce mesmerising textures reminiscent of the views from Ravello, perched above Italy's Amalfi coast. Immaculately finished with our signature, mother of pearls Trinity Buttons* (реклама одежды).

Прием абсурда основан на контрасте между образом предмета в чужой ему сфере, где он неуместен и нелеп (и где его некомпетентность извинительна), и в сфере его приложения, где он лидер, номер один, профессионал и т. д. Такой контраст подчеркивает достоинства предмета рекламы гораздо ярче, чем простое описание. Например:

Get your kick above the waist line. A whole new-line up of shirts.

Herringbone, Twill checks and Bedford cord shirts are ready to rock! Come, power yourself with this season's lethalmal weapon-color Plus smart casuals (реклама одежды).

Еще один характерный для рекламного текста прием — **акцент**: клиент превыше всего. Например:

Deer sanctuary.

Bear sanctuary.

Wolf sanctuary.

Business Traveller' sanctuary (реклама авиакомпании).

Иногда в качестве отдельного приема создатели рекламы используют «аффиляцию» или *star power* — причисление себя к определенной социальной группе с более высоким социальным статусом через обладание предметом рекламы. При этом нередко наблюдается реализация гендерно детерминированных образов, отражающих гендерные предпочтения покупателя (автомобили, косметика, парфюмерия и т. д.):

Are you feminine enough? (реклама косметики и одежды Louis Feraud).

Еще одна речевая тактика — обращение в поучительной манере к потребителю, которая нацелена на возбуждение чувства в постоянной необходимости рекламируемого товара и чувства социальной свободы в связи с его приобретением:

Nokia — connecting people.

И далее, основываясь на предыдущей рекламе, углубляя рекламный образ:

Be more Nokia.

Следует отметить, что такие рекламные тексты часто используются с видеорядом, который дополняет их языковую лаконичность.

Таким образом, можно говорить о том, что именно лексика является важным стилиобразующим фактором языка рекламы. Тщательным образом отбираемая и сознательно создаваемая рекламистами при условии неперемного учета фоновых знаний реципиента, она отражает современные языковые тенденции. И хотя язык рекламы достаточно хорошо изучен и описан, принципы вычленения лексики рекламы из словаря общелитературного языка представляют определенные трудности. Жанровое многообразие рекламы, обусловленное каналом распространения, содержанием и прагматикой рекламного текста, осложняет эту задачу.

Одной из проблем дальнейшего исследования лексики языка рекламы, по нашему мнению, можно было бы предложить исследование ее с точки зрения отбора языковых средств для создания рекламы для определенных возрастных групп или гендерно детерминированной рекламы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. **Keiko T.** Advertising Language: A Pragmatic Approach to Advertisement in Britain and Japan. Routledge Taylor & Francis Group, 1994.

2. **Leech G. N.** English in advertising: A linguistic study of advertising in Great Britain. L. : Longmans, 1996.

СТРОЕНИЕ СТРАТЫ «НОВОЕ ЗНАНИЕ» В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ НАУЧНОЙ СТАТЬЕ

К. Б. Свойкин

Известно, что общение ученых в профессиональной сфере осуществляется на фоне четко обозначенных коммуникативных целей, хорошо разработанной системы общего знания о некоторой предметной области и, вследствие этого, подготовленного восприятия со стороны адресатов научных текстов. Это обстоятельство определяет стремление к формализации потока научных публикаций, к стандартизации текстовых форм. Становится очевидным, что чем четче выражены прагма-коммуникативные характеристики текстов, тем определеннее и яснее их жанровые признаки, тем выше степень их однозначности. С другой стороны, подобная стандартизация и стереотипизация может рассматриваться как некий маркер, соотносящий текст не только с определенным стилем, но также с его коммуникантами с точки зрения их деиндивидуализирующей принадлежности к некоторой группе. Эта группа, как представляется, обладает типическими характеристиками, которые придают ей групповые (институциональные) свойства.

В этой связи целесообразно рассматривать научный текст с точки зрения его дихотомичности в схеме «старое — новое знание» (терминсистема Данилевской), причем, если под «старым» знанием мы будем иметь в виду ту дисциплинарную опору, которая выступает в научном тексте в виде его интертекстуально-диалогической составляющей, то «новое» знание вполне очевидно будет репрезентировать в данном контексте тот научно-исследовательский вклад, который мы станем ассоциировать с данным автором в упомянутом дисциплинарном смысловом поле: «Компоненты старого (известного) и нового (неизвестного) знания — это материализованные в поверхностной ткани произведения аксиологически определенные смыслы, в своей целостности репрезентирующие пошаговую динамику познавательно-коммуникативной деятельности ученого, направленной на выработку и обоснование в тексте нового научного знания ...старое и новое являются текстовыми единицами ...взаимодействие старого и нового знания в процессе развертывания текста обеспечивает его содержательную, смысловую и композиционную целостность» (Данилевская, 2005: с. 61).

Именно в этом плане возможна очевидная стратификация текста на две основополагающие составные страты: интертекстуальная и авторская. Рассмотрим один из примеров, иллюстрирующих подобную стратификацию вполне очевидным образом:

The structure of this paper is as follows. **In Section 2 I shall present Harris's conception of transformational grammar**, and explain the so-called discovery procedures. **In Section 3 I shall expound Chomsky's criticisms of the procedural approach to language. Section 4 will explain Chomsky's own theory of grammar. Section 5 will provide an examination of Chomsky's argument**, and will point out a fundamental error in his linguistic thinking. **In Section 6 I shall argue that, once this fundamental error is corrected, we will see that discovery procedures can indeed discover the secrets of human language and the human mind. Conclusions and discussions will be offered in the final section, Section 7.**

(Lin)

Отрывок из введения к статье Ф. Лина приведен нами не случайно. Именно здесь мы со всей очевидностью можем регистрировать способ структурирования вышеупомянутой дихотомической стратификации. Действительно, данный абзац представляет собой четкую схему, которую вполне можно рассматривать как некий план, предопределяющий возможные стратегии и тактические рисунки при понимании этого текста. Например, читатель может вариативно определить для себя последовательность восприятия статьи. В частности читатель, профессионально знакомый с работами Харриса и Хомского, вполне может опустить пять первых разделов и обратиться напрямую к аргументам Лина, которые по определению и будут представлять в данном случае «новое» знание — знание, генерированное собственным автором статьи.

Следует отметить, что вышеупомянутая работа вызывает особый исследовательский интерес в силу своей четкой структурированности. Именно поэтому было решено начать следующую исследовательскую главу с подробного анализа элементов авторского «нового знания», содержащихся именно в этой работе.

Англоязычный научный текст на современном этапе характерен серьезной опорой на предварительное дисциплинарное знание и фундаментальное внимание, уделяемое локальному контексту (Свойкин, 2006). Стремление обеспечить потенциального реципиента адекватным вертикальным контекстом (Полубиченко, 1979), безусловно, нагружает англоязычную научную статью уже известной информацией и делает страту «старого» знания объемной и порой необязательно тяжеловесной. Вполне естественно, что авторы подобных статей, небезосновательно стремясь отделить прецедентную и контекстуальную части (иными словами историю вопроса) от собственно целевой авторской составляющей, вынуждены эксплицитно структурировать собственный текст так, чтобы эта авторская составляющая присутствовала в нем достаточно выпукло. В частности, в уже упомянутой статье Ф. Лина «The transformations of transformations» мы можем наблю-

дать несколько способов идентификации этого нового знания (НЗ), осуществляемой как в контрасте со знанием старым (СЗ), так и вне этой дихотомии.

Abstract

Zellig S. Harris's original idea of transformations has been transformed (changed) several times in Chomsky's work. In this paper I shall explicate all these transformations (changes). I shall argue that, though their motivations are highly understandable, these transformations (changes) are not necessary for understanding the workings of natural languages. In other words, **I shall argue** that Harris's transformational grammar is quite adequate. **I shall also argue that** the idea of "discovery procedures", **seen from a novel point view which I shall provide, can indeed lead to important discoveries about the secrets of human language and the human mind.**

(Lin)

Уже в аннотации к работе автор очевидным образом противопоставляет предварительную дисциплинарную составляющую (СЗ: **Zellig S. Harris's original idea of transformations has been transformed (changed) several times in Chomsky's work**) и свои собственные новые (**novel point view**) положения констативного (**I shall explicate**) и аргументативного (**I shall argue**) содержания. При этом автор четко направляет читателя в то русло, которому он и будет придерживаться в процессе собственного анализа: **important discoveries about the secrets of human language and the human mind.** Определяя целевыми исследовательскими характеристиками отношения языка и мышления, Лин далее уточняет указанную спецификацию.

I shall propose here that we need another change of aspect. **The new aspect is** that grammar is known. **We know what** the grammatical rules of our language are. **We know why** a sentence is grammatical or not. Nothing about grammar is hidden from us. **What is hidden from us is** knowledge-how, i.e. knowledge how we come to know all those grammar rules.

Уточнение происходит за счет аспектной конкретизации той части взаимоотношений языка и мышления, которая отвечает за освоение тех умений и навыков, которые в аутентичной схеме владения языком осуществляются автоматически и подходят под схему «черного ящика». В терминах Лина: **Nothing about grammar is hidden from us. What is hidden from us is knowledge-how, i.e. knowledge how we come to know all those grammar rules.** При этом автор скорее очерчивает научную новизну и предлагает ряд обобщающих моментов. Далее Лин, продвигаясь в направлении от общего к частному, конкретизирует основные целевые параметры собственного исследования.

In this new aspect, our task is no longer to discover the grammar of a language, **for there is nothing** there about grammar to discover: **everything about grammar is known already. Rather, our task is**

to discover how we (or the child) come to know the rules of grammar. We *can make the assumption that* the child is equipped with certain discovery procedures, such that given primary linguistic data, the child applies the discovery procedures and arrives at the grammar of the language in question. *Under this assumption, our task will be to discover what* the discovery procedures are.

При этом исследователь привлекает дисциплинарные факты, которые позволяют ему контрастно выделить новизну собственных утверждений: **In this new aspect, our task is no longer to ...for there is nothing ...everything about grammar is known already. Rather, our task is to discover...** Совершив приведенное противопоставление, автор направляет читателя в избранное дисциплинарное русло: *We can make the assumption that... Under this assumption, our task will be to discover what...* Подобная схема безусловно стимулирует дальнейшее восприятие текста, поскольку риторически выстроена в анафорической синтагме и поэтому генерирует дальнейший интерес. Безусловно, автор, определяя дисциплинарные лакуны, которые он собирается заполнить своим новым знанием, четко характеризует их уже существующее контекстуальное окружение. Этим окружением выступают в данном случае постулаты Н. Хомского:

We might start by assuming that the discovery procedures are procedures of induction, generalisation and analogy. But as **Chomsky rightly pointed out**, these notions are vague, and seem to be empty. **Chomsky (1975a) also accurately remarked that** taxonomic procedures of classification, segmentation, etc. are **“an unusually refined, detailed, and sophisticated development of a theory of this general [empiricist] character”** (p. 13), are **“among the most sophisticated and interesting efforts undertaken within a significant (i.e. nonvacuous) empiricist framework”** (p. 36), are **“an instance of E, perhaps the most complex version that has yet been developed”** [Chomsky (1975b), p. 138]. (See Section 4.6.1 above.) *We thus can carry on from where taxonomic linguistics stopped.*

Прочная связь старого и потенциально нового знания, реализуемая в приведенном фрагменте, вполне укладывается в современные представления о структурных характеристиках когнитивной составляющей научного речевого регистра. Подобная пошаговая схема подведения читателя к освоению новых идей получает развитие в дальнейшем развертывании текста.

Notice that when we formulate discovery procedures **we are not stabbing at the dark.** It is not that we do not know what are trying to discover. **Rather, our task is clear. The input is** primary linguistic data, and **the output is** the set of rules of grammar, which we know. **The research is empirical, because** the rules of grammar, which we know, **serve as tests** for the adequacy of the discovery procedures. **If the discovery procedures explain** the acquisition of the grammar rules, **then they are** descriptively adequate; otherwise they are not.

Данный фрагмент представляется весьма значимым для успешного освоения всей страты НЗ в рамках данной статьи. Эта значимость выражается в четкой, логически выстроенной линии рассуждений,

предпринимаемых автором и скрупулезно излагаемых посредством ряда последовательных аналитических ходов: **Notice that when — we are not stabbing at — Rather, our task is clear; The input is — the output is; The research is — because the rules — serve as tests; If the discovery procedures explain — then they are...** Обеспечение когнитивных составляющих текста подобными, ярко выраженными логическими цепочками, выполненными в стандартных схемах лингво-речевой логики, неизбежно обеспечивает формирование у реципиента параллельных логических конструкций на стадии усвоения текста. И именно это является целью автора, поскольку указанная логика воплощает то новое знание, которое автор и намерен репрезентировать через текст. Другой способ отражения значимости НЗ в дисциплинарном поле является обоснование через гипотетическое отсутствие этого знания или через его неверную интерпретацию.

Without knowing what is learned, what would be the point of a “learning theory”? **Without a way of evaluating** the adequacy of discovery procedures, **the practice** of devising discovery procedures **would be arbitrary and would lose all its significance...**

...Instead of thinking that the initial state consists of innate grammatical principles, **we postulate that** it consists of a set of discovery procedures.

Возникает закономерный вопрос, а надо ли подобным образом педагогизировать значимость предлагаемых постулатов или следует оставить читателю самому решать насколько приводимое НЗ актуально или неактуально в избранном дисциплинарном поле. На наш взгляд, подобное усиление текстовой позиции связано не с попыткой навязать собственное мнение читателю, «беззащитному» перед риторикой автора. По всей видимости речь здесь должна идти не об **усилении**, а о **выделении** того или иного фрагмента в качестве маркера всей страты НЗ. Необходимость подобного выделения обусловлена, по всей видимости, тем, что соотношение **старого** и **нового** знаний оказывается количественно не в пользу последнего, что само по себе, с одной стороны, вполне закономерно, а с другой — чревато тем, что существует опасность потери целевой концентрации читателя. Именно поэтому, на наш взгляд, автор продолжает привлекать внимание читателя к своему НЗ посредством контрастных конотативных ходов.

In this new aspect, finding discovery procedures **will no longer be “dull and unsatisfying”** [Chomsky (1975a), p. 25]. The old taxonomic linguistics **was “dull and unsatisfying” because** even to find a very simple grammar rule one had to go through the procedures of segmentation, classification, making use of classes, sequences of classes, etc., while one could easily write down the rule in question based on one’s intuitions (cf. Section 4.1 above). **But we are no longer trying to discover grammar rules. We are rather trying to** discover discovery procedures. **The search is as exciting as finding the neuro-algorithms for processing certain information.**

Противопоставление процессов *«trying to discover grammar rules»* и *«finding the neuro-algorithms for processing certain information»*

information» осуществляется автором посредством противопоставления определений «**dull and unsatisfying**» и «**as exciting as**». Подобное противопоставление имеет очевидные признаки интервенции (Зотов, 2000) художественного стиля в научный коммуникативный регистр, что, кстати, отнюдь не чуждо англоязычной научной речи, ориентированной не только на когнитивный фактор, но и на воздействующие составляющие текста (Каменская, 1990). Третий уровень противопоставления — противопоставление дисциплинарного характера: „...**will no longer be**“ vs „**We are rather trying to...**“. Подобная трехвекторная антитеза неизбежно будет концентрировать внимание читателя на том, что же собственно нового собирается автор предложить нашему вниманию в данной работе.

Действительно, дальнейшее развитие страты нового знания имеет более нейтральный, отвлеченный и академичный стиль.

We know the grammar rules of our language all along. **But how do we come to know them?** The answer **we postulate** is that **we are endowed** with certain discovery procedures. Taxonomic linguistics **has given us** an idea of **what such procedures might be**. The discovery procedures **may well be** procedures of segmentation, classification, etc. **This suggests** that the (human) brain has certain built-in algorithms of processing linguistic data and finding the distributional structure...

What lies in front us, then, **is a genuine linguistic science**. **The goal is clear, and so is its method**. **The theory of discovery procedures is empirical, it can be proved or disproved** by whether it explains the acquisition of the grammar rules, which we know. **This science does not suffer** from any of the methodological problems Chomsky identified in the old taxonomic linguistics.

Очевидная постулирующая схема представления НЗ в приведенном фрагменте явно апеллирует к читателю посредством вовлечения его в формирование нового знания: **We know...**, **we postulate...**, **we are endowed...**, **What lies in front us...** Новое знание преподносится посредством безличных и пассивных конструкций: **has given us...**, **what such procedures might be...**, **is a genuine linguistic science...**, **The goal is clear, and so is its method...**, **The theory ...is empirical, it can be proved or disproved...**, **This science does not suffer...** Подобное совмещение коллективного субъекта, выраженного множественным WE/US, и абсолютного познаваемого объекта вполне отражает манеру формирования объективизированного знания в рамках страты НЗ научного текста.

Окончательное развитие и структурирование НЗ получает в разделе «7. **Conclusions and discussion**».

In this new aspect, what lies in front us is an exciting linguistic science. It is like the old taxonomic linguistics, but with a much clearer goal and a *sounder philosophy*. Many important questions can be seen in a new light. **Firstly, why is there a huge difference** between human language and animal language (if animals do have languages)? **The difference may well lie in the discovery procedures**: animals either do not have discovery procedures at all, or their discovery procedures are not as sophisticated as ours.

Структурирование НЗ проходит по двум направлениям, а именно, сопоставление старого/нового подходов: **new aspect / the old taxonomic linguistics / a much clearer goal / a new light...**, и поэтапное вычленение разницы между этими подходами: **Firstly, why is there a huge difference — The difference may well lie...** При этом автор намеренно дистанцируется от собственно предмета дискуссии, ср. индивидуализированное «**I shall**» в начале статьи и деперсонифицированные конструкции в заключительных частях работы. Следует при этом отметить, что автор не отказывается от диалогизированного характера построения текста в вопросно-ответной форме.

Secondly, how did the human brain come to have *discovery procedures*? **Were discovery procedures the direct result** of evolution, **or were they** a by-product of something else which had been evolved? **A lot of research will be needed** in order to answer these questions. **But they are sensible questions**. At least, **they seem to be as sensible as questions concerning the evolution of innate linguistic principles...**

По всей видимости, Лин полагает, что вовлечение читателя в виртуальную дискуссию, с одной стороны, расположит читателя к общению, поскольку человек более мотивирован к совместной деятельности, чем к деятельности индивидуальной, а с другой — прослеживается отражение специфики научного коммуникативного регистра как регистра в высшей степени дискуссионного по своей природе. Именно поэтому конструкции типа **...how did... were they. A lot... will be needed they are... they seem to be...** органично вписываются в синтагму научной коммуникации. Подобные шаги мы наблюдаем и далее.

Thirdly, are discovery procedures language-specific or they are used in other cognitive tasks as well? This question cannot be answered a priori: future research will be able to answer it. **But it is reasonable to think** that discovery procedures are not language-specific. **What discovery procedures do is**, in essence, to find *certain regularities, or patterns, in the primary linguistic data*. And finding regularities and patterns **is rather common** in other cognitive tasks.

Fourthly, what is the relationship between this linguistic science and today's computer technology? **It seems that the former will be greatly helped** by the latter. With the great computing power computers have, **we can simulate** discovery procedures (algorithms) on computers quickly and easily. **Indeed, there have been computer systems which can classify words into classes on the basis of their distribution.**

Fifthly, how is the creativity of language to be explained? **This is not difficult** to answer in this new framework. **The speaker of a language learns, using discovery procedures (and probably some other things, to be discussed in the following paragraph), the grammars of his language**. These rules are finite in number, **but they can generate an infinite number of sentences.**

Созданная автором вертикаль от «**Firstly**» до «**Fifthly**» также представляется не случайной, поскольку, репрезентируя свои позиции,

Лин приводит четкую градацию генерируемого НЗ в направлении от общего к частному: *a sounder philosophy — discovery procedures, the evolution of innate linguistic principles — certain regularities, or patterns, in the primary linguistic data — computer systems which can classify words into classes on the basis of their distribution — using discovery procedures, the grammars rules of his language they can generate an infinite number of sentences...*

Именно в этой схеме мы можем рассматривать заключительные строки статьи.

All in all, the Chomskyan revolution **started with a change of aspect. That aspect was that** a grammar is unknown and should therefore be treated as a scientific theory. **That change of aspect gave rise** to several transformations of Harris's conception of transformational grammar. **Discovery procedures were replaced by evaluation procedures.**

This new aspect gives rise to a linguistic science, which is very much like the old taxonomic linguistics **but is on a sounder scientific and philosophical footing.** The **once ridiculed and abandoned** discovery procedures, **seen in this new aspect, may indeed discover** the deep secrets of human language and the human mind. **It might look as if** that we are moving backwards, to the old taxonomic linguistics. **But that would only be partially true. We are, in a sense,** back to the old spot, but **with a new understanding, a new way of seeing things, and a new state of mind.**

Очевидное обобщение, вводимое фразой «**All in all**», суммирует отношение «старое / новое», реализованное в работе Лина как развивающая синтагма дисциплинарного дискурса, в котором революционные идеи Хомского (the Chomskyan revolution), ознаменованные сменой аспекта исследования (**a change of aspect**), определили (**gave rise**) подмену процедур идентификации процедурами оценки (**Discovery procedures were replaced by evaluation procedures**). В свою очередь Лин совершает следующий шаг в сторону философского и более обобщенного понимания грамматических схем (**a sounder scientific and philosophical footing**), что обеспечит глубокое осмысление отношений языка и мышления (**discover the deep secrets of human language and the human mind**).

Возникает закономерный вопрос о **новизне «нового знания»**. В данном случае мы считаем этот вопрос нерелевантным в контексте нашего исследования, поскольку экспертизы на указанную новизну мы сознательно не проводим. Напротив, в нашу задачу мы включаем анализ того, как автор (в этом случае Ф. Лин) репрезентирует в своем тексте тот материал, который постулируется им как **НОВЫЙ**, вне зависимости от его актуальной новизны. Мы принимаем эту НОВИЗНУ как данность, отказываясь в исследовательских целях от научной экспертизы.

Следует признать, что идентификация страты НЗ может осуществляться по двум направлениям. С одной стороны, мы можем выделить ряд **явных** маркеров, позволяющих идентифицировать тот или

иной фрагмент текста с НЗ (см.: *In this paper I shall explicate..., I shall argue that..., which I shall provide..., I shall propose here..., The new aspect is..., What is hidden from us is..., our task is..., We can make the assumption that..., our task will be..., we postulate that..., и т. д.*). С другой стороны, существует возможность **неявного** маркирования и стратификации текста по НЗ (см.: *...important discoveries about the secrets of human language and the human mind..., We thus can carry on from where taxonomic linguistics stopped..., If the discovery procedures explain — then they are...*), при этом лингвистическая идентификация НЗ в подобных случаях затруднена, что, однако, не мешает квалифицированному читателю провести подобную идентификацию на речевом уровне. Третий способ маркирования НЗ-страты производится за счет придания тексту динамических характеристик, например посредством стилистического выделения (см.: *Without knowing ...Without a way of evaluating ...the practice ...would be arbitrary and would lose all its significance...; Notice that when — we are not stabbing at — Rather, our task is clear...; will no longer be “dull and unsatisfying” ...*), что еще более снижает точность идентификации по НЗ и, соответственно, затрудняет стратификационный анализ текста. Четвертый способ ввода НЗ в собственно текст — способ **немаркирующий** (см.: *The discovery procedures may well be procedures of segmentation, classification, etc. This suggests that the (human) brain has certain built-in algorithms of processing linguistic data and finding the distributional structure...*), при котором идентификация НЗ может осуществляться либо на уровне дисциплинарного контекста, либо на уровне вертикального контекста, либо интуитивно, что и вовсе не соответствует научному методу анализа, но не противоречит стратегиям понимания частного научного текста в частной ситуации его прочтения.

Поскольку, как уже отмечалось выше, научная коммуникация лишь виртуально может быть определена как объективная, так как по определению стремится к объективному отражению действительности, а на самом деле отражает субъективную интерпретацию фактов в контексте дисциплинарных рассуждений (что особенно заметно в гуманитарных областях знания), существует возможность поставить когнитивную наполненность НЗ-страты в прямую зависимость от намерений автора. В равной степени эта страта будет при освоении текста попадать в аналогичную зависимость от читателя, интерпретирующего текст согласно собственным взглядам на объект исследования.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Данилевская Н. В. Место оценки в чередовании старого и нового знания (на материале научного текста) // Филологические науки. — 2005. — № 4. — С. 60–70.
2. Зотов Ю. П. Диалогика текста как бесконечномерное смысловое пространство / МГПИ им. М. Е. Евсевьева. — Саранск, 2000.

3. **Подубиченко Л. В.** К обоснованию и развитию понятия вертикальный филологический контекст: на материале английской поэзии : авт. дис. ... канд. филол. наук. — М., 1979. С. 23.
4. **Свойкин К. Б.** Диалогика научного текста : курс лекций. — Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2006. — 148 с.
5. **Lin F.** The transformations of transformations // Language & Communication 20 (2000). P. 197—253.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ КАК АВТОРСКАЯ МОДЕЛЬ МИРА

И. В. Третьякова

Вполне обоснованным и не вызывающим сомнений является тот факт, что каждый писатель в меру своего таланта, своей способности видеть мир отражает в своих произведениях современную ему действительность, поскольку «мир художественного произведения — результат действия двух факторов: верного отображения и активного преобразования действительности» (Лихачев Д. С., 1982: 726). С этой точки зрения, художественный текст — это особый мир, особая реальность, которую автор творчески организует в литературную форму.

О. В. Волков отмечает в этой связи, что «материальный мир, существующий объективно, пропускается через мир творящего сознания, субъективного по своей внутренней духовности, и оформляется автором-творцом в тексте — явлении художественной авторской событийности, воспроизводящей в художественных образах мир авторского духа» (Волков О. В., 1999: 29). Таким образом, отображение автором действительности связано именно с тем, что он создает художественный образ.

Раскрывая специфику художественного образа, М. С. Каган отмечает: «...действительная особенность структуры художественного образа состоит в том, что, порождаясь творческой деятельностью, в которой синкретически слиты познание, ценностное осмысление и проектирование вымышленной реальности, он несет в своем содержании все три начала в слитном и нерасторжимом единстве» (Каган М. С., 1996: 255). Свойство художественного образа создавать особую модель мира указывает на его специфику. С одной стороны, реальность художественного образа является инобытием, существующем в сознании читателя, но, с другой — в художественном образе происходит обобщение и типизация жизненных реалий, преломление реальных событий и отношений через призму ценностных представлений.

Из этого следует, что автор вносит лишь какие-то элементы реального мира в художественный мир произведения, которые переформируются в его сознании. Перед читателем же предстает образ действительности, созданный сознанием автора произведения.

Таким образом, в художественном тексте заложена не модель реального мира, а модель собственного авторского мира, существующего в его сознании. Автор художественного произведения предлагает свою трактовку действительности, сотворенную в результате аналитического осмысления и эмоционального освоения объективной реальности, свою картину мира.

В этой связи возникает необходимость рассмотреть понятие «картина мира». С точки зрения Г. В. Колшанского (1990), под «картиной мира» следует подразумевать то или иное представление человека о каких-либо явлениях жизни, которые сформировались у него в результате его жизненного опыта. Содержание выражения «картина мира» в этом случае может быть синонимично содержанию выражения «совокупность знаний о мире». Средством познания мира является мышление, язык же выступает как способ закрепления всей отражающей деятельности мышления — деятельности, которая, в свою очередь, неразрывно связана с практической деятельностью человека. Человеческим фактором в данном случае выступает сознание, которое в результате отражающей деятельности формирует концептуальную картину мира, позволяющую человеку эффективно ориентироваться в нем, использовать в своих жизненных целях. Таким образом, «картина мира», т. е. знание о мире, это атрибут мыслительной деятельности, а «формой существования этой картины мира в сознании человека являются понятия, идеи, концепты, которые складываются у каждой языковой личности в более или менее упорядоченную картину мира, отражающую иерархию ценностей» (Караулов Ю. Н., 1987).

При характеристике национальной картины мира центральное место отводится именно слову художественному. «Картина мира той или иной эпохи, свойственная определенному типу культуры, являет собой некий инвариант, представленный вариантами научной, художественной, религиозной, этической и т. д. картинами мира. Эти варианты осуществляются в определенных текстах, которые вполне можно считать реализаторами общей картины мира» (Вырыпаева Л. М., 1999: 25). Понятие художественной картины мира приобретает значение важной эстетической категории, поскольку всегда соотносится с объективной реальностью и с более широкой картиной мира, которая в большей или меньшей степени выражена в художественном произведении.

Исходя из высказанных выше позиций становится очевидным, что художественный текст (если рассматривать его как особую модель действительности) предлагает творчески преображенную картину мира, которая выражает представление целого социума посредством его отдельных представителей в лице авторов художественных произведений, о реальной действительности, поскольку «языковая личность писателя, рассматриваемая сквозь призму концептных представлений, обнаруживает связь в первую очередь с культурой данного социума» (Павлючко И. П., 2001: 39). Таким образом, художественное произ-

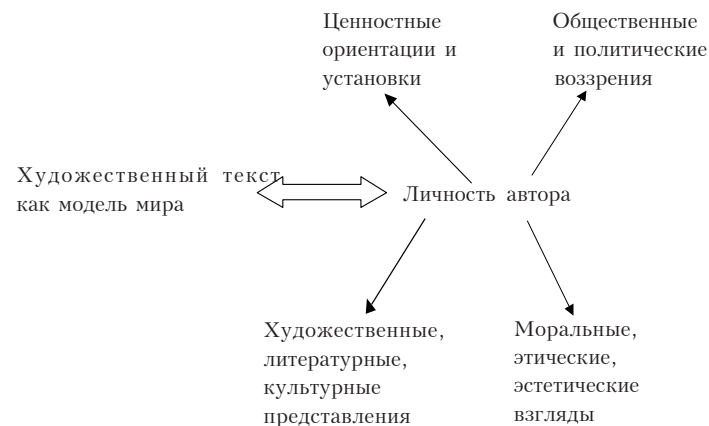
ведение связано с жизненным и культурным контекстом множеством связей, что дает основание рассматривать его как выражение определенной эпохи, либо духовной жизни автора. В связи с этим мы хотели бы обратиться к понятиям «контекст эпохи» и «глобальный вертикальный контекст».

Не только в конкретном художественном произведении, но и во всем творчестве любого писателя отражается современная ему действительность. Автор движим желанием выразить личностное отношение к эпохе, ее ведущим тенденциям, главным проблемам, в конечном счете — выразить мироощущение, миропонимание своего времени, своего общества. Каждый писатель имеет свою систему взглядов, представлений и ценностей, которые формируются в тесной связи со всеми общественными процессами. В связи с этим при анализе творчества любого автора следует учитывать аспекты культурной, духовной, политической жизни, составляющие основу его мировоззрения, которое трактуется как «результат взаимодействия системы ценностей или „картины мира“ языковой личности с ее жизненными целями, поведенческими мотивами и установками, проявляющийся, в частности, в порождаемых ею текстах» (Караулов Ю. Н., 1989: 6).

По нашему мнению, контекст эпохи можно рассматривать как совокупность моральных, этических, эстетических и других представлений и явлений, характерных для периода создания данного произведения. Составляющими контекста эпохи являются политические, исторические, культурные события и явления, имеющие большое значение для духовной жизни общества, которые осмысливаются автором и находят отражение в его творчестве. Иными словами, это фон, на котором создается художественное произведение, без учета которого его невозможно рассматривать. Полное понимание произведения возможно, следовательно, при условии охвата всех моральных, этических, эстетических и других проявлений, характерных для эпохи его создания.

Глобальный вертикальный контекст, с точки зрения Т. Л. Черезовой, — это «контекст эпохи, соотношенный с системой взглядов и оценок писателя» (Черезова Т. Л., 1985: 161). И. В. Гюббенет так определяет рассматриваемое понятие: «Глобальный вертикальный контекст — это весь социальный уклад, все понятия, представления, воззрения являющегося предметом изображения социального слоя, знание которых необходимо для того, чтобы произведения данного автора могли быть восприняты читателями разных стран» (Гюббенет И. В., 1991: 32).

Таким образом, глобальный вертикальный контекст объединяет всю систему моральных, этических, эстетических взглядов и ценностей автора художественного произведения, его литературных, художественных, культурных представлений, воззрений общественного и политического характера. Изложенные положения можно представить в виде следующей схемы.

С х е м а 1. Художественный текст как авторская модель мира

На основе вышеизложенного мы можем сделать вывод, что художественный текст — это модель мира автора, имеющего своей целью передачу информации, взглядов, убеждений, ценностей, отражающих специфику мировосприятия и миропонимания иной лингвокультурной общности. Перед читателем стоит задача, опираясь, в первую очередь, на текст произведения, реконструировать систему взглядов, представлений и ценностей писателя, выявить в чем состоял авторский замысел. Проникновение в замысел автора возможно в том случае, если реципиенту удастся «смоделировать и картину мира того или иного художника, и систему его ценностей, ту иллюзорную внеязыковую действительность, которая вырастает из самого текста» (Чернейко Л. Г., 1999: 445).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Волков О. В. Художественный текст и символика авторских проекций (На материале романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита») // Структура и семантика художественного текста: Сб. докладов седьмой международной конференции. — М., 1999. — С. 29–31.
2. Вырыпаева Л. М. Инокультурный текст как основа формирования этнолингвокультурологической компетенции обучаемых : дис. ... канд. пед. наук. — Уфа, 1999. — 224 с.
3. Гюббенет И. В. Основы филологической интерпретации литературно-художественного текста. — М. : Изд-во МГУ, 1991. — 204 с.
4. Каган М. С. Философия культуры. — СПб. : Петрополис, 1996. — 416 с.
5. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. — М. : Наука, 1987. — 264 с.
6. Караулов Ю. Н. Русская языковая личность и задачи ее изучения // Язык и личность. — М. : Наука, 1989. — С. 3–8.
7. Колшанский Г. В. Объективная картина мира в познании и языке. — М. : Наука, 1990. — 103 с.

8. **Лихачев Д. С.** Внутренний мир художественного произведения // Поэтика. Труды русской и советской поэтических школ. — Будапешт, 1982. — С. 723—726.

9. **Павлючко И. П.** Концептуальная организация художественного текста эмотивной языковой личностью // Филология и культура: Материалы третьей междунар. научной конференции 16—18 мая 2001 г. Ч. 1. — Тамбов : Изд-во ТГУ, 2001. — С. 39—40.

10. **Черезова Т. Л.** О сопоставительном изучении вертикального контекста художественных произведений : дис. ... канд. филол. наук. — М., 1985. — С. 147—162.

11. **Чернейко Л. Г.** Гипертекст как лингвистическая модель художественного текста // Структура и семантика художественного текста : Сб. докладов седьмой международной конференции. — М., 1999. — С. 442—445.

2. ЯЗЫК И РЕЧЬ

АНТРОПОНИМЫ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ КАК ФАКТОР ИДИОСТИЛИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ КОРОТКОГО АНГЛОЯЗЫЧНОГО РАССКАЗА XX ВЕКА)

О. А. Бирюкова

Одним из ключевых моментов текстопостроения в целом и художественного текстопостроения, в частности, следует признать вопрос лексического наполнения текста, при котором реализуется незаметная на первый взгляд зависимость текстовой семантики от склонности того или иного автора к использованию имен собственных. Имена собственные (онимы) фактически представляют собой обычную лексическую страту языка, отличающуюся от прочих лишь наличием семы уникальности, исключительности и единичности у каждого из обозначаемых тем или иным онимом внеязыковых объектов. Если автор при текстопостроении намеренно избегает использования имен собственных, то весь текст приобретает отвлеченную и обезличенную семантику, напрямую связанную с текстовым концептом, обязательным компонентом которого становится утверждение невременности описываемого события и возможности его свершения в любом месте и в любом социуме. Такого рода прием использован в тексте рассказа Р. Брэдбери «Embroidery», не имеющем в своей лексической организации ни одного имени собственного.

С другой стороны, интерес вызывает и разнообразное применение авторами имен собственных в таком аспекте: сколько онимов, каких, когда и как автор привлекает при создании текста своих произведений. Таким образом, идиостилистическая детерминированность включенной в текст собственной лексики может стать показателем индивидуальных приемов художественного текстопостроения, имеющих под собой, тем не менее, определенные типологические основания.

Художественный текст в целом может содержать самые разные группы имен собственных: названия географических и административных объектов, названия произведений искусства, периодических изданий, средств передвижения, фирменные названия и пр. Существуют обширные классификации имен собственных, насчитывающие множество групп, однако их изучение, как правило, является лексическим по своему характеру и направленности. Безусловно, в реальной жизни необходимо давать имена самым различным внеязыковым объектам, и этот аспект лексической номинации в лингвистике ис-

следован весьма подробно. Что же касается функционирования имен собственных в текстовом пространстве, то здесь они попадают под действие совершенно других законов, а именно законов текстовой номинации. Одним из ее аспектов является индивидуальное авторское использование онимов, гораздо более заметное, нежели предпочтительное употребление отдельным автором той или иной нарицательной лексики.

Индивидуальное авторское текстотворчество, нацеленное на оперирование онимами, вполне может составить одно из исследовательских полей современной лингвистики текста. Вполне вероятно, что здесь скрывается и определенный лингвокультурологический аспект проблемы, поэтому так важно строго дифференцировать все признаки исследуемого материала в плане его хронологической и ареальной принадлежности. Как показал анализ, проведенный на материале 324 коротких рассказов, принадлежащих 15 англоязычным авторам XX века, в тексте указанного вида прозаических произведений наиболее многочисленными оказываются антропонимы. Последние представляют собой любые возможные способы именования человека (преимущественно личные имена, фамилии и прозвища). В самом общем виде корпус антропонимов можно разделить на три неодинаковые в количественном отношении части: имена сюжетных персонажей произведения (главных и второстепенных) и внесюжетных (порядка 1888 единиц); имена персонажей, заимствованные из произведений других авторов (54 единицы); реально-исторические имена (469 единиц).

Следует отметить, что в целом антропонимный материал используется англоязычными писателями весьма активно. Отсутствие антропонимов было зафиксировано лишь в 17 произведениях (из 324 рассмотренных), что составляет примерно 5 % текстов. Данный факт можно квалифицировать как особый текстопостроительный прием, к которому время от времени обращаются в частности Р. Брэдбери (*The Town Where No One Got Off; The Gift; The Little Mice*), Д. Паркер (*A Telephone Call*), У. С. Моэм (*The Dream*), С. Ликок (*With the Photographer; To Nature and Back Again; A Lecture on Walking*), У. Сароян (*Love, Here is My Hat; The Pilipino and the Drunkard; My Home, My Home; The Faraway Night; Noonday Dark Enfolding Texas*), Э. Хемингуэй (*Old Man at the Bridge; In Another Country; On the American Dead in Spain*), Д. Г. Лоуренс (*Mercury*). С другой стороны, имеется незначительный корпус произведений, текстовое содержание которых конструируется исключительно с привлечением антропонимов без обращения автора ко всем прочим классам онимов: Э. Хемингуэй (*Chapter VI*), Р. Брэдбери (*Fever Dream; The Smile*), Д. Паркер (*The Sexes; Glory in the Daytime*), Р. Дал (*Lamb to the Slaughter*), С. Ликок (*My Financial Career; Number Fifty-Six*); К. Мэнсфилд (*Sun and Moon; The Doll's House; Late at Night; Sixpence*), У. Сароян (*The Mouse*), Д. Г. Лоуренс (*The Prussian Officer*). Данная группа рассказов также немногочисленна и насчи-

тывает всего 14 текстов рассмотренных произведений, или 4,3 % от их общего числа.

Что касается первой из отмеченных выше групп антропонимов, а именно имен персонажей, то здесь примечательным является следующий факт. Антропонимы, задействованные в тексте короткого англоязычного рассказа XX века для называния действующих лиц, воспроизводят реальные формулы именования человека, принятые в англоязычной культуре. Преимущественно это общеупотребительные имена собственные, отражающие реальный именник эпохи. Основная масса имен персонажей, присутствующих в текстах рассказов, складывается из личных имен и фамилий. Степень наполнения текста антропонимами, их расстановка, а также частотность воспроизведения одного и того же имени отмечены значительным разнообразием. Введение имен персонажей индивидуально для каждого произведения; частотность их в рамках конкретного рассказа варьируется от крайне низкой до крайне высокой. Так, в рассказе Р. Брэдбери *The Dragon* присутствует всего один антропоним Fred, характеризующийся разовым упоминанием, в то время как, например, в рассказе того же автора *Homecoming* фигурирует примерно 17 периодически повторяющихся личных имен. Около 20 антропонимов насчитывается в ряде рассказов Ф. С. Фицджеральда (*Family in the Wind; First Blood; The Cut-Glass Bowl*). Д. Паркер может не индивидуализировать главных героев посредством личных имен, и при этом вводить имена внесюжетных персонажей, характеризующиеся в рамках конкретного произведения высокой степенью частотности (*Here We Are; The Sexes*). Антропонимы служат для Д. Паркера важным средством построения эмоционально-психологической составляющей среднего содержания, как, например, в рассказе *New York to Detroit*, где налицо асимметрия использования персонажами их личных имен. Тот факт, что героиня в телефонном разговоре 19 раз называет своего партнера по имени (и 5 раз себя), а он обходится без упоминания имен, не может не рассматриваться как определенная содержательная структура текста.

Одним из аспектов функционирования антропонимов в тексте короткого англоязычного рассказа является введение авторами в определенных случаях индивидуальных имен, заимствованных из именников других культур. Чаще всего отмечается обращение англоязычных писателей к испанским именам (Э. Хемингуэй: *The Undeafed; The Chauffeurs of Madrid; The Butterfly and the Tank*; Р. Брэдбери: *The Wonderful Ice-Cream Suit; And the Rock Cried Out*; У. С. Моэм: *The Man with the Scar; The Closed Shop*; Р. Дал: *Man from the South*). Имеются также случаи употребления итальянских, немецких, русских и прочих имен. При этом высокая концентрация иноязычных личных имен в тексте рассказа, зачастую выступающая в совокупности с онимами других разрядов (топонимами, эргонимами, идеонимами и пр.), связана с воспроизведением специфического нацио-

нального колорита; в то время как единичное вкрапление иноязычного личного имени используется для называния персонажа-иностранца.

В контексте короткого англоязычного рассказа XX в. наблюдаются элементы авторского имитаторства, характерного, как отмечают исследователи, в первую очередь для сатирического и фантастического жанров (Виноградова, 2001: 31–33). Так называемые «говорящие имена» представлены в пародийно-сатирических произведениях С. Ликока. К примеру, в рассказе *Guido the Gimlet of Ghent: A Romance of Chivalry* пародия на рыцарские романы проявляется как в сюжетно-содержательном плане, так и в выборе автором индивидуальных личных имен для персонажей: Guido the Gimlet (gimlet – бурав), Isolde the Slender (slender – стройный, гибкий), Otto the Otter (otter – выдра), Conrad the Cocomat (cocomat – кокос), Hugo the Hopeless (hopeless – безнадежный), Siegfried the Susceptible (susceptible – впечатлительный, обидчивый, отчаявшийся), Agatha the Angular (angular – неловкий), Carlo the Corkscrew (corkscrew – штопор), Beowulf the Bradawl (bradawl – шило). Сатирический характер указанных антропонимов проявляется в следующем фрагменте рассказа, посвященном описанию «подвигов», совершенных рыцарями во имя прекрасной Изольды: «Feats of arms were done daily for her sake. To win her love suitors were willing to vow themselves to perdition. For Isolde's sake, **Otto the Otter** had cast himself into the sea. **Conrad the Cocomat** had hurled himself from the highest battlement of the castle head first into the mud. **Hugo the Hopeless** had hanged himself by the waistband to a hickory tree and had refused all efforts to dislodge him. For her sake **Siegfried the Susceptible** had swallowed sulphuric acid». Заметим, что в традиционном рыцарском романе звучное определение отражает какое-либо выдающееся качество носителя имени, благодаря которому тот прославился, и послужившее таким образом мотивом для именованного. Подобное имя в сжатой форме характеризует его носителя. В рассказе С. Ликока комический эффект достигается путем введения имени в определенный контекст, усиливающий его семантику. Небольшое количество фантазийных, вымышленных личных имен, отличающихся необычным звучанием, было отмечено в фантастических рассказах Р. Брэдли: Mr. K / Yll, Mrs. K / Ylla, Dr. Nlle, Hulle, Pao, Uel (*February 1999: Ylla*); Iorr of Wendillo, Tylle of Rathalar (*Perchance to Dream*); Linnl, Ttil, Werr (*Dark They Were and Golden-Eyed*). Фантазийные антропонимы являются одним из мощных выразительных средств, используемых автором для создания ирреальной действительности, затрагивая глубинные пласты текстовой референции.

В массиве антропонимов, зафиксированных в коротком англоязычном рассказе XX века, присутствует небольшое число так называемых «контекстуальных» онимов (Виноградова, 2001: 26), которые, в частности, использует С. Ликок. Они представлены нарицательными словами, маркированными автором заглавной буквой, и являются

единственным способом именованного персонажа: the Quick Man (*The*

Conjurer's Revenge), the Man in Asbestos (*The Man in Asbestos: an Allegory of the Future*), the Nature Man (*First Call for Spring*), Friend (*Personal Adventures in the Spirit World*), the Great Actor, the Eminent Novelist (*Ideal Interviews*), the Great Detective (*Maddened by Mystery: or, the Defective Detective; First Lecture, Murder at \$2.50 a Crime*). Как правило, в подобных случаях достигается та или иная степень обобщения. Персонаж характеризуется не с точки зрения его индивидуальных черт, а как представитель определенной социокультурной группы, профессии, пола, возраста (Виноградова, 2001: 28). Рассматривая вышеупомянутые произведения С. Ликока, можно, помимо прочего, отметить наличие в ряде используемых им контекстуальных онимов определенной доли иронии.

Сравнительно редко используется для именованного персонажей такой вид антропонимов, как прозвища, зафиксированные лишь в 21 рассказе. Прозвище представляет собой дополнительное имя, данное человеку в соответствии с его характерной чертой, сопутствующим его жизни обстоятельством или по какой-либо аналогии. При этом прозвища подразделяются на возвеличивающие, отмечающие особые достоинства или заслуги человека; насмешливые, явно или скрыто содержащие насмешку над человеком; уничижительные, содержащие желание называемого унижить, словесно уничтожить, выразить презрение к называемому человеку (Подольская, 1978: 115–116). Представленный в массиве короткого англоязычного рассказа набор прозвищ можно сгруппировать следующим образом:

1. Прозвища, являющиеся внутрисемейными: Sun и Moon (*Sun and Moon*, К. Мэнсфилд); Face и Mug (*Bliss*, К. Мэнсфилд); Dollie, the Princess (*The Princess*, Д. Г. Лоуренс).

2. Прозвища, связанные с особенностями внешности именуемого человека: Espado the Vulture – мотивацией именованного послужил крючковатый нос персонажа (*The Sign of the Broken Sword*, Г. К. Честертон); Red – прозвище, данное из-за огненно-рыжих волос именуемого (*Red*, У. С. Моэм); Big Mike (*The Raid*, Дж. Стейнбек); Fat Carl (*Johnny Bear*, Дж. Стейнбек); Blind Tom (*Johnny Bear*, Дж. Стейнбек);

3. Прозвища, данные по производимому человеком впечатлению и в связи с особенностями его поведения: Johnny Bear (*Johnny Bear*, Дж. Стейнбек); Fighting Mac (*The Kidnapped Prime Minister*, А. Кристи); The Mad Lord (*Now Lies She There*, Р. Олдингтон); Peeping Tom (*The Ormolu Clock*, М. Спарк); Clever Face (*Glory of the Daytime*, Д. Паркер); Galloping Foxley (*Galloping Foxley*, Р. Дал); the Rahat Lakoum, the Turkish Delight (*Mother and Daughter*, Д. Г. Лоуренс); Mouse, Killer, Dorey (*The Mouse*, У. Сароян); Bull La Jolla (*The Wonderful Ice-Cream Suit*, Р. Брэдли); Powder-Puff Percy – уничижительное прозвище (*The Door of Opportunity*, У. С. Моэм);

4. Прозвища, связанные с сопутствующими жизни человека обстоятельствами или с его образом жизни: Needle (*The Portobello Road*,

М. Спарк); the Man in the Street, the Philatelist (*The Creative Impulse*, У. С. Моэм); the Secret Sin Specialist (*Fun in an Artist's Studio*, Ф. С. Фицджеральд); Zara the Crystal Gazer (*Accident*, А. Кристи); Snow Bird (*Babylon Revisited*, Ф. С. Фицджеральд).

5. Прозвища, данные по аналогии: Skinny — прозвище, образованное от фамилии персонажа Skinner (*The Portobello Road*, М. Спарк); Cervix — прозвище на латинском языке, выводимое из фамилии персонажа Snape (*My Lady Love, My Dove*, Р. Дал).

Самыми популярными мотивами, реализуемыми рассматриваемыми писателями для называния персонажей с помощью прозвищных имен, следует признать специфические черты внешности описываемого лица и производимое им впечатление, включая особенности его поведения. Все прозвища используются авторами как средство дополнительной или основной характеристики героев. Мотивация именованного либо дается непосредственно в тексте, либо легко устанавливается реципиентом из контекста. Например, в рассказе *Johnny Bear* Дж. Стейнбека мотивировка прозвища Bear дана в словах рассказчика: «His name described him better than I can. He looked like a great, stupid, smiling bear. His black matted head bobbed forward and his long arms hung out as though he should have been on all fours and was only standing upright as a trick. His legs were short and bowed, ending with strange, square feet». Таким образом, антропонимы, представленные в текстовом пространстве короткого англоязычного рассказа XX века как именованная персонажей, образуют весьма многочисленную, разнообразную по своему составу и регулярно воспроизводимую группу литературных онимов. Они представлены личными именами, фамилиями и гораздо в меньшей степени прозвищами. Антропонимы, использованные для индивидуализации персонажей, преимущественно воспроизводят реальный ономастикон и являются общеупотребительными в рамках англоязычной культуры, либо культуры иноязычной, моделируя которую, писатель обращается, в частности, и к национальным именам собственным.

Незначительную долю антропонимного материала формируют вымышленные онимы, являющиеся результатом импровизационного процесса и присутствующие в текстах сатирического и фантастического жанров. Редкое использование «контекстуальных» имен собственных на фоне обширного пласта традиционных антропонимов позволяет им эффективно выполнять стилистическую функцию, заключающуюся в репрезентации собирательного или типичного образа.

Введение в текстовую ткань прозвищ в той или иной мере свойственно большинству рассмотренных англоязычных авторов, в то время как употребление «говорящих», фантазийных и «контекстуальных» имен характеризуется избирательностью и может служить показателем идиостилия конкретного писателя, обнаруживаясь в его ономастическом репертуаре с большим или меньшим постоянством.

Приведенные примеры убеждают, что внедряемые в текст художе-

ственного произведения антропонимы с точки зрения текстопостроения фактически представляют собой неявные способы воздействия на текстовую семантику, многомерность и сложность которой создается помимо прочих моментов также и разным соотношением элементов вербального наполнения того или иного художественного произведения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. **Виноградова Н. В.** Имя персонажа в художественном тексте: функционально-семантическая типология: дис. ... канд. филол. наук / Виноградова Н. В. — Тверь, 2001.
2. **Подольская Н. В.** Словарь русской онимической терминологии / Н. В. Подольская. — М.: Наука, 1978. — 198 с.

ПОДТЕКСТ И ИМПЛИКАЦИЯ КАК ЯВЛЕНИЕ ЯЗЫКА

А. А. Ветюшкин

Проблема передачи информации неявно, в подтексте, давно интересует широкий круг ученых-лингвистов, литературоведов, психолингвистов, искусствоведов и т. д.

Не раз уже было сказано, что подтекст — это вершина художественности, выразительности практически любого произведения и литературного, и кино, и даже в живописи и архитектуре. Но именно способы неявной передачи информации в языке представляют собой особо трудноразрешимую задачу. Поскольку еще Гумбольдт отмечает, что «...посредством языка можно обозреть самые высшие и глубокие сферы и все многообразие мира» [1; 77].

С одной стороны, способы передачи информации в подтексте вполне известны — лексические — это стилистические приемы, контекстное окружение конкретной языковой единицы, грамматические — это эллиптические конструкции, дистантные повторы, пресуппозиция, фонд общих знаний, тезаурус и т. д. Но все равно подтекст остается необъясним до конца. Гумбольдт пишет: «Поистине в языке следует видеть не какой-то материал, который можно обозреть в его совокупности или передать часть за частью, а вечно порождающий себя организм, в котором законы порождения определены, но объем и в известной мере также способ порождения остаются совершенно произвольными» [1; 78].

Проблема создания подтекста автором и обнаружения его читателем (слушателем) в той или иной степени волновала исследователей языка. На протяжении ряда лет лингвисты, философы пытались определить онтологическую сущность данного явления языка. Эдвард

Сэпир отмечает, что «обычный человек никогда не довольствуется одним лишь содержанием речи, но очень чувствителен к скрытому смыслу языкового поведения, хотя этот скрытый смысл почти не поддается сознательному анализу» [2; 898].

Определенным достижением в познании подтекста стали работы по контекстной семантике. Г. Фреге отмечает: «...слово имеет значение только в составе предложения» [2; 900].

Л. Витгенштейн пишет: «Положение вещей могут быть описаны, но не названы» [2; 907]. Тот же автор отмечает, что «...язык переодевает мысли. И притом так, что по внешней форме этой одежды нельзя заключить о форме переодетой мысли, ибо внешняя форма одежды образуется совсем не для того, чтобы обнаруживать форму тела. Молчаливые соглашения для понимания неродного языка чрезмерно усложнены» [2; 907].

Важно отметить, что процесс кодирования и декодирования в языке напрямую зависит от человеческого опыта. Нельзя понять того, что не может быть понято.

Проблему имплицитного в языке следует изучать всесторонне и с позиции философии языка, и с позиции выразительных средств (В. В. Виноградов), и с позиции теории коммуникации и речевых актов (Дж. Серль, П. Грайс).

При разработке проблемы необходимо проделать следующее:

- описать семантический поиск неявного смысла;
- создать четкий понятийный аппарат, который позволяет представить объект в реальной целостности;
- описать языковые средства, участвующие в создании подтекста;
- описать/создать процедуру имплицитного поиска.

При этом важно отметить, что импликация (имплицитность) означает скрытый неявный смысл (от лат. *implicite*), противоположным значением будет экспликация (эксплицитный) (от лат. *explicite*). Подтекст и импликация выступают в этом случае в роли синонима, где импликация означает процесс создания подтекста, а подтекст — результат. Имплицитность будет также родовым понятием для терминов импликация, имплицит.

Подтекст неоднороден: это может быть логический подтекст (опирающийся на традиционные для конкретного языка связи между структурой предложения и его смыслом), прагматический подтекст (зависимый от контекста), подтекст жанра (бытовой диалог, рассказ, репортаж, доклад, реклама, анекдот, проповедь, пословица). Подтекст может быть ложным и истинным (истинный подтекст заложен автором, ложный приобретает с течением времени). Подтекст тесно связан с рефлексией читателя. Именно он сильнее всего влияет на чувства человека.

Условия понимания подтекста читателем могут быть как лингви-

стическими, так и экстралингвистическими. К лингвистическим относятся:

- пресуппозиция (как предположение автора);
- фонд общих знаний (при этом учитывается и временная относительность создания подтекста автором и прочтения его читателем);
- тезаурус читателя;
- сохранение нормы языка.

К экстралингвистическим относятся:

- физическое состояние читателя;
- ситуация общения (наличие помех, количество прочтений книги);
- подтекст и национальная культура (устойчивые символы в конкретной культуре, традиционные приемы построения текста).

Обнаружение подтекста, таким образом, осуществляется читателем, вооруженным достаточным фондом общих знаний, осведомленностью, соответствующей предположению автора текста, и способностью воспринять имплицитный смысл на основе собственного лингвистического опыта, удовлетворяющего данному контексту и данной ситуации общения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Гумбольд В. фон. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества / Гумбольд В. фон. // Избранные труды по языкознанию. — М., 1984. — С. 77–78.
2. Философия науки: общие проблемы познания. Методология естественных и гуманитарных наук: хрестоматия / отв. ред. — сост. Л. А. Микешина. — М.: Прогресс — Традиция; МПСИ; Флинта, 2005. — 992 с.

ОТРИЦАНИЯ В НАЧАЛЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ В НАУЧНОМ ТЕКСТЕ КАК ВЫРАЗИТЕЛИ КОММУНИКАТИВНОЙ ИНТЕНЦИИ АВТОРА

Н. В. Деваева

Слова-отрицания — это коммуникативно-грамматическая и модальная категории. Грамматическая категория отрицания выражает с помощью специального грамматического средства, несмотря на наличие синтаксической связи между двумя членами предложения, смысловую разединенность, которая имеет место в действительности [Буллах Н. А., 1954: 7]. По мнению Л. М. Владимирской, отрицание как оценка предикативной связи не может происходить без наличия субъективного фактора, производящего такую оценку, и поэтому отрицание имеет модальную природу и выражает отношение говорящего к содержанию своего сообщения [Владимирская Л. М., 1997: 85]. Отрицание может быть

аффирмативным (утверждающим) и негативным (отрицающим) [Admoni W., 1986: 158], образуя вследствие этого положительные (а) и отрицательные (б) формы предложений [Москальская О. И., 1981: 9]. Например:

а) Nicht nur in der Psychologie ist seit längerer Zeit ein verstärktes Interesse an Fragestellungen, die sich mit Emotionen beschäftigen, zu verzeichnen [Jahr, 88].

б) Nirgendwo in der Welt findet sich eine vergleichbare Ausprägung des Verhältnisses zwischen Staat, Nation, Kultur, Volk und Sprache wie in Afrika [Diop, 35].

В примере (а) *nicht* относится к отдельной части высказывания и является формально аффирмативным; пример (б) представляет отрицательную структуру, где с помощью *nirgendwo* в категоричной форме отрицается все предложение-высказывание.

Nicht – самое частотное слово-отрицание в научно-лингвистических текстах – является синкретичной единицей, способной совмещать в себе различные функции: модального слова [Admoni W., 1986: 210], частицы [Москальская О. И., 1956: 384], модального наречия [Eisenberg P., 1994: 214]. *Nicht* в первой позиции обладает большой способностью к сочетанию с различными детерминантами, в качестве которых могут выступать частицы, модальные слова и наречия. Эти детерминанты служат в высказывании для «усиления отрицания» (verstärkte Negation; Буллах Н. А., 1962: 159):

Nicht selten hat der Gebrauch solcher Wörter mit Wichtigtuerei, falscher Weltläufigkeit, vermeintlicher Modernität, mangelndem Selbstbewusstsein oder einfach mit Gedankenlosigkeit zu tun [Debus, 201].

Nicht nur Plank (1993) und Vater (1995) haben deshalb – zu Recht – für die Annahme eines solchen (spezifischen) Reflexiv-Passivs plädiert (auch wenn sich Plank im Wesentlichen nur auf konstruierte Beispiele stützt und die Belegsammlung Vaters noch eher bescheiden ist) [Helbig, 25].

Nicht в начале высказывания может использоваться также в качестве детерминанта глагольных конструкций.

Nicht vergessen werden darf, dass der dritte deutschsprachige Staat, Österreich, in wenn auch begrenztem Umfang die gleiche Arbeit betrieb und bis heute betreibt [Witte, 76].

Здесь *nicht* выступает в функции глагольного отрицания. Через глагольное отрицание предидируется действие к субъекту, которое или было номинировано в речевом контексте, или подразумевается ситуацией. Когда те или иные языковые компоненты уже были использованы в предыдущем контексте, маркер отрицания выражает самое существенное, что отличает новое сообщение от уже известного. Отрицание *nicht* способно актуализировать стремление речи к краткости и образности [Зиновьева И. Ю., 2004: 157].

Существуют разнообразные модели предпольного замещения с *nicht*.

1) *Nicht* + именная глагольная форма:

Nicht zu vernachlässigen ist ferner die Prädisponiertheit der Idiome zum sprachspielrischen, kreativ-humoristischen Umgang... [Piirainen, 221].

2) *Nicht* + предложная группа:

Nicht von ungefähr griffen die sich bildenden beiden deutschen Staaten dazu erst einmal auf das andere, bessere Deutschland von Kant bis zu den Gebrüdern Mann zurück, das einst die Welt in Literatur und Philosophie, in Wissenschaft und Industrie so sehr bereichert hatte [Witte, 72].

3) *Nicht* + имя прилагательное:

Nicht bekannte oder wenig automatisierte grammatische Regeln, die jedoch zur Formulierung eines bestimmten Gedankens benutzt werden müssen, können dann... [Nsangou, 234].

4) *Nicht* + существительное:

Nicht die Geschichte der tatsächlichen Entlehnungen fremder Wörter ins Deutsche oder die Geschichte ihrer Assimilation interessiert als Erstes, sondern die Geschichte ihrer Bewertungen, aus dem Blickwinkel von Grammatikern, Stilllehrern, Rhetorikern, Sprachtheoretikern und Ideologen [Gardt, 134].

5) *Nicht* + наречие:

Nicht selten sind die Regeln anders gefasst als im amtlichen Regelwerk [Mogensen, 215].

6) Конструкция *Nicht zufällig*:

Nicht zufällig fiel sie in eine Zeit, die für Frankreich überaus schmerzlich war, gekennzeichnet durch den Verlust nicht nur grosser Territorien, sondern zugleich der hegemonialen Machtstellung auf dem europäischen Kontinent [Witte, 72].

Союз *nicht nur ...sondern auch* относится к двоянным нективам, которые употребляются для выделения, подчеркивания чего-то существенного в изложении путем снятия с помощью отрицания ограничительного смысла и дальнейшего указания на то, чем изложение не должно ограничиваться.

Nicht nur einfache Lexeme, sondern auch aus mehrer Wörtern, zusammengesetzte Lexeme sind dem Einfluss des Englischen unterworfen [Schdfer, 76].

Nicht nur здесь выступает в функции катафорического элемента предполья, а семантическое значение союза *nicht nur ...sondern auch* превращает такой тип предложения-высказывания в аффирмативное, т. е. утверждающее.

Другие слова-отрицания *kein*, *nichts*, *niemand*, *nirgendwo* обладают похожими свойствами, что и *nicht*: способны занимать первую позицию в высказывании, имеют варианты моделей с теми же детерминантами, обладают способностью к расширению за счет частиц и модальных слов, характеризуются непермутабельностью в устойчивых словосочетаниях. Например:

Keine Publikation hat in den letzten Jahren so viel Aufsehen erregt

wie... [Quetz, 42].

Niemand wird bezweifeln wollen, dass Instruktionsmassnahmen im Fremdsprachenunterricht eine zentrale Bedeutung zukommt [Blex, 226].

Nichts hat diese Diagnose so augenfällig und hörbar bestätigt wie der Ruf, der in Leipzig und anderswo gegen Ende des Epochenjahrs 1989 immer stärker wurde: "Wir sind ein Volk!" [Witte, 74].

Nirgendwo имеет локальное значение, является позиционно и интонационно выделенным и придает всему высказыванию особый стилистический эффект.

Nirgendwo in der Welt findet sich eine vergleichbare Ausprägung des Verhältnisses zwischen Staat, Nation, Kultur, Volk und Sprache wie in Afrika [Diop, 35].

В научно-лингвистической литературе нередко также конструкции с *nein* в начале предложения-высказывания, которые являются ответом на косвенный, риторический вопрос, заданный самим же автором.

Oder soll etwa ein vereinfachtes, also miserables Englisch die allein herrschende Sprache Europas werden? Nein, Europas Stärke ist gerade die Vielfalt in der nötigen Einheit [Witte, 75].

Wir haben in dieser komplizierten Lage eine kohärente Sprachpolitik, welche die Frage nach ihrem Warum ebenso beantwortet wie die Frage nach ihren Handlungsräumen sowie nach dem Umfang und dem Einsatz der verfügbaren Mittel. Frankreich hat sie. Haben wir sie? Ich fürchte: Nein [Witte, 75].

Отрицательный союз *weder ...noch* в первой позиции высказывания создает эффект стилистического контраста в предложении.

Weder die Zahl oder die Bezeichnung der Gebiete noch die

Relationen zwischen den Gruppen sind objektivierbar [Herberg, 197].

Все вышеизложенное позволяет сказать, что слова-отрицания несут на себе большой груз информативной ценности; при их опущении полностью меняется значение всего высказывания. Находясь в начальной позиции, отрицания подчеркивают следующие за ними элементы фразы, делают их стилистически более важными и представляют собой рема-элементы с особым прагматическим значением. Таким образом, отрицания могут функционировать в начале высказывания в лингвистических конструкциях как автономно, без маркировки (*Niemand wird...*, *Nichts hat...*), так и иметь маркировку вправо за счет различных языковых средств — глагольных форм, предложных групп, местоимений, прилагательных, модальных частиц и наречий (*Keine Publikation hat...*, *Nicht nur... sondern auch...*, *Nicht bekannte oder wenig automatisierte grammatische Regeln...*, *Nicht selten sind...*). Следующий за отрицанием элемент оказывается в специфическом интонационном фокусе, что позволяет более точно выразить заданное коммуникативное значение.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Булах Н. А. Развитие грамматической категории отрицания в немецком языке (на материале древневерхненемецкого и средневерхненемецкого периодов) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н. А. Булах. — Л., 1954.
2. Владимирская Л. М. Исследование языковых сущностей через призму лингвистического прогнозирования // Теория и практика описания языковых единиц / Л. М. Владимирская. — Н. Новгород, 2004. — С. 42–46
3. Зиновьева И. Ю. Синтактико-семантический статус nicht в первой позиции предполья в современном немецком языке / И. Ю. Зиновьева. — Н. Новгород, 2004. — 215 с.
4. Москальская О. И. Грамматика текста / О. И. Москальская. — М., 1981. — 183 с.
5. Admoni W. Der deutsche Sprache / W. Admoni. — М., 1986. — 336 с.
6. Eisenberg P. Grundriss der deutschen Grammatik / P. Eisenberg. — Dritte Auflage. Verlag J. B. Metzler, 1994. — 408 S.
7. Deutsch als Fremdsprache. — München/Berlin, 2000–2004.

АТРИБУТИВНЫЕ КОМПЛЕКСЫ В ПЕЙЗАЖНЫХ ОПИСАНИЯХ: ОПЫТ КОГНИТИВНОГО АНАЛИЗА (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)

Л. А. Долбунова

Одним из перспективных направлений когнитивной лингвистики является когнитивно-дискурсивный анализ. Он дает возможность глубже понять процесс порождения и восприятия художественного текста/дискурса. Текст отражает речемыслительную деятельность автора, т. е. художественную картину мира, складывающуюся в результате особенностей его мировидения — тех ассоциаций (когнитивных структур), которые накапливаются в ходе его жизненного опыта. О. В. Александрова и Е. С. Кубрякова справедливо считают, что нет таких текстов, которые «не фиксировали бы какой-либо фрагмент человеческого опыта и его осмысления» (Александрова О. В., 1999: 189). Когнитивно-дискурсивный анализ позволяет проникнуть в эти когнитивные структуры, определить, какие концепты находятся в центре внимания в момент порождения текста, какую оценку они получают и почему.

Непосредственным объектом нашего исследования являются атрибутивные комплексы (АК) в пейзажных описаниях на материале рас-

сказов американских писателей. Мы полагаем, что АК служат стержневой основой в жанре описания. Языковые средства, с помощью которых каждый автор описывает природу, выбираются им не случайно. Выбор зависит от замысла произведения, от целей, которые писатель ставит перед собой, а также от особенностей восприятия объектов природы. Проведя когнитивный анализ таких АК, мы можем представить картину воспринимаемой пейзажной действительности с точки зрения носителя языка и таким образом реконструировать фрагмент языковой (художественной) картины мира, составляющие ее концепты.

Термин «атрибутивный комплекс» введен Н. В. Юдиной для обозначения сочетаний прилагательных с существительными, занимающих промежуточное положение между свободными сочетаниями и фразеологизмами (Юдина Н. В., 2005: 75). В данном исследовании мы рассматриваем АК шире, а именно весь комплекс сочетаний существительного с прилагательным, причастием, существительным в атрибутивной функции, включая как свободные, так и фразеологические метафорические сочетания. Когнитивный анализ проводится с позиции полевой методики описания концепта, согласно которой он состоит из ядра, базы и периферии. Важно дифференцировать эти компоненты в процессе описания, поскольку их статус и роль в структуре сознания и в процессах мышления различны (Попова З. Д., Стернин И. А., 2001: 61). Содержание ядра и базы концепта, как правило, отражается в словарном значении той или иной репрезентирующей его лексемы. Анализ интерпретационного поля показывает, как развиваются признаки концепта по мере его индивидуального и коллективного осмысления в разное время, в разных обстоятельствах, в результате чего концепт становится многослойным и многомерным (Там же: 130).

Процедура когнитивного анализа концептов, выраженных АК, заключается в следующем. Во-первых, мы считаем, что сложный концепт-скрипт «пейзаж» является ключевым, или опорным и охватывает фокусные концепты (ФК). Фокусными мы называем концепты, на которых фокусируется внимание автора при описании пейзажа, которые являются наиболее частотными и непосредственно вербализуются существительными. Как правило, их содержание раскрывается прямым значением слова-репрезентанта. ФК, по всей видимости, образуют матричную структуру пейзажа, поскольку репрезентируют универсальные признаки, являющиеся, в сущности, ядром данных концептов. Затем анализируется весь корпус АК с данным фокусным концептом. Для выведения содержания ядра и базы ФК используется его прямое лексикографическое толкование, которое является «народным» (термин А. А. Потемни) и актуальным. Далее проводится анализ атрибутов, сочетающихся с данным фокусным концептом, что дает возможность выявить концептуальные признаки концепта, объективированные в конкретном художественном контексте. При этом не-

которые атрибуты отражают базовые признаки концепта и располагаются ближе к ядру. Таковыми являются признаки, отмеченные в словарях сочетаемости, которые отражают наиболее часто употребляемые ассоциации. К базовым также относятся признаки, выраженные атрибутом, входящим во фразеологическое сочетание или клишированный атрибутивный комплекс, так как эти сочетания являются устойчивыми (языковыми) и закреплены в словаре. Авторские (речевые) атрибуты вносят в рассматриваемый концепт дополнительные признаки и, следовательно, относятся к периферии структуры концепта. Следует отметить, что содержание исследуемых фокусных концептов не может быть раскрыто полностью, так как рассматриваются не все языковое поле их сочетаемости. В качестве атрибута рассматриваются и метафорические прилагательные. Метафора порождает новое представление (концептуальный признак) об объекте на базе ассоциаций сходства двух разных когнитивных пространств. Атрибут привносит в концепт ценностный признак, как рациональный, так и эмоциональный, выполняя тем самым концептообразующую функцию. Как пишет В. Н. Телия, «познавая те или иные объекты, человек определяет их место в ценностной картине мира, соизмеряя их свойства со своим опытом, который не может быть полностью абстрагирован от представлений о „плохом“ / „хорошем“, „красивом“ / „некрасивом“, „приятном“ / „неприятном“ (Телия В. Н., 1988: 32). В силу этого, можно говорить об антропометричности метафоры. «Антропометричность — важнейший параметр метафоры, обязывающий рассматривать метафорический процесс как языковую деятельность личности, проходящую сквозь призму осознания человеком себя как меры всех вещей, — вводит в модель метафоры такие категории, как оценка в ее объективном и субъективном аспектах, экспрессивность и эмотивность» [Там же].

Ключевой концепт «пейзаж» определяется в словарях (относительно художественного произведения) как «The art of representing scenery in paintings, etc.» («Рисунок, картина, изображающая виды природы, а также **описания природы в литературном произведении**»). В литературе пейзаж является одним из важнейших средств раскрытия авторского замысла. Он имеет развитую типологию в зависимости от предмета и ракурса описания. Различают деревенский, городской, или урбанистический, степной, морской, лесной, горный, северный и т. д. пейзажи. Среда обитания (ландшафт) играет существенную роль в развитии цивилизации и формировании национального менталитета народа.

Анализ корпуса данных позволил выделить следующие жанровые типы пейзажа: атмосферный, сельский, горный, морской, городской. Атмосферным мы называем пейзаж, который представляет собой описание атмосферных условий (неба, воздуха, ветра и т. д.). Он является наиболее частотным, поскольку встречается во всех видах

пейзажного описания. Все выделенные типы пейзажа мы считаем конститутивными концептами скрипта «пейзаж». **Атмосферный пейзаж** представлен фокусными концептами: *wind, light, air, sky, sun, cloud*; **сельский** – *grass, water, tree, field*; **городской** – *house, city, street, road*; **горный** – *mountain, hill, rock, ridge*; **морской** – *sea, ocean*.

Таблица 1 наглядно отражает частотность типов пейзажа и фокусных концептов в изучаемых текстах.

Таблица 1

Тип пейзажа	Количество примеров	Фокусные концепты	Частотность
1	2	3	4
Атмосферный	64	wind	16
		light	12
		air	11
		sky	9
		sun	6
		clouds	5
Сельский	42	grass	15
		water	13
		tree	12
		field	3
Городской	37	house	18
		city	9
		street	5
		road	4
Горный	32	mountain	12
		hill	10
		rock	7
		ridge	4
Морской	25	sea	4
		ocean	4

Как мы уже отмечали, прямое значение слов, вербализующих ФК, отражает ядро каждого концепта.

ФК **“wind”**: “Moving air, esp. natural and perceptible movement of air parallel to or along the ground”. E. g. “The doctor takes deep breaths, inhaling the cool, fresh wind...”

ФК **“light”**: “The natural form of energy that makes things visible”.

E.g. “... to the red neon and yellow lights glowing at the dark edge of chance”.

ФК **“air”**: “The invisible mixture of gases surrounding the earth”. E. g. “In the heavy night air nothing was real ...”

ФК **“sky”**: “The region of the upper air seen as a high vault or arch over the earth; the firmament”. E. g. “He pointed to the still blue sky over the bay...”

ФК **“sun”**: “The heavenly body from which the earth gets warmth and light”. E. g. “And past all this, reddened by a round slow September sun, are mountains ...”

ФК **“cloud”**: “A white or grey mass of condensed watery vapor floating in the atmosphere”. E. g. Around noon a great crown of puffy cloud settled around Gros Piton...”

ФК **“grass”**: “Any of numerous plants with narrow leaves, jointed stems, and spikes or clusters of inconspicuous flowers such plant collectively”. E. g. “One day in October, when red tails screamed and hoarfrost tipped the meadow grass ...”

ФК **“water”**: “A limpid, tasteless, odorless liquid compound of hydrogen and oxygen, H₂O, any body of water, as a lake, river, or sea”. E. g. “The big ketch lay motionless on unruffled water, the float line drifted slack”.

ФК **“tree”**: “A perennial plant having a woody trunk of considerable size, from which spring branches, or, in the palms, fronds”. E. g. “In the darkness she heard the wind rising., stirring in the apple trees”.

ФК **“field”**: “Area of land, either grassland for cattle, etc or arable land for crops, usually enclosed by means of hedges, fences, etc”. E. g. “...trudging through untended fields girding Bush Hill”.

ФК **“house”**: “A building intended as a dwelling for human beings”. E. g. “The house itself was big and old and plain, almost square, with a great chimney settled firmly across the ridgepole...”

ФК **“city”**: “A place inhabited by a large, permanent community”. E. g. “You could cheat for amoment in this light and see the old city...”

ФК **“street”**: “A road with houses or other town buildings on one or both sides”. E. g. “...they stepped out onto the narrow street...”

ФК **“road”**: “An open way or public passage, a piece of ground between one city, town, or place and another appropriated for travel by foot passengers or vehicles”. E. g “...they are circling down the western slope, as the two-lined road forms wide arcs”.

ФК **“mountain”**: “A natural elevation of the earth’s surface, typically having steep sides and a narrow summit, and rising higher than a hill”. E. g “...drops of pool water that are catching low light over sharp mountains”.

ФК **“hill”**: “A conspicuous natural elevation of the earth’s surface much smaller than a mountain”. E. g “On one side I could see where the trail went around the rocky gray hills and disappeared into the southeast”.

ФК **“rock”**: “Hard substance in the Earth’s surface that consists of

any type of stone, a large piece or solid mass of stone”. E. g. “The rock was high above the spreading miles of arroyos and long mesas”.

ФК “**ridge**”: “An elevation long in proportion to its width and height and generally having sloping sides, a long, relatively narrow elevation of land”. E. g. “The trail leveled out on a narrow ridge that was steep on both sides like an animal spine”.

ФК “**sea**”: “The great body of salt water covering the larger portion of the earth’s surface, the ocean”. E. g. “From the deck San Francisco is still invisible; it lurks there behind the great cliffs of land, across the surging, dark-streaked sea”.

ФК “**ocean**”: “The great body of water that surrounds the land masses of the earth, one of the main divisions of this: the Atlantic/ Pacific/ Indian O”. E. g. “What rolling gray-green ocean does he walk beside?”

Контекстуально-дефиниционный анализ атрибутов в составе АК выявил базовые и индивидуальные концептуальные признаки вышеуказанных ФК. В свою очередь они объединены общим значением когнитивного слоев, таких как «качество», «температура», «сила», «цвет» и т. д., в состав которых они входят. Результаты исследования для наглядности представлены в сводных таблицах 2 – 7.

Таблица 2
Концептуальные признаки ФК атмосферного пейзажа

Концепт	Группы общих признаков	Атрибуты	Концептуальные признаки	
			базовые	периферийные
1	2	3	4	5
Wind	Качество	fresh		+
		dry		+
		light	+	
	Температура	cool		+
		cold	+	
		warm		+
	Сила	hard		+
		rising		+
		great		+
		thin		+
	Направление	north	+	
		mountain		+
		ocean		+
	Зависимость от времени суток	late		+

1	2	3	4	5
Light	Цвет	deep red		+
		yellow		+
		wan		+
	Качество	dim		+
		neon		+
		tired		+
		low		+
		shifting		+
		random		+
		living		+
Место	street		+	
Air	Качество	opaque		+
		heavy		+
		torpid		+
		damp	+	
		clean		+
		blurred		+
		sweet	+	
		rainwashed		+
	Температура	warm	+	
	Время суток	night	+	
Sky	Качество	desert		+
		cloud-blotched		+
		still		+
		cloudless	+	
	Цвет	pink		+
(mild/pale)blue	+			
Sun	Качество	bright	+	
	Расположенность на небосводе	low		+
	Форма	round		+
	Качество движения	slow		+
	Время года	September		+
Температура	hot	+		

Окончание табл. 2

1	2	3	4	5
Clouds	Время года	summer		+
	Качество	rain	+	
		thin		+
		puffy		+
		pink		+

Таблица 3

Концептуальные признаки ФК сельского пейзажа

Концепт	Группы общих признаков	Атрибуты	Концептуальные признаки	
			базовые	периферийные
1	2	3	4	5
Grass	Цвет	brown		+
		green	+	
	Качество	wild		+
		dead		+
		soaking		+
		dry		+
		tough		+
	Место произрастания	meadow	+	
		mountain		+
		roadside		+
		pasture		+
	Высота	long		+
		tall	+	
	short			+
		new		+
Tree	Качество	familiar		+
		bare		+
		thick		+
		wet		+
	Вид	apple	+	
		willow	+	
		cottonwood	+	
		pine	+	
		oak	+	

Окончание табл. 3

1	2	3	4	5	
Water	Размер	cedar	+		
		chinaberri	+		
	Качество	small			+
		bright			+
		soft	+		
		unruffled			+
		calm	+		
	brackish			+	
	Цвет	blue			+
		white			+
dark green				+	
Температура	black			+	
	cold	+			
	warm	+			
Качество движения	brain-warmed			+	
	shallow-moving			+	
Field	Качество	untended		+	
		dull		+	
	Цвет	violet-tinted		+	

Таблица 4

Концептуальные признаки ФК городского пейзажа

Концепт	Группы общих признаков	Атрибуты	Концептуальные признаки		
			базовые	периферийные	
1	2	3	4	5	
House	Размер	low		+	
		enormous		+	
		tiny		+	
		big	+		
		massive		+	
		large	+		
		tall		+	
	Цвет	pink			+
		colored			+

Окончание табл.4

1	2	3	4	5	
		green		+	
		white		+	
	Вид	apartment	+		
		painted		+	
		family	+		
		two-storied		+	
		dwelling	+		
		plain		+	
	Форма	square		+	
	Возраст	old		+	
City	Возраст	old	+		
	Качество	lovely		+	
		unreal		+	
		still		+	
		pale		+	
	Место расположения	distant		+	
low-lying			+		
Street	Качество	leafy		+	
		misty		+	
		busy	+		
		unpaved		+	
	Ширина	narrow	+		
Road	Ширина	two-lined		+	
	Качество	dirt	+		
		sandy		+	
		paved	+		

Таблица 5

Концептуальные признаки ФК горного пейзажа

Концепт	Группы общих признаков	Атрибуты	Концептуальные признаки	
			базовые	периферийные
1	2	3	4	5
Mountain	Цвет	silvering		+
		blue	+	
		dark		+

Окончание табл.5

1	2	3	4	5
	Качество	(dark) green		+
		moon-traced		+
		single		+
	Форма	shining		+
		sharp	+	
	Возраст	jagged		
		old		+
Hill	Цвет	dark		+
		gray		+
		green		+
	Качество	lava		+
		steep	+	
		open		+
Hill	Размер	lush		+
		rocky		+
Hill	rocky		+	
	steep		+	
Rock	Размер	sweeping		+
	Качество	round		+
		black		+
Ridge	Качество	lava, igneous, volcanic		+
		rim	+	
	Высота	high	+	
Ridge	Ширина	narrow	+	
		steep	+	
	Высота	towering		+

Таблица 6

Концептуальные признаки ФК морского пейзажа

Концепт	Группы общих признаков	Атрибуты	Концептуальные признаки	
			базовые	периферийные
1	2	3	4	5
Sea	Качество	surging		+
		dark-streaked		+
		salt	+	+
	Цвет	blue	+	
		dark-streaked		+

Окончание табл.6

1	2	3	4	5
Оcean	Качество	rolling		+
		awful		+
	Цвет	blue	+	
		gray-green		+

Таблица 7

Частотность концептуальных признаков

Вид пейзажа	Количество концептуальных признаков		
	общее количество	базовые	периферийные
Атмосферный	52	12	40
Сельский	42	14	28
Городской	35	10	25
Горный	28	7	21
Морской	9	3	6
Всего	166	46	120

Итак, количественный анализ показал, что периферийные признаки значительно преобладают над базовыми. Это подтверждает положение об особенностях художественного дискурса, в котором преобладает индивидуально-авторское видение того или иного явления, нежели универсальное и общепринятое. Следует заметить, что данные словарей сочетаемости, на которые мы ссылались при дифференциации базовых и периферийных признаков, не отражают всю валентностную область ФК. Для объективности и доказательности необходимо провести свободный ассоциативный эксперимент. Однако периферийная функция некоторых атрибутов, являющихся по сути базовыми, объясняется тем, что они не находятся в фокусе выделенности при порождении текста.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. **Александрова О. В.** О контурах новой парадигмы знания в лингвистике. Структура и семантика художественного текста / О. В. Александрова, Е. С. Кубрякова. — М.: Наука, 1999. — 189 с.
2. **Попова З. Д.** Очерки по когнитивной лингвистике / З. Д. Попова, И. А. Стернин. — Воронеж: ВГУ, 2001. — 191 с.
3. **Телия В. Н.** Метафора как модель смыслопроизводства и ее экспрессивно-оценочная функция // Метафора в языке и тексте. — М., 1988. — С. 26–52
4. **Юдина Н. В.** Что в «имени» тебе моем? (О сочетаемости имен существительных и прилагательных в когнитивном аспекте) / Н. В. Юдина // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2005. — № 1. — С 71–78.

МЕСТОИМЕНА КАК ОСНОВНЫЕ ДЕЙКТИЧЕСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ ЯЗЫКА

И. В. Коровина

Язык, являясь знаковой системой, в первую очередь является одним из средств общения людей. В процессе речи люди используют языковые единицы, не задумываясь над сутью тех или иных языковых и речевых явлений. Исследователи же в области лингвистики призваны рассматривать, анализировать и классифицировать языковые и речевые явления, их природу и функции. Зачатки языкознания появились еще в античности, но несмотря на имеющееся к настоящему моменту огромное количество трудов по лингвистике и языкознанию во многих явлениях присутствуют неизученные и малоизученные до сих пор аспекты.

В данной статье мы хотели бы обратиться к вопросу о сути такого речевого явления, как дейксис. Дейксис стал активно исследоваться в трудах лингвистов второй половины XX века, в которых большое внимание уделяется рассмотрению дейктических элементов в языке, таких как личные и указательные местоимения, наречия, аффиксы и др. Среди данных дейктических элементов наиболее явными дейктическими характеристиками обладают личные и указательные местоимения. При этом в работах, посвященных местоимениям, имеется много спорных моментов. Именно поэтому нам кажется целесообразным уделить особое внимание семантике этих частей речи и их функционированию в речи.

До сих пор в лингвистике не решен спор, касающийся вопроса о том, имеют ли местоимения как самостоятельная часть речи свое четко выраженное внутренне значение, и как это значение проявляется в тех или иных актах речи. Сложность с выделением местоимений в отдельную часть речи связано с тем, что одни слова этого класса имеют много общего с существительными, другие — с прилагательными, причем в них отсутствует номинативное отношение к постоянным предметам или качествам.

Европейская грамматическая традиция, восходящая к античности, рассматривает местоимение как одну из **частей речи**. Эту трактовку местоимений поддерживают О. Есперсен, В. З. Панфилов, В. В. Виноградов (с некоторыми ограничениями). Более того, Есперсен, Жигадло, Иванова, Иофик, Ильиш, Смирницкий и Керм, принимая за основу разнообразие семантических, морфологических и синтаксических характеристик местоимений, крайнюю разнородность входящих в этот класс слов, выделяют местоимения в самостоятельную часть речи, тогда как определенная часть исследователей относит местоимения к служебным частям речи (Блох, Виноградов, Фортунатов, Несфилд).

Однако в некоторых грамматических теориях XX века местоимения считаются грамматически неоднородными и распределяются

по частям речи в соответствии со своими главными синтаксическими функциями. Показательной в этом смысле является классификация местоимений Ч. Фриза и У. Френсиса. Все слова, традиционно относимые к местоимениям, они рассматривают как подклассы существительных. А. М. Пешковский, выступая против объединения местоимений в особую часть речи, распределяет их между именами и наречиями (местоименные существительные, местоименные прилагательные, местоименные числительные и местоименные наречия). Л. В. Щерба отрицает наличие самой категории местоимений в системе частей речи [Щерба, 1974: 79–85]. У. Чейф относит местоимения к нелексическим единицам языка [Чейф, 1975: 325]. М. А. Шелякин считает, что местоимения как часть речи нельзя ставить в равноправное положение с другими частями речи: они являются своеобразной «суперчастью речи», стоящей над всеми другими частями речи и, отражающей последние в своих грамматических и функциональных особенностях, в чем заключается их специфический грамматический статус как части речи [Шелякин, 1986: 10].

В рамках данной статьи мы будем рассматривать местоимения как самостоятельную часть речи, обладающую определенными семантическими и функциональными особенностями.

Обратимся к рассмотрению семантики местоимений. На вопрос о том, имеют ли местоимения **значение**, в лингвистике были даны три основных ответа: 1) местоимения не имеют значения, что и составляет их специфику (античная традиция, лингвистика XIX в.); 2) местоимения не имеют постоянного значения, оно меняется в каждом акте речи (Уфимцева Э. А., Емельянова О. В.); 3) своеобразие местоимений заключается в том содержании, которое выражает это значение (Селиверстова О. И.). Целесообразность подобного спора определяется тем, что местоимения характеризуются отсутствием выраженного денотата, зависимым характером и функциональной неоднородностью. Обозначая предметы, подобно существительным, местоимения, однако, не отражают их в их сущности. Признаки, фиксированные местоимениями, не являются отражением реальных свойств и качеств предметов. Местоимения, с одной стороны, обозначают предметы и явления, т. е. объективно существующую действительность, с другой — отражая эту действительность, они не называют прямо предметы или явления как существительные, а обозначают их относительным образом, путем выражения их отношения к самому объекту речи.

Значение местоимений, зафиксированное в словаре, является не семантическим, а грамматическим. Семантическое же значение проявляется не на уровне языка, а только на уровне речи. В речи местоимения замещают различные объекты (референты). Принимая во внимание так называемый «треугольник» стоиков, можно сделать вывод о том, что разность референтов обязательно приводит к разности денотатов. Таким образом, в различных актах устной и письменной речи местоимения имеют различные значения.

Все это традиционно служит основанием для различного их толкования. Нам кажется целесообразным не разграничивать резко две последние точки зрения на семантику местоимений и рассматривать местоимения как особый вид дейктических знаков, постоянно меняющих свое значение в актах речи, причем содержание данного значения всегда обусловлено коммуникативной ситуацией.

Различному толкованию подвергаются также функции местоимений в речи. Некоторые исследователи считают все местоимения **словами-заместителями**, т. е. замещающими предметы и явления, уже упоминаемые ранее в тексте или речи. Но существует также точка зрения о том, что только личные местоимения 3-го лица являются заместителями, а личные местоимения 1-го и 2-го лица выполняют дейктическую функцию, так как они меняют свое значение в процессе беседы, а местоимения 3-го лица нет [Жердева]. Позволим себе не согласиться с данной точкой зрения, так как, во-первых, местоимения 3-го лица также могут изменить свое значение на протяжении 2 реплик:

1. Do you know **him**?
2. No, I know only that boy. **He** is a rotten egg.

В представленном выше примере местоимение 3-го лица единственного числа в именительном и объектном падежах *him* и *he* замещают разные объекты: первое местоимение замещает человека, явно упоминаемого выше в тексте, второе местоимение замещает существительное «that boy».

Нам кажется неправомерным определять местоимения только как слова-заместители. Функция замещения присуща местоимениям, но не является их постоянной характеристикой, так как в тексте или речи не всегда есть референт, который данные местоимения замещает. Примерами, подтверждающими это, могут служить заголовки произведений, включающие в себя местоимения или полностью состоящие из них («Этот день», «Он и Она» и т. д.). Обратимся также к модели диалога, который может иметь место в речи:

1. What do you think of **him**?
2. Whom?
3. You know whom I mean.

В предшествующем отрезке коммуникативного акта совершенно необязательно присутствие объекта, на который указывает личное местоимение *him*, т. е. данное местоимение в вышеуказанном примере не является словом-заместителем. Понимание в данном случае обеспечивает тот факт, что оба участника беседы знают того, о ком говорят. Это так называемая *background information* — «затекстовая информация». Таким образом, функцию местоимения в вышеупомянутом диалоге нельзя определить как функцию замещения, а лишь как функцию **указания**.

Говоря об указательной функции местоимений нельзя обойти стороной такое явление, как **«обезличивание личных местоимений»**. Вследствие того, что личные местоимения обладают неограниченной

возможностью самых разнообразных конкретных значений, это приводит к тому, что в отрыве от ситуации, т. е. вне контекста, они обладают всеобщностью (и в этом смысле неопределенностью) значения («каждый человек / неизвестно какой человек»). Данное отвлеченное значение равно способно в контексте как к предельной конкретизации, о которой говорилось выше, так и к смысловой обобщенности. Сохранение местоимениями смысловой обобщенности и составляет суть явления их «обезличивания». Отвлеченное значение, которое присуще личным местоимениям вне контекста, может сохраняться и в контексте. В зависимости от коммуникативной интенции говорящего или от стиля высказывания личное местоимение может указывать на конкретного человека или группу лиц, а в других случаях обозначать любого, каждого человека или всех людей вообще.

Следует заметить, что местоимение *you* более всех подвержено подобному процессу обезличивания. В данном отвлеченном значении это личное местоимение может быть заменено неопределенным местоимением *one*, которое в последнее время вытесняется из употребления (особенно из устной речи) местоимением *you*. Следует обратить внимание, что обезличивание местоимения *you* имеет двоякую природу. С одной стороны, данное местоимение, употребляясь в обобщенном значении, охватывает в своей семантике большую группу лиц или даже все человечество. С другой стороны, при каждом отдельном акте речи или прочтения текста оно получает новое и предельно конкретное значение, а именно указывает на конкретного читателя или собеседника (каждый раз разного).

You'll find things need folds, they need to overlap, otherwise life would be like a broadsheet: flapping in the wind and down the street so you lose the important sections (Kulturchronik, 2003/5, p. 15).

Личное местоимение *we* в зависимости от ситуации может указывать на довольно большую группу лиц (например, все работники промышленного предприятия), лишь малая часть которых имеет отношение к высказываемому, а также обозначать всех людей нашей планеты.

If we do not learn to be well-behaved guests within organic life, we will also besmirch other planets (Kulturchronik, 2003/5, p. 13).

Личное местоимение *they* одним из своих значений имеет значение «все люди» (people in general), особенно в составе фразы «they say» — говорят. Когда идет речь о любом человеке как об одном из представителей человечества, может быть использовано местоимение *he* или конструкция «*he or she*».

A human being does not have any roots. He or she must make a pilgrimage through the human condition (Kulturchronik, 2003/4, p. 13).

На наш взгляд, единственной и основополагающей функцией место-

имений в речи является функция указания. В каждом конкретно взятом коммуникативном акте речи (как устном, так и письменном) местоимения указывают на определенные объекты или явления. Данные объекты и явления с равной вероятностью могут как присутствовать в предыдущем отрезке устной или письменной речи, так и отсутствовать в нем. В первом случае к функции указания прибавляется дополнительная функция замещения. Во втором случае данной дополнительной функции нет.

Принимая указательную функцию местоимений как основную коммуникативную функцию данного класса слов, нам представляется целесообразным определить местоимения как своеобразный класс **дейктических знаков**, которые в их регулярном употреблении наиболее абстрактны и в высшей степени ситуативно обусловлены. Исходя из этого, некоторые лингвисты относят их, наряду с некоторыми существительными и наречиями, к группе средств субъективного указания. Понятие указательности позволило отразить чрезвычайно важные черты местоименной семантики, но вместе с тем само это понятие еще не получило исчерпывающего определения. В работах одних исследователей можно найти трактовку местоимений как указательных слов, другие лингвисты настаивают на дейктической функции местоимений. Но, обратившись к одному из определений дейксиса, находим следующее: «Дейксис — это использование языковых выражений и других знаков, которые могут быть проинтерпретированы лишь при помощи обращения к физическим координатам коммуникативного акта — его участникам, месту и времени» (Кибрик), т. е. дейктические элементы указывают на определенные объекты, место или время. В связи с этим возникает вопрос о возможности приравнять терминологически дейктичность и указательность местоимений и тем самым немного уменьшить разнообразие и расхождение мнений о природе и функциях местоимений.

Наряду с личными и указательными местоимениями в роли дейктических элементов могут выступать наречия, прилагательные, аффиксы (показатели времени) и более сложные лексические структуры.

В дейктической ситуации предмет выделяется по отношению к говорящему, но в центре внимания сам предмет, а не говорящий. Дейктические элементы могут быть определены коммуникативной ситуацией (устная речь) или контекстом (письменная речь).

Традиционно выделяются три вида дейксиса:

1) предметный (выраженный личными, притяжательными и указательными местоимениями и жестами).

She watched the dancing ghosts. *They* know. *They* were a part of those years, a part of my life (S. Sheldon, p. 4);

2) пространственный.

And settling back in *his* chair he closed his eyes (J. Galsworthy, p. 382);

3) временной.

That evening after dinner which he scarcely touched... (J. Galsworthy, p. 379).

Два последних выражены указательными местоимениями (this, that), наречиями (here, today), грамматической категорией времени (he died) и более сложными выражениями, не совпадающими с дейктическим центром, но указывающими на него (in the next room, yesterday).

Наряду с тремя вышеназванными основными видами дейкиса различными исследователями выделяется великое множество дополнительных видов, часто зависящих от стиля текста.

Можно определить основные признаки любого дейктического элемента.

1. *Ситуативность*.

In **this** café **I** can see only one man. **He** is not familiar to **me**. (В данном примере значение дейктических элементов (this и he) может быть выявлено лишь при обращении к конкретной ситуации общения — месту (this room) и нахождению в этом месте в данный конкретный момент конкретного человека (one man — he).)

2. *Эгоцентризм* (отнесенность к субъекту речи).

В вышеуказанном примере личное местоимение 1-го лица единственного числа в именительном и объектном падежах (I, me) создает эгоцентр высказывания, определяя место (комната, в которой находится говорящий) и наблюдаемый объект (мужчина, которого видит говорящий и которого он знает).

3. *Мгновенность и эфемерность значения*.

В вышеуказанном примере все дейктические элементы имеют определенное значение лишь в конкретный момент высказывания. Данное их значение может кардинально измениться в следующую же секунду, когда например говорящий выйдет в другую комнату и в этом случае указательное местоимение *this* будет обозначать уже другую комнату, а комната, из которой он/она вышел/а, будет определяться указательным местоимением *that*.

Все дейктические элементы строго привязаны к конкретной системе координат, то есть их значение может быть понято и проинтерпретировано только при обращении к координатам места и времени, присущим определенной коммуникативной ситуации. Вне системы координат дейктические элементы теряют свою семантику.

В заключении необходимо сказать, что в настоящее время группа дейктических элементов не имеет четких границ; в работах лингвистов постоянно возникают новые морфологические, лексические и синтаксические единицы, обладающие дейктическими характеристиками и соответственно подпадающие под определение дейктического элемента.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. **Блох М. Я.** Теоретические основы грамматики. — М. : Высш. шк., 2000. — 161 с.
2. **Виноградов В. В.** Русский язык. Грамматическое учение о слове. — М. : Учпедгиз, 1947. — 764 с.
3. **Емельянова О. В.** Функциональная и семантическая характеристика местоимений // Спорные вопросы английской грамматики. — Л. : Изд-во ЛГУ, 1988. — 206 с.
4. **Есперсен О.** Философия грамматики / пер. с англ. В. Л. Пасека и С. П. Сафроновой; под. ред. и с предисл. проф. Б. А. Ильиша. — М. : Изд-во иностр. лит-ры, 1996. — 283 с.
5. **Ильиш Б. А.** Современный английский язык. — 2-е изд. — М. : Изд-во лит-ры, 1949. — 348 с.
6. **Леванова А. Е.** Личные местоимения — ядро акта коммуникации // Коммуникативно-содержательный аспект лингвистических единиц : сб. науч. тр. — Кемерово : Изд-во Кемеровского гос. ун-та, 1989. — С. 80—87.
7. **Ревзина О. Г., Членова С. Ф.** К вопросу о семантике местоимений / Вопросы семантики. — М., 1971. — С. 157—159.
8. **Селверстова О. И.** Местоимения в английском языке и речи. — М. : Наука, 1988. — 246 с.
9. **Сильман Т. И.** Семантико-синтаксические особенности местоимений // Вопросы языкознания, 1970. — № 4. — С. 69—91.
10. **Уфимцева А. А.** Лексическое значение. — М. : Наука, 1986. — 240 с.
11. **Чейф У. Л.** Значение и структура языка. — М. : Прогресс, 1975. — 432 с.
12. **Galsworthy J.** The Proper Man. — М. : Изд-во «Менеджер», 2000. — 384 p.
13. Kulturrechronik. — № 4. — 2003.
14. Kulturrechronik. — № 5. — 2003.
15. **Sheldon S.** Master Of The Game. — Harper Collins Publishers, GB. — 673 p.

СЕМАНТИКО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ КОНЦЕПТА «СЧАСТЬЕ» (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА)

А. С. Егорова, Р. Н. Исянова

Современная лингвистика характеризуется возникновением новых исследовательских парадигм, что приводит к поиску эффективных методов исследования. Изучение ассоциативного значения слова стало одним из наиболее приоритетных и активноразрабатываемых направлений в исследовании вербальных ассоциаций. Данная парадигма коммуникативно-прагматической лингвистики позволяет глубоко и полно представить изучаемые объекты реальной действительности, построить концептуальные модели языковой картины мира.

Настоящая статья посвящена семантико-стилистическому анализу лексемы «счастье» на материале немецких пословиц, поговорок и стихотворения «Modernes Märchen» Эриха Кестнера в аспекте их сравнения с русскими аналогами.

Как показал структурно-семантический анализ словарных единиц, в рассматриваемой лексеме «счастье» выделяются такие семантические компоненты, как «радость», «удача», «судьба», которые составляют смысловое ядро слова «счастье». Они выполняют функцию концептуальных признаков, участвующих в процессе реализации данной лексемы. Эти признаки и легли в основу ценностной составляющей, которая определила лингвострановедческое содержание ключевого слова «счастье» как концептуальную универсалию.

Выделение понятия «счастье» как определенную универсалию является важным, поскольку именно лингвострановедческие ключевые концепты приводят к формированию системы культурных ценностей. Как показало проведенное исследование, именно языковые и культурные системы в значительной степени отличаются друг от друга, но существуют семантические и лексические универсалии, указывающие на общий понятийный базис, на котором основывается человеческий язык, мышление и культура.

Для полного раскрытия понятия «счастье» необходимо провести параллель с философской трактовкой Т. И. Фролова, имеющей практически то же значение, что и в словаре С. И. Ожегова. Т. И. Фролов отмечает: «...счастье — аксиологическое понятие, обозначающее оптимальное для конкретного индивида сочетание различных благ, выражающееся в чувстве внутреннего удовлетворения тем, как складывается его жизнь в целом» (Фролов, 2001: 537).

Сравнительный анализ трактовки понятия «счастье», данных разными лингвистами, показал, что философская традиция и обыденное сознание, как правило, отождествляют счастье с высшим благом, рассматривают его в качестве общего знаменателя всех ценностных устремлений человека. Как слово живого языка и категория культуры счастье имеет, как показал проведенный нами анализ, многоаспектное, трудноподдающееся систематизации содержание. Так, например, польский исследователь В. Татаркевич выделил следующие 4 основных значения понятия «счастье»: 1) благосклонность судьбы, удача; 2) состояние интенсивной радости; 3) обладание наивысшими благами, положительный баланс жизни; 4) чувство удовлетворения жизнью (Татаркевич, 1986: 255—256). В своем исследовании мы, в основном, придерживаемся его точки зрения, хотя третье значение не всегда дает положительный баланс жизни, как показало проанализированное нами ниже стихотворение Э. Кестнера.

В немецкой культуре понятие *sчастье* стоит в одном ряду с такими концептами, как *любовь, дружба, семья, здоровье* и т. д., что и было обнаружено нами в процессе лингвистического анализа языкового материала.

Для анализа лексемы «счастье» были взяты, как упоминалось выше, пословицы, поговорки и стихотворение в аспекте сравнения с их русскими аналогами.

Структурный и стилистический диапазон пословиц широк. В нау-

ке до сих пор еще не установлены все типы афористических жанров, что свидетельствует об актуальности исследуемой нами темы.

Пословицы, как и поговорки, переходили из века в век и, несомненно, еще будут использоваться — ими не утрачена их жизненная и поэтическая ценность. Прямой смысл многих пословиц уже устарел, а переносный продолжает жить. Они являются едва ли не первыми и блистательными проявлениями творчества народа. В них, как в рациональном зерне, заложены все деятельные силы общечеловеческой культуры. Поражает их вездесущность — они касаются всех предметов и явлений. Они вторгаются во все области человеческого бытия, людских надежд, помыслов, оценок ближних — родных, соседей, властей и т. д. Знаменитый Владимир Даль выделил для своих пословиц 179 рубрик: пословицы о предметах веры (бог, грех, раскол), о судьбе, о счастье (удаче) и т. д. (Даль, 1996: 134).

Конечно, опыт классификации пословиц и поговорок по темам опирается на их реальные свойства: у каждой из них есть своя тема. Многозначность пословичного суждения не означает отсутствия тематических границ. Легко убедиться в том, что переносное толкование каждого пословичного суждения поставлено в рамки разговорно-речевого использования. При широте смысла пословицы применяют не к любым предметам, а к определенным — к ряду явлений, имеющим между собой связь. Например: «Не было бы счастья, да несчастье помогло» — «*Glück und Unglück wandern auf einem Steg*»; «Счастливые часов не наблюдают» — «*Dem Glücklichen schlägt keine Stunde*» и т. д. Эта тематика столь же обширна и разнообразна по содержанию, как и жизнь народа.

Как немецкие, так и русские лингвисты отмечают их особенный «образ выражения». По мнению Гоголя, в пословицах есть издевка, насмешка, т. е. все шевелящее и задирающее за живое. Уже в народном фольклоре обеих наций счастье определяется как нечто, которое нужно заслужить «*Das Glück muß man erobern*». Здесь употребляется глагол *erobern*, который имеет два значения: а) «завоевывать, захватывать, овладевать»; б) переносное — «пленять, покорять».

Необходимо заметить, что *счастье* трактуется и как нечто, что может вылечить от всего и помочь каждому кто старается сделать для себя и окружающих полезное и нужное: *Das Glück hilft keinem, der sich nicht selbst hilft* — счастье никому не помогает, если сам себе не помогаешь.

В тексте «*Glück, Glück, Glück!*» говорится о том, что цель каждого человека быть счастливым: *Unser größtes Ziel im Leben darin besteht, glücklich zu sein* — основная цель нашей жизни состоит в том, чтобы быть счастливым.

Но никто точно не знает как достичь этого состояния, полного удовлетворения жизнью. Прежде чем требовать что-то от жизни, необходимо выразить желания в словесной форме, так как не существует никакой проблемы до тех пор, пока ее не озвучить: *Was Glück*

jedoch bedeutet? Ist schwieriger in Worte zu fassen und noch schwieriger zu erreichen — что есть «счастье»? Трудно выразить словами, но еще труднее достигнуть [Якимова, 2001: 7].

Некоторые люди, живя, часто не понимают, что они счастливы и осознают это лишь в случае беды или несчастья: «Не было бы счастья, да несчастье помогло». Аналогично с этим можно привести пример из немецкого языка: *Zuviel Glück ist Unglück*. Чувство полного счастья связано также с такими понятиями как здоровье — *Gesundheit*, интересная работа — *interessante Arbeit*; деньги — *Geld*, профессия — *Beruf*, любовь — *Liebe* и т. д. Но не всегда высокий уровень жизни — гарант счастья. Деньги играют большую роль в жизни современного индивидуума. Но счастье богатых координально отличается от счастья среднего слоя населения. Иногда богатые, на первый взгляд счастливые, не понимают несчастье других: *Der Glückliche kennt den Unglücklichen nicht* — гласит немецкая пословица, аналогом которой является русская пословица «Сытый голодного не разумеет». Для них незнакома, не присуща идея альтруизма. Ничего не может быть сделано безвозмездно. Тогда как люди с меньшими доходами считают, что, помогая людям, можно быть счастливым: *Viele Menschen sehen in selbstlosem und uneigennützigem Handeln eine Möglichkeit, glücklich zu sein*.

Если главной составляющей счастья в русской культуре является «здоровье», то в немецкоязычных текстах это понятие не всегда играет доминирующую роль: *Dennoch kann ein gesunder Körper keine Garantie für Glück sein*.

Наиболее ярко концепт «счастье» выражен в стихотворении Эриха Кестнера «*Modernes Märchen*», которое условно можно разделить на 2 части: а) счастье и гармония без денег (супружеская чета, прожившая много лет в материальной нужде, но в согласии и любви); б) тревоги, переживания, связанные с деньгами в материально-обеспеченный период жизни.

На первый взгляд может показаться, как же так может произойти, что с появлением материальных благ исчезает душевная гармония. *Sie waren so sehr ineinander verliebt, wie es das nur noch in Büchern gibt*. Они любили друг друга так, как бывает только в книгах, жили друг для друга и были счастливы. Их любовь — самое дорогое, что у них было в бедности. Деньги в этой семье не играли никакой роли: *Sie hatte kein Geld. Und er hatte keins*. У него не было высокой должности, возможно по этой причине они были бедны: *Er war ohne Amt. So blieben sie arm*. Они были уверены, что любовь и верность нельзя купить ни за какие деньги. И это было нормально, безденежье не портило их отношений возможно и потому, что они принадлежали к одному общественному классу. Но следует подумать, а было бы у них то сокровище, которое называется «счастье», если бы эти люди имели деньги? Ведь материальные ценности иногда затмевают элементарные человеческие чувства. Не стало бы того трепета, с которым

они относились друг к другу: *Er nannte sie: «Mein Schmetterling»*. Дополняли их семью дети, которые были рождены в любви. А что может быть лучше для семьи? Родители старались, чтобы их дети не были обделены, они не забывали и про подарки к Рождеству (самому семейному празднику в Германии), и дети в свою очередь отвечали тем же: *Zu Weihnachten malten sie kurzerhand Geschenke mit Buntstiften an die Wand* — к рождеству дети рисовали свои подарки на стене, за что дети не наказывались, что также подчеркивает родительскую любовь к детям и выдвижение материальных вещей на второй план. У них была богатая фантазия и они могли наслаждаться хлебом, будто это конфета: *Und aßen Brot, als wär's Konfekt, und spielten: wie Gänsebraten schmeckt* — они ели хлеб как конфету и представляли себе вкус жареного гуся. Ведь они жили не для того, чтобы есть. И им было достаточно их куска хлеба. Он писал романы. И вдруг внезапно к нему пришла слава и богатство. В их жизни уже не осталось места чувствам. Они были ослеплены деньгами. Но не долго были они в забвении: *Doch tat's ihnen leid*. Не стало той легкости в общении, что была раньше. И чтобы не потерять остатки теплых чувств — они дарят деньги сироте: *Sie geben das Geld einem Weisenkind*.

Geld macht nicht glücklich, гласит немецкая пословица, аналогом которой в русской лингвокультуре может служить пословица «Счастье не купишь за деньги». Сравнивая две лингвокультуры, мы можем утверждать, что сущность концепта «счастье» понимается в сравниваемых языках практически одинаково — счастье не покупается ни за какие деньги.

Таким образом, из проанализированного материала можно сделать вывод, что понятие «счастье» зависит от менталитета и личного характера человека, а вся глубина и нюансы содержания рассматриваемого понятия передаются в обоих языках посредством его компонентов. Завершить наше исследование можно немецкой пословицей «*Jeder ist seines Glückes Schmied*», которая абсолютно аналогична русской пословице «Каждый из нас кузнец своего счастья».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Даль В. И. Пословицы русского народа : в 3 т. — СПб., 1996. — 145 с.
2. Ожегов С. И. Словарь русского языка. — М. : Азбуковник, 1999. — 940 с.
3. Кожемяко В. С. Deutsche Sprichwörter und russische Äquivalente. — СПб. : Каро, 2003. — 76 с.
4. Татаркевич В. О счастье. — СПб. : Ребус, 1986. — 332 с.
5. Фролов Т. И. Философский словарь. — М. : Республика, 2001. — 771 с.
6. Якимова. Учебное пособие по немецкому языку. — Йошкар-Ола : Марийский ин-т образования, 2001. — 32 с.

ТЕМА КРОВИ В ИНВЕКТИВНОМ СЛОВОУПОТРЕБЛЕНИИ

О. М. Кушуккина, Л. И. Айдарова

Тема крови занимает достаточно важное место в ряду инвективных тем ряда национальных культур. Чаще всего эта тема входит элементом в различные инвективы самой разной тематики. В ряде случаев это прилагательные, дословно означающие «кровавый», или существительное «кровь», но обычно — в значении «проклятый».

Сюда же можно отнести и одно из сильнейших ирландских оскорблений *Informer's blood!* («кровь доносчика», подразумевается «В тебе течет кровь доносчика!») (Жельвис, 1997: 284).

Большую известность и распространение даже за пределами своей национальной культуры приобрело инвективное английское прилагательное *bloody* и восклицания типа *My blood* и т. д. Сравнительно недавно в британском варианте *bloody* играло ту же роль, что современное американское *fucking*, т. е. могло сопровождать практически любое существительное во имя придания всему сочетанию табуированного характера.

Однако в то время как инвективное использование *fucking* относительно понятно, такое же использование на первый взгляд довольно невинного слова вызывает вопросы.

Объяснений популярности и особенно резкой грубости *bloody* существует несколько. Одно из предположений состоит в том, что это — редуцированная форма от божбы *By our Lady!* Противники этого толкования справедливо отмечают, что ни в какую эпоху не было возможно употребление этой божбы атрибутивно и препозитивно как современное *bloody*.

Отмечаются попытки возвести *bloody* к кельтскому, немецкому и даже русскому первоисточнику. Однако, ни одна из этих попыток не кажется убедительной ни с лингвистической, ни с психологической точки зрения, так как здесь не предлагается никакого объяснения невероятной шокирующей силе инвективы.

Для лучшего понимания проблемы полезно подробнее проследить историю пейоризации прилагательного *bloody*. По-видимому, в XVIII—XIX веках оно вовсе не имело резко отрицательных, тем более инвективных коннотаций, но могло употребляться в качестве несильного эмоционального интенсификатора. Во второй половине XVIII века оно широко использовалось в кругах буржуазии и вообще в образованной английской среде. Д. Свифт пишет своей знакомой: «*It was bloody hot walking today*».

Но постепенно *bloody* переходит в рабочие слои, начинает широко употребляться малообразованными слоями, что, по всей вероятности, и явилось одной из главных причин падения его статуса. Слово *bloody* с этого момента тщательнейшим образом избегается образо-

ванными слоями британского общества, на него накладывалось одно из самых жестких табу. Особенно прочным это табу было в викторианскую эпоху, известную своим пуританским отношением к вопросам буржуазной морали.

В первой половине прошлого столетия положение постепенно меняется в сторону смягчения шокирующей силы этого слова. Однако до наступления этого периода сравнительной реабилитации *bloody* оно в резко непристойном значении успешно распространялось по территории всей Британской империи, особенно в Австралии и Новой Зеландии.

Впрочем, несмотря на то, что в британских справочниках неоднократно отмечается большая грубость *bloody* в Англии, нежели в США, не подлежит сомнению, что и в Англии это слово сегодня пользуется успехом во всех слоях общества.

Поэтому более целесообразно присмотреться к буквальному значению соответствующих слов, т. е. попытаться понять смысл инвективы, исходя из значения «кровь». Стоит вспомнить, что понятие крови всегда было и остается одним из самых священных понятий всех народов мира (сравним красный цвет на знамени многих стран, выражения типа «пролита кровь», «платить кровью», «кровь за кровь» и т. д.). Таким образом, вполне основательно предположить, что первоначально *bloody* могло означать просто «покрытый кровью», «окровавленный», откуда пошло значение «насильственный», а уже от него — общее пейоративное переносное значение. Так, уже в XVII веке английский драматург Шадвелл упоминал *The bloody hands of critics*, где *bloody* могло означать сразу «обагренные кровью (писателей) руки критиков» и «эти дьяволы — руки критиков». Значение «обагренные кровью» время от времени оживлялось в силу национальной специфики исторического развития: в США перед Войной за независимость колонисты считали, что английские солдаты получили свое прозвище *bloody backs* («окровавленные спины») из-за постоянных пороков, которым подвергались.

Таким образом, вряд ли стоит искать происхождение такого сильного инвективного средства в каких-то конкретных, типично английских исторических и языковых фактах. Наиболее естественно объяснить его историю на фоне общечеловеческих изменений, характерных для истории абсолютного большинства инвектив.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Жельвис В. И. Поле брани. Сквернословие как социальная проблема в языках и культурах мира. — М.: Ладомир, 1997. — 330 с.

ОБ УПОТРЕБЛЕНИИ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

О. М. Кузюкина, И. Н. Фролова

Английский язык с точки зрения наличия в его обширной системе фразеологизмов и фразеологических оборотов является, пожалуй, одним из самых богатых. Фразеологизмы занимают огромный пласт в его структуре.

Главнейшим источником фразеологических единиц (ФЕ) является Библия. Это величайшее произведение обогатило фразеологизмами не только английский язык, но и многие другие языки мира. О колоссальном влиянии, которое оказали на английский язык переводы Библии, говорилось и писалось много. На протяжении столетий Библия являлась самой широко читаемой и цитируемой в Англии книгой. Число библейских оборотов и выражений, вошедших в английский язык, настолько велико, что собрать и перечислить их было бы весьма нелегкой задачей. К выражениям, используемым в современной английской речи и библейское происхождение которых твердо установлено, принадлежат, например, следующие: **the apple of Sodom** — красивый, но гнилой плод; обманчивый успех; **the beam (the mote) in one's eye** — «бревно» в собственном глазу; собственный большой недостаток; **the blind leading the blind** — слепой ведет слепого; **by the sweat of one's brow** — в поте лица своего; **a crown of glory** — венец славы; **daily bread** — хлеб насущный, средства к существованию; **a drop in the bucket** — (буквально капля в ведре); ~ капля в море; **a fly in the ointment** — (буквально муха в мази); ~ ложка дегтя в бочке меда; **loaves and fishes** — земные блага (хлебцы и рыбы). **No man can serve two masters** — двум господам не служат; **the prodigal son** — блудный сын; **the promised land** — земля обетованная; **a prophet is not without honor, save in his own country** — нет пророка в своем отечестве.

Помимо вышперечисленных выражений, в число которых входят целые предложения-поговорки и различные именные (с главным словом существительным), атрибутивные и наречные обороты, в английский язык вошло из Библии еще много глагольных оборотов: **to bear one's cross** — нести свой крест; **to condemn oneself out of one's mouth** — самому осудить себя (невольно); **to escape by the skin of one's teeth** — еле-еле спастись, едва избежать опасности; **to kill the fatted calf** — отдать на заклание упитанного тельца (для угощения блудного сына), (т. е. встретить радушно, угостить лучшим, что есть дома); **to laugh to scorn** — презрительно осмеивать; **to sit under one's vine and fig-tree** — сидеть под своей лозой и смоковницей (т. е. спокойно и безопасно сидеть дома); **to sow the wind and reap the whirlwind** — сеять ветер и пожнать бурю; жестоко поплатиться; **to worship the golden calf** — поклоняться золотому тельцу (т. е. выше всего ценить богатство, деньги).

Некоторые ФЕ восходят к библейскому сюжету. Так, библейские образы и понятия мы находим в таких фразеологизмах, как **forbidden fruit** — «запретный плод», **Job's comforter** — «горе-утешитель», **Juda's kiss** — «поцелуй Иуды», **a prodigal son** — «блудный сын», **a dead letter** — «мертвая буква; потерявший свое значение закон, лозунг».

Помимо фразеологизмов, заимствованных из Библии, в английском языке, как и в языках других европейских народов, являющихся наследниками античной культуры, существует множество пословиц, афоризмов и образных выражений, возникших у древних греков и римлян.

Фразеологизмы **the golden age** — «золотой век», **the apple of discord** — «яблоко раздора», **Pandora's box** — «ящик Пандоры», **Achilles' heel** — «ахиллесова пята», **Augean stable(s)** — «авгиевы конюшни», **a labor of Hercules** — «геркулесов труд», **a labor of Sisyphus** — «сизифов труд», **Lares and Penates** (книжн.) — «лары и пенаты» (то, что создает уют, домашний очаг — лары и пенаты в древнеримской мифологии — боги-покровители домашнего очага), **the thread of Ariadne** (книжн.) — «ариаднина нить, путеводная нить», способ, помогающий выйти из затруднительного положения (дочь критского царя Ариадна, дав греческому герою Тезею клубок ниток, помогла ему выбраться из лабиринта) — взяты из античной мифологии.

С поэмами Гомера «Илиада» и «Одиссея» связаны выражения: **Homeric laughter** — «гомерический хохот» (оборот связан с описанием Гомером смеха богов); **an Iliad of woes** — повесть о бесчисленных несчастьях; **a sardonic laugh** — сардонический, язвительный смех; **Penelope's web** — «тканье Пенелопы», тактика оттягивания; **winged words** — «крылатые слова»; **between Scylla and Charybdis** — «между Сциллой и Харибдой», в безвыходном положении; **on the knees of the Gods** — «одному богу известно»; **on the razor's edge** — «в опасном положении, на краю пропасти»; **like a Trojan** — мужественно, доблестно, геройски (Вергилий в «Энеиде» тоже воспекает мужество защитников Трои); **the Trojan Horse** — «троянский конь», скрытая опасность.

Следующие выражения идут из басен Эзопа и других древнегреческих сказок и басен: **to blow hot and cold** — колебаться, делать взаимоисключающие вещи, занимать двойственную позицию (в одной из басен Эзопа путешественник одновременно дул на свои пальцы, чтобы согреть их, и на суп, чтобы остудить его); **to add insult to injury** — усугублять оскорбления; **to kill the goose that laid the golden eggs** — убить курицу, несущую золотые яйца; **to cry wolf too often** — поднимать ложную тревогу; **the lion's share** — «львиная доля»; **the last straw (that broke the camel's back)** — последняя капля, переполнившая чашу, предел терпения; **sour grapes** — «зелен виноград» (о чем-либо недостижимом и потому порицаемом); **to nourish a viper in one's bosom** — «пригреть змею на груди»; **an ass in a lion's skin** — «осел в львиной шкуре»; **a fly on the wheel** — человек, преувеличивающий свое участие в каком-либо деле.

От одной из басен Федра идет поговорка **to take time by the forelock** — воспользоваться удобным случаем, не зевать. Выражения **the small of the lamp** — «запах лампы» (т. е. масла в лампе, при свете которой переделывал свое произведение писатель); вымученность, искусственность и **to know where the shoe pinches** — «знать, в чем заговздка, в чем нужда» стали известными из сочинений Плутарха. Оттуда же идет фразеологизм **the skeleton at the feast** — человек, омрачающий, портящий чужое веселье; выражение **to call a spade a spade** — «называть вещи своими именами» ведет свое начало от неточной, но удачной передачи Эразмом Роттердамским приводимой Плутархом поговорки (у Плутарха сказано «называть корыто корытом»).

Некоторые фразеологизмы восходят к произведениям древнеримских писателей: **a snake in the grass** — «змея подколотная, коварный, скрытый враг» (Вергилий); **the golden mean** — «золотая середина» (Гораций); **the sinews of war** (книжн.) — деньги, материальные средства, необходимые для ведения войны (Цицерон); **anger is a short madness** — «гнев — недолгое безумие» (Гораций).

Фразеологические единицы, пришедшие в английский язык из литературы Древней Греции и Древнего Рима, наделены необыкновенной красочностью и экспрессивностью, этим и объясняется их распространенность не только в английском, но и в других языках мира.

В современном английском языке существует множество фразеологизмов, основная функция которых — усиливать эстетический аспект языка. Многие фразеологические единицы произошли в связи с обычаями, реалиями, историческими фактами, но большая часть английского фразеологического фонда так или иначе возникла благодаря художественно-литературным произведениям.

Произведения знаменитого английского классика У. Шекспира являются одним из наиболее важных литературных источников по числу фразеологизмов, обогативших английский язык. Наиболее распространенные шекспиризмы: **«Macbeth» : to make assurance double sure** — для пущей верности; **the be-all and end-all** — то, что заполняет жизнь, все в жизни; **the milk of human kindness** — «бальзам добродушия» (ирон.), сострадание, человечность; **to screw one's courage to the sticking place** — набраться храбрости, отважиться; **to win golden opinions** — заслужить благоприятное, лестное мнение о себе; **at one fell swoop** — одним ударом, одним махом, в один момент; **the sere and yellow leaf** — наступающая старость, дряхлость; **pride of place** — высокое положение, упоенность собственным положением, высокомерие; **full of sound and fury** — громкие, грозные речи, которые ничего не значат; **«Hamlet» : to be or not to be?** — быть или не быть?; **To cudgel one's brains** — ломать голову над (чем-либо); **the observed of all observers** — центр всеобщего внимания; **to be hoist with one's own petard** — попасть в собственную ловушку; **to do yeoman service** — оказать своевременную помощь; **our withers are**

unwrung — хула, обвинение нас не задевает; **to shuffle off (this mortal coil)** — покинуть этот бренный мир, покончить (счета с жизнью); **to give pause to (smb.)** — приводить в замешательство; **to out-Herod Herod** — превзойти самого Ирода в жестокости; **to know a hawk from a handsaw** — быть не лишенным элементарной проницательности (уметь отличить кукушку от ястреба); **caviar to the general** — слишком тонкое блюдо для грубого вкуса (слово **general** здесь значит «широкая публика»); **germane to the matter** — ближе к делу; **a towering passion** — неистовство, ярость; **the primrose path of dalliance** — путь наслаждений; **there's the rub** — вот в чем заговздка (вот где собака зарыта); **from whose bourne no traveller returns** — там, откуда еще никто не возвращался (т. е. в царстве смерти); **in the mind's eye** — в воображении, мысленно; **to the manner born** — привыкший с пеленок; **shreds and patches** — лоскутья и клочки; **sweets to the sweet** — прекрасное — прекрасной (любезное обращение при поднесении подарка); **to the top of one's bent** — совсем, полностью; вволю, вдоволь, сколько душе угодно. **«Othello» : the green-eyed monster** — (книжн.) «чудовище с зелеными глазами», ревность; **to chronicle small beer** — отмечать мелочи, незначительные события, заниматься пустяками; **the seamy side** — неприглядная сторона, изнанка чего-либо; **to wear one's heart upon one's sleeve** — выставлять напоказ свои чувства (душа нараспашку); **trifles light as air** — ничтожные пустяки; **curled darlings** — богатые женихи, «золотая молодежь», богатые бездельники; **moving accident(s)** — волнующие события; **ocular proof** — зримое доказательство; **a foregone conclusion** — predetermined дело; предвзятое мнение, заключение; **the head and front of** — предел, верх; самое главное, важное, существенное; **the pity of it!** — Как жалко! **«King Henry IV» : to eat one out of house and home** — разорить человека, живя за его счет; **the wish is father to the thought** — желание порождает мысль; люди охотно верят тому, чего сами желают; **the better part of valour is discretion** — одно из украшений храбрости — скромность. **«King Henry V» : to give the devil his due** — отдавать должное и плохому человеку. **«King John» : to gild refined gold** — (букв. «золотить чистое золото»); стараться улучшить, украсить что-либо и без того достаточно хорошее; попусту тратить время; **to paint the lily** — «подкрасить цвет лилии», т. е. пытаться улучшить что-либо, не нуждающееся в улучшении и украшении.

«Twelfth Night» : midsummer madness — умопомрачение; **the whirligig of time** — превратности судьбы; «карусель времени»; **cakes and ale** — беззаботное веселье, наслаждение жизнью, «пирог и пиво». **«Merchant of Venice» : to have (smb.) on the hip** — воспользоваться (чьим-либо) невыгодным положением, «прижать» кого-либо; **to one's heart's content** — вволю, вдоволь; **a Daniel come to judgement** — честный, проницательный судья; **a pound of flesh** — точное количество, причитающееся по закону, «фунт мяса»; **with bated**

breath — затаив дыхание. «**As You Like It**»: **how the world wags?** — как обстоят дела?; **In good set terms** — со всей решительностью, суровостью; **lay it on with a trowel** — преувеличивать; грубо льстить; **sermons in stones** — серьезные размышления, внушенные явлениями природы. «**Midsummer Night's Dream**»: **fancy free** — ни в кого не влюбленный; с незанятым, свободным сердцем; **the beginning of the end** — начало конца. «**King Lear**»: **every inch a king** — с головы до ног, целиком, настоящий во всех отношениях (король); **more sinned against than sinning** — (человек) незаслуженно обиженный, перед которым другие виноваты больше, чем он перед ними. «**Much Ado About Nothing**»: **comparisons are odorous** — сравнения не всегда уместны; **good men and true** — честные, порядочные, верные люди. «**Troilus and Creseide**»: **hit or miss** — беспорядочно, как попало, наугад. «**Romeo and Juliet**»: **a fool's paradise** — мир фантазий; призрачное счастье. «**Comedy of Errors**»: **neither rhyme nor reason** ~ ни складу, ни ладу, без всякого смысла. «**Antoniou and Cleopatra**»: **salad days** — пора юношеской неопытности (~«молодо — зелено»). «**Julius Caesar**»: **an itching palm** — склонность брать взятки; жадность к деньгам, наживе (ладонь чешется).

В современном английском языке шекспиризм могут употребляться с некоторыми изменениями. Например, выражение **to wear one's heart upon one's sleeve for days to peck at** («**Othello**») — «выставлять напоказ свои чувства» (~«душа нараспашку»). (Этот фразеологизм связан со средневековой рыцарской традицией носить на рукаве цвета своей дамы.) В современном английском языке обычно употребляется в сокращенном виде: **to wear one's heart upon one's sleeve**. Также вместо предлога *upon* может употребляться другой предлог — *on*. Например: «It's lovely to be able to tell the world what she means to me». Howard ... adds: «I never back off from showing my emotions whatever they are. I think if we all wore our hearts on our sleeves a bit more we'd all get on a lot better» (The times).

Шекспиризм **the better part of valour is discretion** («**King Henry IV**») — одно из украшений храбрости — скромность существует в современном английском языке с измененным порядком слов: **discretion is the better part of valour**.

Многие шекспиризм с течением времени приобретают лексические варианты: например, **applaud (или cheer) to the echo** — «шумно, восторженно аплодировать, устроить овацию» (**applaud to the echo** — шекспиризм («**Macbeth**»)); **cram (ram или thrust) smth. down smb.'s throat** — «навязывать кому-либо (свое мнение свои взгляды) и т. п. (**thrust smth. down smb.'s throat** — шекспиризм «**Titus Andronicus**»).

В шекспиризме **buy golden opinions** — «заслуживать благоприятное лестное мнение о себе, вызывать восхищение» в современном языке вместо глагола **buy** употребляется глагол **win**. Выражение **at one fell swoop** («**Macbeth**») — «одним ударом, одним махом», сразу

стал употребляться в сокращенном виде **at one swoop**. Например: «They go quick, one after another — five of them vanished already at one swoop» (S. O'Casey).

Кроме Шекспира, многие другие писатели обогатили английский фразеологический фонд. Среди них главным образом следует отметить Александра Попа, Вальтера Скотта, Джеффри Чосера, Джона Мильтона, Джонатана Свифта и Чарльза Диккенса.

Александр Поп: fools rush in where angels fear to tread — дураки бросаются туда, куда ангелы и ступить боятся («An Essay on Criticism»), (дуракам закон не писан); **damn with faint praise** («Epistle to Dr. Arbuthnot») — осуждать, делая вид, что хвалишь; **break a butterfly on the wheel** («Epistle to Dr. Arbuthnot») — (~ стрелять из пушек по воробьям); **who shall decide when doctors disagree?** («Moral Essays») — что же делать смертному, когда мнения знатоков расходятся?

Вальтер Скотт: to catch smb. red-handed («**Ivanhoe**») — застать кого-либо на месте преступления, захватить кого-либо с поличным; **beard the lion in his den** («**Marmion**») — напасть на опасного врага в его собственном жилище; **laugh on the wrong side of one's mouth** («**Rob Roy**») — приуныть после веселья, перейти от смеха к слезам; **on one's native path** («**Rob Roy**») — на родной земле, у себя на родине; **a foeman worthy of smb.'s steel** («**The Lady of the Lake**») — достойный противник, соперник.

Джеффри Чосер: through thick and thin («**The Canterbury Tales**») — решительно, стойко, несмотря ни на какие препятствия; **murder will out** («**The Canterbury Tales**») — все тайное становится явным; **he needs a long spoon that sups with the devil** — когда садишься за стол с чертом, запасись ложкой подлиннее; ~ связался с чертом, пеняй на себя (тж. He who sups with the devil should have a long spoon) («**The Canterbury Tales**»).

Джон Милтон: fall on evil days («**Paradise Lost**») — впасть в нищету, бедствовать; влачить жалкое существование; ~ черные дни наступили; **heaven on Earth** (тж. Paradise on Earth) («**Paradise Lost**») — рай земной; **confusion worse confounded** («**Paradise Lost**») — путаница, полный хаос; **more than meets the ear** («**Paradise Lost**») — больше, чем кажется на первый взгляд; не так просто, как кажется.

Джонатан Свифт: the land of Nod («**Polite Conversation**») — «страна сновидений», царство сна; **a sight for sore eyes** («**Polite Conversation**») — приятное зрелище, сердцу отрада (особенно о желанном госте); **all the world and his wife** («**Polite Conversation**») — 1) все без исключения, много народу; 2) все светское общество, весь «высший свет»; **to quarrel with one's bread and butter** («**Polite Conversation**») — бросить занятие, дающее средства к существованию; **all in the day's work** («**Polite Conversation**») — в порядке вещей; **to rain cats and dogs** («**Polite Conversation**») — лить как из

ведра (о дожде); **someone is walking over my grave** («Polite Conversation») — что-то меня дрожь пробирает.

Чарльз Диккенс: king Charles's head («David Copperfield») — навязчивая идея, предмет помешательства (выражение связано с увлечением полоумного мистера Дика Карлом I); **never say die** («David Copperfield») — не отчаивайтесь; **how goes the enemy?** («Nicholas Nickleby») — говоря, называя вещи своими именами.

Высказывания других английских писателей обычно остаются цитатами и лишь в редких случаях пополняют фразеологический фонд английского языка, входя в разговорную речь. Приводим некоторые примеры таких высказываний (перечисленные далее ФЕ классифицированы по времени создания произведения, в котором употребляется данный фразеологизм).

XVIII век

Дж. Арбетном: John Bull — «Джон Булль» (насмешливое прозвище англичан). оборот впервые употреблен придворным врачом Дж. Арбетном в сатирическом памфлете «Law is a Bottomless Pit» (1712), позднее переизданном под названием «The History of John Bull»; **Р. Бёрнс: John Barleycorn** — «Джон Ячменное Зерно» (олицетворение виски, пива и других спиртных напитков) («John Barleycorn»); **Дж. Гэй: (as) cool as a cucumber** — совершенно невозмутимый, спокойный; «в ус не дует, и глазом не моргнет» («Poems on Several Occasions»); **Д. Дефо: man Friday** — Пятница; верный преданный слуга (по имени верного слуги в романе «Robinson Crusoe»); **a gentleman's gentleman** — «джентльмен, прислуживающий джентльмену», слуга («Everybody's Business»); **С. Т. Колридж: an albatross about one's neck** — постоянное напоминание о чьей-либо вине; печальное обстоятельство (в поэме Колриджа «The Ancient Mariner» говорится о моряке, убийством альбатроса накликавшем беду на свой корабль и вынужденном носить как наказание мертвого альбатроса на шее); **У. Купер: a cup that cheers but not inebriates** — «напиток веселящий, но не пьянящий», чай («The Task»); **К. Марло: to clip smb.'s wings** — подрезать крылья кому-либо; **Т. Мортон: what will Mrs. Grundy say?** — «что скажет миссис Гранди?», т. е. что скажут люди? Выражение употребляется в комедии «Speed the Plough». Миссис Гранди — воплощение ходячей морали (ср. что станет говорить княгиня Марья Алексеевна?); **Т. Смоллетт: fly off at a tangent** — неожиданно отвлечься от темы разговора («Humphrey Clinker»); **fit like a glove** — быть как раз впору, подходить («Humphrey Clinker»); **Л. Честерфилд: small talk** — болтовня, разговор о пустяках, о погоде («Letters to his Son»).

XIX век

Дж. Г. Байрон: (as) merry as a marriage-bell — очень веселый, жизнерадостный, полный жизни («Childe Harold's Pilgrimage»);

У. Вордсворт: the child is father of the man — уже в ребенке заложены черты взрослого человека; **Т. Кемпбелл: few and far between** — что-то редкое, редко встречающееся («Pleasures of Hope»); **Дж. Пул: Paul Pry** — человек, сующий нос в чужие дела, чрезмерно любопытный человек (главное действующее лицо комедии «Paul Pry»); **Р. Л. Стивенсон: Dr. Jekyll and Mr. Hyde** — доктор Джекилл и мистер Хайд, человек, воплощающий в себе два начала — доброе и злое (по имени героя повести «The Strange Case of Dr. Jekyll and Mr. Hyde»); **А. Теннисон: a little rift within the lute** — начало разлада или безумия; червоточина, «трещина» («Idylls of the King, Merlin and Vivien»); **А. О. Шонесси: mover and shaker** — влиятельный человек, лидер общественного мнения.

XX век

Дж. Берри: little Mary (разг. шутл.) — желудок, «животик» (по названию пьесы); **Р. Куплинг: the tail wags the dog** — «хвост виляет собакой», подчиненный командует начальником («The Conundrum of the Workshops»); **Ч. Сноу: corridors of power** — коридоры власти (название книги).

Многие фразеологические единицы не были созданы самими писателями, но благодаря им получили широкое распространение в современном английском языке. Вот примеры: выражение **John Barleycorn** было известно еще с первой половины XVII века и приобрело особую популярность благодаря балладе Р. Бёрнса «John Barleycorn». Поговорка **to be on the side of the angels** (букв. быть на стороне ангелов) — настаивать на традиционной (антинаучной) точке зрения приобрела популярность благодаря Б. Дизраэли. Фразеологизм **vanity fair** — «ярмарка тщеславия», являющийся названием знаменитого романа У. Теккерея, встречается в книге Дж. Беньяна «Pilgrim's Progress» (1678–1684). ФЕ **a skeleton in the closet** — «семейная тайна, скрываемая от посторонних», введенная У. Теккерем в литературу, была также известна до него. Сравнения **grin like a Cheshire cat** — «ухмыляться, улыбаться во весь рот»; **(as) mad as a hatter и (as) mad as a March hare** — «не в своем уме» — популяризированы Л. Кэрролом в книге «Alice in Wonderland».

Много ФЕ пришло в Англию из США. Они относятся к внутриязыковым заимствованиям. Некоторые из этих фразеологизмов были в свое время созданы американскими писателями и получили широкое распространение в современной английской речи.

Создатели многих оборотов известны.

В. Ирвинг: the almighty dollar — «всемогущий доллар» (обычно употребляется иронически); **a Rip Van Winkle** — «Рип Ван Уинкл», отсталый человек (по имени проспавшего двадцать лет героя одноименного рассказа).

Э. О'Коннор: the last hurrah — «последнее ура»; «лебединая песня» (обычно о последней предвыборной компании или о полити-

ческом деятеле, завершающем свою бурную политическую карьеру). По названию романа).

Ф. Купер: the last of the Mohicans — последний из Могикан (по названию романа). Могикане — вымершее племя североамериканских индейцев. Популярность произведений Купера способствовала внедрению в английский язык фразеологизмов, связанных с жизнью индейцев: **bury the hatchet** — «заклечь мир, помириться, прекратить вражду» (индейцы при заключении мира зарывали в землю томагавк); **dig up the hatchet** — «начать войну» (у индейцев существовал обычай перед началом военных действий откапывать зарытый в землю томагавк); **go on the war-path** — «вступить на путь войны, быть в воинственном настроении».

Г. Лонгфелло: ships that pass in the night — «мимолетные, случайные встречи» («Tales of Wayside Inn») (ср. разошлись как в море корабли). Популярность выражения связана также с использованием его в качестве названия одного из романов писательницы Беатрисы Харраден (1893).

Дж. Лондон: the call of the wild — «зов предков», «зов природы», обаяние девственной природы (по названию романа); **the iron heel** — «железная пята», империализм (по названию романа).

М. Митчелл: gone with the wind — бесследно исчезнувший, канувший в прошлое. Выражение стало популярным после опубликования романа М. Митчелл «Унесенные Ветром» («Gone With the Wind») и фильма, снятого по мотивам этого романа, было создано английским поэтом Э. Доусоном (1867—1900).

Дж. Хоу: the grapes of wrath — «гроздь гнева» (оборот впервые встречается в произведении Дж. Хоу «Battle Hymn of the Republic» (1862), обязан своей популярностью роману Дж. Стейнбека с тем же названием).

Следует отметить, что по мнению многих исследователей американизмы, приведенные выше, обладают наиболее яркой образностью и повышенной экспрессивностью по сравнению с высказываниями английских писателей.

Фразеологизмы используются не только в живой разговорной речи, но часто служат средством выражения мыслей журналистов, делая стиль изложения образным, ярким и красочным.

В этом легко убедиться, просмотрев ведущие английские СМИ последних нескольких лет (2000—2007), такие как: «The Independent», «The Guardian», «The Times», «The Observer», «The Financial Times», «The Daily Telegraph», «The Daily Mail», «The Daily Mirror», «The Daily Express», «The Sun».

Журналисты очень любят использовать библеизмы, например: «**The beam in Bremer's eye**» (Guardian, Wednesday April 14 2004. Paul Foot), «Motes and beams in the MCB's eyes» (Guardian, Wednesday October 18 2006, letters), «Leading the blind» (Guardian, Tuesday

November 8 2005, Interview by Katie Shimmon), «The blind leading the blind» (UK-news, Guardian Unlimited, Friday April 22 2005); «Don't leave morals to the madmen» (Guardian, Wednesday March 22 2000, A C Grayling) (...) poor, warns that it is easier for a **camel** to go **through a needle's eye** than for a well-off person to (...); «Reflections in the Evening Land» (Guardian, Saturday December 17 2005, Harold Bloom); (...) who disapproves of taxes, and who has widened **the needle's eye** so that **camels** and the wealthy pass readily into the Kingdom (...); «Big Macs replace loaves and fishes at Pope's pray-in» (international, Guardian, Monday April 28 2003, Giles Tremlett in Madrid); (...) to feed the 5,000 with a handful of **loaves and a couple of fish**, the Spanish bishops have turned to McDonald's; «Greens fight Trump over? 1bn golf courses» (conversation, Observer, Sunday May 20 2007 Paul Kelbie); (...) scrubland into a world-class resort, he was welcomed like a **prodigal son**. As the 60-year-old New Yorker - whose mother, Mary (...); «Is this the promised land?» (Guardian, Monday April 12 2004 Tania Branigan).

Не менее популярны:

1) фразеологизмы, заимствованные из художественной литературы Древней Греции и Древнего Рима:

«Pandora's Box and Diary of a Lost Girl» (Observer, Monday May 21 2007, Philip French); (...) arc in the lives of their heroines. In the better one, **Pandora's Box**, Brooks plays a wilful femme fatale who unthinkingly destroys the (...); «Pandora's box is open» (Guardian, Thursday March 8 2007, Michael White); «Golden age of dance that TV is missing» (Guardian, Wednesday December 27 2006); (...) can give future audiences a more regular taste of this currently **golden age** of dance. Tony Barlow Wallington, (...); «The 'achilles heel' of Britain's skills deficit» (Guardian, Friday December 3 2004, Rebecca Smithers, education editor); (...) improve adults' poor basic skills, which he complained were Britain's **«achilles' heel»**. All employees in England who do not have basic qualifications (...); «Appreciation: John Heath-Stubbs» (Guardian, Saturday January 6 2007); (...) every day. During this time his poems became a kind of **Ariadne's thread** that led him out of the maze of confusion caused (...); «British Gas mix-up on final demand was last straw» (Observer, Sunday April 29 2007, Margaret Dibben);

2) шекспиризмы, например:

«How to solve youth crime and illegal immigration **in one fell swoop**: brightly coloured uniforms!» (Guardian, Wednesday July 26 2006, Marcel Berlins); «**The green-eyed monster**» (Guardian, Thursday November 24 2005, Lucy Mangan); «Last night's TV» (Guardian, Tuesday January 3 2006, Nancy Banks-Smith) (...) against anything but written evidence. Give me, it says repressively, **the ocular proof**. They scored one hit with ploughman's lunch, which was (...); «Single — but not

fancy free for long» (Observer, Sunday September 28 2003, Margaret Dibben); «Britain is living in a bit of a fool's paradise» (Guardian, Friday July 30 2004, Robert Barrie Chief UK economist at Credit Suisse First Boston); «**Today, the beginning of the end**» (Guardian, Thursday May 10 2007, Patrick Wintour, political editor); «**Beginning of the end** for the best TV ever» (Observer, Sunday April 8 2007, Tom Teodorczuk); «**Beginning of the end** shows what Australia will miss with McGrath» (Guardian, Wednesday January 3 2007 Gideon Haigh); «Blair's salad days with Murdoch's guru» (Observer, Sunday October 17 2004, David Smith);

3) высказывания английских писателей, ставших фразеологизмами, например:

«**Gone with the wind**» (Guardian, Saturday July 29 2006, Gary Younge); «First class to the **land of nod**» (Guardian, Saturday October 15 2005, Annalisa Barbieri); «To the land of nod» (Observer, Sunday February 4 2001, Jane Clarke); «**Never-say-die** Nadal wins five-hour classic on clay» (Guardian, Monday May 9 2005, Stephen Bierley in Milan and Richard Jago in Berlin); «McNish is Man Friday» (Observer, Sunday April 6 2003).

Следует отметить, что все приведенные примеры — это далеко не весь спектр встречающихся в британской прессе фразеологизмов, заимствованных из литературно-художественных источников, однако они доказывают и указывают на тот факт, что ФЕ данного рода в настоящее время широко используются в современном английском языке.

АНАЛИЗ ФИЛОСОФСКИХ И КОНКРЕТНО-НАУЧНЫХ ДЕФИНИЦИЙ ТЕРМИНА «SPACE» (НА МАТЕРИАЛЕ СЛОВАРЕЙ)

О. В. Рубцова

В данной статье рассматриваются варианты толкования термина «space» в англо-английских словарях.

Само явление «space» всегда интересовало философов, лингвистов и других представителей наук начиная со времен Аристотеля. Развитие человеческого познания постепенно привело людей от наглядно-чувственного восприятия пространства к более абстрактному и умозрительному представлению. Появилось обобщающее понятие «space», представление о его свойствах: непрерывность/прерывность, абсолютный или относительный характер, конечность/бесконечность, протяженность, трехмерность, размерность, геометрическая и топологическая разновидности, стали различать геометрическое, физическое, географическое, космическое и другие виды пространства. Соответствен-

но слово «space» используется в многочисленных сложных терминах в таких науках, как философия, лингвистика, математика, медицина, география, психология, физика и т. д. Ученые рассматривают понятие «space» как нечто абстрактное, невидимое, что можно измерить с помощью совершенно реальных действий, можно заполнить людьми и предметами: «space-an area that is empty and can be used or filled by objects or people...» [3].

В математике пространство — есть «логически мыслимая форма (или структура), служащая средой, в которой осуществляются другие формы и те или иные конструкции. Исторически первым пространством является евклидово трехмерное пространство, представляющее приближенный абстрактный образ реального пространства. В современной математике пространство определяют как множество каких-либо объектов, которые называются его точками; ими могут быть геометрические фигуры, функции, состояния физической системы и т. д.» [8]. При этом учитываются только те свойства совокупности, которые определяются принятыми во внимание или введенными по определенным отношениями.

Перевод английского термина «space», используемого в математических науках, можно встретить далеко не в каждом словаре. На уровне повседневного восприятия пространство интуитивно понимается как арена действий, общий контейнер для всех объектов, геометрическая сущность некоторой системы. В энциклопедии «Wikipedia», термин «space» представлен в словосочетании «three-dimensional space» — трехмерное пространство. В словаре «The American Heritage Dictionary» дается два определения «space» как математического термина: «'space, n, 1. Mathematics. A set of elements or points satisfying specified geometric postulates: non-Euclidean space. 2. The infinite extension of the three-dimensional region in which all matter exists» [1].

Общее свойство пространства — это трехмерность, т. е. все материальные процессы происходят в пространстве 3 измерений. Кроме всеобщих свойств, пространство обладает и локальными свойствами. Например, симметрия и асимметрия, месторасположение, расстояние между телами, конкретные формы и размеры. Все эти свойства зависят от структуры и внешней связи тел, скорости их движения, взаимодействия с внешними полями. Пространство одной материальной системы непрерывно переходит в пространство другой системы, поэтому оно практически незаметно, отсюда его неисчерпаемость как в количественном, так и в качественном отношении.

В энциклопедии «McGraw-Hill Encyclopedia of Science and Technology» термин «space» — есть абстрактное представление местности: «a set of mathematical elements and especially of abstractions of all the points on a line, in a plane, or in physical space; especially: a set of mathematical entities with a set of axioms of geometric character — compare METRIC SPACE, TOPOLOGICAL SPACE, VECTOR SPACE» [6], и наоборот, термину «space» в словаре «The American

Heritage Science Dictionary» дано конкретное определение как математической системе координат: «mathematical object, typically a set of sets, that is usually structured to define a range across which variables or other objects (such as a coordinate system) can be defined» [2].

В философском толковании категорию «space» стремились осознать, определить и объяснить представители всех философских школ и направлений, начиная с античности и до наших дней. Для этой науки пространство есть одна из основных категорий бытия, форма существования материи, отражающая протяженность и расположение предметов в мировом континууме и их положение относительно друг друга. В философских дебатах неоднократно задается вопрос: «Можно ли измерить пространство или оно является частью измерительной системы?»

Предполагается, что пространство можно измерить временем, поэтому ученые рассматривают понятие «space» вместе с понятием «time», так как, по их мнению, они не делимы: «Пространство и время — всеобщие формы существования материи; пространство — форма существования материальных объектов и процессов/ характеризует структурность и протяженность материальных систем/; время — форма последовательной смены явлений и состояний материи/ характеризует длительность их бытия/. Пространство и время имеют объективный характер, неотделимы от материи, неразрывно связаны с ее движением и друг с другом, обладают количественной и качественной бесконечностью. Универсальные свойства времени — длительность, неповторяемость, необратимость; всеобщие свойства пространства — протяженность, единство прерывности и непрерывности» [9].

Одно из определений слова «space» дано в значении слова «time»: «TIME: a) in/within the space of sth within a particular period of time...; b) a short space of time, a short period of time...» [4], «...a period of time: space of time» [5].

В толковом словаре понятию «space» дано множество синонимов близких к значению «time»: «...bit, duration, period, season, span, spell, stretch, term, time, while» [7].

Термин «space» в значении «космическое пространство» близок к термину «universe» — «вселенная»:

1) «space *n*, the whole of the universe outside the Earth's atmosphere...» [5];

2) «space *n*, the expanse in which the solar system, stars and galaxies exist; the universe...» [1];

3) «space-outside the earth — the area beyond the Earth where the stars and planets are...» [4].

В лингвистике довольно полно прокомментированы отдельные языковые элементы категории «space»: пространственные предлоги, наречия, прилагательные, существительные, описаны некоторые специфические синтаксические конструкции, служащие для выражения

местонахождения или движения предмета, и т. д. Так, например, представлен ряд производных от слова «space»:

1) «...space cadet *n*, informal-someone who forgets things, does not pay attention...», «...spacing *n*, the amount of space between the printed letters, words or lines on a page...» [4];

2) «...spacecraft, spaceship *n*, a vehicle that can travel in space...», «...spaceman *n*, 1. an astronaut, 2. creative from another planet...», «...spacewoman *n*, a female astronaut...» [5].

Для перевода основного значения данной категории на русский язык в лингвистике используются разные термины, такие как «пустая зона, земля, местность»: или «1. empty land — land or an area of land that has not been built on; 2. empty area the amount of an area, room, container that is empty or available to be used» [4], промежуток: или «gap- a space between two objects or surfaces from which there is something missing» [3].

Терминологический разнобой в описании категории «space» в лингвистических описаниях последних лет связан как с основным концептуальным определением сущности этого феномена, так и с выявлением его составных элементов и аспектов. Кроме того, в последние годы термин «space» получил чрезвычайно широкое истолкование и употребление для обозначения различных сущностей. Даже беглый просмотр компьютерных сайтов с этим ключевым словом показывает, что на данном этапе говорят о земном, воздушном, звездном, космическом, галактическом, всемирном, реальном и виртуальном, перцептуальном, физическом, дисковом, векторном, фазовом, открытом, закрытом, римановом, евклидовом, информационном, образовательном, мифологическом, интеллектуальном, интернет-пространстве и т. д. — можно насчитать где-то около 90 различных определений слова *space*.

Подводя итоги данного обзора, можно констатировать, что категория *space* (пространство), которая в ходе развития цивилизации непрерывно обогащается и уточняется новыми научными составляющими, все еще до конца непостижима для познания, имеет и в философии, и в точных науках, и в лингвистике далеко не исчерпывающее объяснение и описание. Изучение языкового выражения пространственных отношений полностью не осуществлено ни для одного из языков, система концептуальных форм изучения и описания пространственных параметров мира все время обогащается какими-то новыми подходами, понятиями и средствами фиксации пространственных отношений.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. The American Heritage® Dictionary of the English Language, Fourth Edition Copyright © 2007, Updated in 2007. Published by Houghton Mifflin Company.
2. The American Heritage® Science Dictionary Copyright © 2002 by Houghton Mifflin Company. Published by Houghton Mifflin Company.

3. Longman Dictionary. Uk Limited 1993 plc, Great Britain by Days Ltd, St. Ives. P. 1272.
4. Longman Dictionary of Contemporary English. Person Education Limited, 1978, 2003.
5. Macmillan English Dictionary for Advanced learners. Oxford, Macmillan Publishers Limited, 2002.
6. McGraw-Hill Encyclopedia of Science and Technology. Copyright © 2005 by The McGraw-Hill Companies, Inc.
7. Roget's New Millennium™ Thesaurus, First Edition (v 1.3.1). Copyright © 2007 by Lexico Publishing Group, LLC.
8. Большая советская энциклопедия.
9. Советский энциклопедический словарь. М., 1981. С. 1067.

СТРУКТУРНЫЕ МОДЕЛИ ДИРЕКТИВНЫХ РЕЧЕВЫХ АКТОВ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

М. Г. Цветкова

Речевой акт, согласно определению основателя теории речевых актов (ТРА) Дж. Остина, является минимальной единицей коммуникации, связанной с выражением утверждения, вопроса, объяснения, описания, благодарности, сожаления и т. д. и осуществляемой в соответствии с общепринятыми принципами и правилами поведения [Остин, 1986]. Единый речевой акт представляет собой трехуровневое образование: во-первых, он выступает как локутивный акт, т. е. как собственно говорение чего-либо, во-вторых, речевой акт, с учетом его внеязыковой цели рассматривается как иллокутивный акт, наконец, в-третьих, при анализе результата речевого действия, его реальных последствий, речевой акт предстает как перлокутивный акт.

В центре внимания представителей теории речевых актов находятся явление иллокуции и связанное с ним понятие иллокутивной силы, рассматриваемые в ТРА путем построения типологии иллокутивных актов.

Директивный речевой акт является одним из иллокутивных типов, выделяемых большинством ученых, и представляет собой высказывание, побуждающее адресата совершить или, наоборот, не совершать какое-либо действие. К данному типу высказываний относятся речевые акты приказа, запрета, требования, призыва, предложения, просьбы, совета, предостережения и др.

Изучение речевых актов, в том числе побудительных, представляется чрезвычайно актуальным, так как современная лингвистическая наука уделяет все больше внимания исследованию основ функционирования механизма «использования языка для достижения многообразных целей, возникающих в ходе социального взаимодействия людей» [Кобозева, 1986: 13]. Проблематика речевого общения в последние десятилетия является одной из наиболее привлекательных областей исследования. Высокая степень распространенности диалогиче-

ского вида речи в условиях современной коммуникации обуславливает необходимость разностороннего изучения побудительных высказываний.

Так, например, интерес представляют структурные схемы (модели) директивов. Под моделью понимается «абстрактная схема, отвлеченный образец построения минимальных самостоятельных предложений» [Москальская, 1981: 24]. Проблемой моделирования предложений отдельных языков, составлением списков моделей занимается описательный синтаксис. К основным задачам данного направления относятся формулировка ясного понимания синтаксических структурных единиц, их типов и обозначение сферы функционирования каждой из них. О. И. Москальская подчеркивает важность выявления исходного материала, «на базе которого происходят на уровне предложения все модификации, схождения и противопоставления, соединение более стойкой структуры, то есть все „процессы“ данного уровня» [Москальская, 1981: 24].

Как известно, директивные речевые акты в немецком языке помимо собственно императива могут передаваться рядом других конструкций, отличаясь друг от друга степенью категоричности. В целях создания наиболее полного представления о возможных языковых средствах выражения побуждения целесообразным представляется описание их структурного оформления и лексической наполняемости.

Реализуемые в речи директивные высказывания можно подразделить на двусоставные/полные и односоставные/неполные. В таблице представлены функционирующие в немецком языке структурные схемы директивов.

Таблица

Двусоставные директивы

Модель	Примеры
1	2
1. Двусоставный императив (Vf – Pron)	
a) Vf – Sie	« Sagen Sie es mir doch bitte gleich», bat Pagel... «Ich bin unruhig. Seien Sie », sprach er, «seien Sie nicht unmenschlich. Quäen Sie mich nicht. Sagen Sie ja» (H. Fallada)
b) Vf – du	« Beruhige du dich jetzt mal, Helwig», sagte dann der Direktor... (A. Seghers)
2. Модальные глаголы + инфинитив (N1 – Vf – Inf)	
a) N1 – solle – Inf	Kapelli küsste sie. «Du sollst nicht so viel reden», sagte er (B. Kellermann)
b) N1 – müssen – Inf	«Du musst es herausfinden», sagte ich. «Und du musst ihr sagen, dass ich da bin» (E. M. Remarque)

1	2
в) N1 – können – Inf	«Sie können das Bett nehmen. Ich werde auf dem Sofa schlafen» (E. M. Remarque)
г) N1 – dürfen – Inf	«Nun müssen Sie sich allerdings schonen. Sie dürfen nicht so viel arbeiten...» (B. Kellermann)
д) N1 – wollen – Inf	«Versuche zu schlafen. Wir wollen abwechselnd fahren» (E. M. Remarque)
3. Безличный пассив (N1 – Vfpass)	«Zuerst einmal die Rechnung. Hier. Erst wird die Rechnung bezahlt» (E. M. Remarque)
4. Псевдопридаточное предложение с dass (dass – N1 – Neg – Vf)	
а) dass – N1 – kein – N3 / /N4 – Vf	«Dass es mir aber keine Streitereien mit der Mathilde gibt -!» (H. Fallada)
б) dass – N1 – nicht – Vf	«...Ich glaube, du wirst dir's ein anderes Mal überlegen! Dass so etwas nicht mehr vorkommt» (St. Zweig)
5. Претерит конъюнктива (N1 – Vf)	«Wie wäre es, Kat, wenn wir Kropp und Tjaden ein Stück brächten?» (E. M. Remarque)
6. Кондиционалис I (N1 – Vf – N3 / N4 – Inf)	«Ich mag ihn nicht. Er sieht einen immer so an. Ich würde ihm nicht trauen. Du solltest es auch nicht» (E. M. Remarque)

Односоставные директивы

7. Односоставный императив (Vf 2sg / Vf2pl)	«Also, bitte, höre schon auf, Violet! Bitte! Das werde ich alles regeln...» (H. Fallada)
8. Существительное в номинативе (N1)	In einem Moment Abschwollen erreicht mich seine Stimme: «Gas – Gaaas – Gaaas – Weitersagen!» (E. M. Remarque)
9. Существительное в аккузативе (N4)	«Einen Calvados», sagte er zu dem Kellner. «Einen doppelten Calvados» (E. M. Remarque)
10. Отрицательная конструкция с существительным в аккузативе (Neg N4)	«Keinen Arzt», keuchte sie. «Nicht nötig. Es ist gleich vorbei. Geh! Komm in fünf Minuten wieder. Lass mich allein! Tu, was ich sage! Keinen Arzt! So geh doch!» schrie sie» (E. M. Remarque)
11. Предлог и существительное в дативе (pN3)	Citroen kommen und hielt ihn an. Zum Hotel «Prince de Galles! Rasch!» (E. M. Remarque)
12. Количественное числительное + существительное в аккузативе (quantit N4)	«Ja. Was sonst?» «Zehn Rappen. «Was?» «Zehn Rappen! Zehn Centimes! Für die Zeitung!» (E. M. Remarque)
13. Прилагательное (Adj)	«Ruhig, ruhig», sagte Ravic. «Ich bin es. Derselbe, der sie vor ein paar Stunden hergebracht hat» (E. M. Remarque)
14. Наречие (Adv)	Ein Leutnant ist dabei. Er sieht uns und ruft: «Vorwärts, vorwärts, anschliessen, anschliesse –!» (E. M. Remarque)

1	2
15. Инфинитив (Inf)	Dieser Mann befahl sehr entschieden: «Stehenbleiben!» (H. Fallada)
16. Причастие II (Part II)	«Stillgestanden!» kommandierte er erneut, «stillgestanden, rechtsum!...» (B. Kellermann)
17. Побудительные междометия (Interj)	Sie legte den Finger auf den Mund: «Pst! Pst!» (J. R. Becher)

Итак, высказывания, построенные по приведенным моделям, служат для выражения побуждения и различаются степенью волевого воздействия на получателя речевого акта. Важно заметить, что предложения, имеющие одну структуру, в силу специфичности ситуации общения способны передавать различные оттенки побуждения. Так, например высказывания, соответствующие по своей структуре моделям 1, 2 и 7, являются универсальными и характеризуются способностью выражать все частные значения императива от самых категоричных до наиболее нейтральных (приказ, требование, просьбу, совет, предостережение и др.). Структурные схемы 3, 4, 9, 10, 14, 15 и 16 типичны для директивных речевых актов, отличающихся высокой степенью категоричности: приказ, запрет, требование. Мягкое, ненавязчивое побуждение передается формами конъюнктива (модель 5), это может быть приказ в виде указания, просьба в виде пожелания, предложение. Речевой акт совета часто соответствует шестой модели, однако в определенном контексте это могут быть также высказывания, выражающие предостережение. Степень волевого воздействия односоставных побудительных предложений, построенных по моделям 8, 11, 12 и 13, часто зависит от наличия иерархичности в отношениях между коммуникантами. Следует также отметить, что употребление неполных конструкций в некоторых случаях обусловлено действием принципа экономии языковых средств, компрессии информации за счет фоновых знаний говорящих. Семнадцатая модель заслуживает особого внимания, так как средства выражения побуждения здесь находятся на границе слов и соприкасаются с несловами.

Таким образом, директивные речевые акты в соответствии с их структурной организацией могут быть представлены в форме полных и односоставных предложений. В результате проведенного лингвистического исследования было выделено 17 структурных моделей директивных высказываний с различными оттенками выражения значения побуждения.

1. Кобозева И. М. «Теория речевых актов» как один из вариантов теории речевой деятельности / И. М. Кобозева // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. — М., 1986. — С. 7–21.
2. Москальская О. И. Проблемы системного описания синтаксиса: на материале нем. яз. / О. И. Москальская. — М.: Высш. шк., 1981. — 175 с.
3. Остин Дж. Л. Слово как действие / Дж. Остин // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. — М., 1986. — С. 22–129.

3. ПРИКЛАДНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВИСТИКИ

ОТРАЖЕНИЕ ГЕНДЕРНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК В ТЕКСТАХ АНГЛИЙСКИХ И РУССКИХ АНЕКДОТОВ

Е. Г. Долгова, А. А. Кузнецова

Гендерные отношения находят прямое отражение как в английских, так и в русских анекдотах. Существуют различные циклы анекдотов, в которых высмеиваются определенные качества, присущие представителям того или иного пола.

Среди анекдотов, высмеивающих женщин, условно можно выделить две разновидности. В анекдотах первого типа женщины представлены неким обобщенным классом, характеризующимся теми качествами, которыми должна обладать женщина в патриархальном обществе. Такие анекдоты, как правило, являются «закрытыми» текстами, так как допускают только одно — дискриминационное — прочтение. Примером может служить следующий анекдот: *Why don't women mind their own business? — a) no business, b) no mind*. В основу этого анекдота положен стереотип неумной женщины. Как указывают исследователи, этот стереотип происходит из традиционного представления о связи женщин с природой (согласно их репродуктивной роли). В традиционном представлении мужчины связаны с культурой и цивилизацией. Другое патриархальное представление, которое нашло отражение в этом анекдоте, соотносит мужчин с общественной сферой деятельности, а женщин — с домашним хозяйством (Elshtain, 1981: 77). Это представление также находит отражение в анекдоте-списке, озаглавленном «Новые летние семинары для женщин», один из уроков которого называется: *«Beyond the front page: exploring the daily newspaper»*.

Другая разновидность анекдотов, высмеивающих женщин, посвящена определенным стереотипическим группам женщин, таким как, например, блондинки, жены, тещи. В каждой из групп традиционные стереотипы предстают искаженными и преувеличенными. Так, стереотип глупой блондинки представляет собой искаженную версию стереотипов «глупой женщины» и «сексуального объекта», в то время как стереотипы жены и тещи являются прототипами стереотипического представления о женском поле, несущем в себе угрозу достойного существования мужчин (Davies, 1998: 68).

Стереотип глупой блондинки получил широкое распространение в американских и затем в английских анекдотах в течение несколь-

ких последних десятилетий. Этот образ включает в себя такие характеристики, как глупость, привлекательность и неразборчивость в связях — качества, противоположные ценностям современного мира, рационального и организованного. Анекдоты подчеркивают эти ценности, указывая на то, что люди, их отвергающие, не могут добиться успеха в профессиональной сфере деятельности (Davies, 1998: 74). Подобный стереотип мог возникнуть из нежелания мужчин признать, какую власть над ними имеют привлекательные женщины, иными словами, соединение образа блондинки с образом глупышки говорит о желании лишить ее возможности манипулировать мужчинами. Рассмотрим это предположение на следующем примере.

Question: How does a blonde kill a fish?

Answer: She drowns it.

Question: What is it called when you blow into a blonde's ear?

Answer: A refill!

В русской культуре анекдоты такого типа традиционно отсутствуют. Анекдоты про блондинок, появившиеся в последнее время, являются в большинстве своем калькой с английского языка. Приведем пример русскоязычных анекдотов про блондинок:

Две девушки смотрят гонки «Формулы 1». Блондинка спрашивает: «Куда они так торопятся?» **Другая девушка ей отвечает:** «Кто придет первым — получит приз». «Ну хорошо, первый едет за призом. А остальные куда?»

Вместе с тем в последнее время не меньшей популярностью пользуются анекдоты, высмеивающие мужчин, например: *What is the best way to get a man to do something? — Suggest they are too old for it.* Следующие анекдоты основаны на традиционном стереотипе, противопоставляющем эмоциональных женщин рациональным мужчинам: *Men are like mascara — they usually run at the first sign of emotion.* Или, *Why is it so hard for women to find men that are sensitive, caring, and good-looking? — Because those men already have boyfriends.*

В данном случае юмор, дискриминирующий один из полов, изображает представителей данного пола негативным образом и представляет его как худший по сравнению с другим.

Стереотип жены также часто встречается в английских и русских анекдотах, содержание многих из которых говорит о том, что супружеская жизнь для мужчины подобна тюремному заключению. Решив связать свою жизнь с женщиной, мужчина обрекает себя влачить жалкое существование. Причина подобной жизни — раздражающее поведение стереотипической жены, которая, согласно анекдотам, никогда не перестает говорить, придирается и ворчать. Это и вынуждает мужа относиться к жене, как к непосильному бременю, сравните: **On a rural road a state trooper pulled a farmer over and said:** «Sir, do you realize your wife fell out of the car several miles back?» **to which the farmer replied:** «Thank God, I thought I had gone deaf!». Или **Врач после осмотра:** «Я вижу, что вас мучает серьезный и давний недуг,

сильно отравляющий вам жизнь». — Большой шепотом: «Доктор, ради Бога тише, она же сидит в соседней комнате».

В русских анекдотах жена нередко изображается слишком шумной и болтливой, например: «Я рекомендую вашему мужу покой и тишину», — **говорит врач молодой даме,** — «вот рецепт на лекарство». — «И когда он должен принимать снотворное?» — «О, нет! Эти таблетки — для вас».

В последнее время в Англии получили широкое распространение анекдоты, в которых так или иначе обыгрывается представление о том, что первостепенная обязанность женщины — выполнять работу по дому, например: **Why did the woman cross the road? — It doesn't matter. Why was she out of the kitchen in the first place?** Данный анекдот относится к вариациям известного цикла «Why did...»: *What do you do when the dishwasher is broken? — Slap her and tell her to get to work.* Или, *Why can't women ski? — Because there's no snow between the bedroom and the kitchen.*

Если жена в анекдотах описывается как раздражающее бремя, то ее мать — теща — предстает самым злым врагом мужа, который заслуживает смерти, сравните: **A man was traveling down the country road when he saw a large group of people outside a house. He stopped and asked a person why the large crowd was there. A farmer replied:** «Joe's mule kicked his mother-in-law and she died». «Well», **replied the man,** «she must have had a lot of friends». «Nope», **said the farmer,** «we all just want to buy his mule».

Подобные примеры находим и в русскоязычных анекдотах: **Просыпается мужик с похмелья и ворчит:** «Ну, теща, ну удружила...» **Жена его спрашивает:** «Что плохого тебе сделала моя мама?» — «Это же надо было так назвать дочь, что нормальный человек с утра и не вспомнит!» **Или, Приходит мужчина к парикмахеру.** — «Бриться, стричься». — «Теща есть?» — «Да!!!!!!» **Через некоторое время:** «Теща есть?» — «ДА!!!» **И так до конца стрижки через каждые несколько минут. Расплачиваясь, клиент спрашивает:** «А почему Вы все время спрашивали про тещу?» — «Дорогой, при упоминании о теще у мужчин волосы дыбом встают и легче стричь!!!»

Анализ фактического материала показывает, что как в английских, так и в русских анекдотах существует пресуппозиция о том, что ненавидеть тещу — вполне естественно для мужчины.

Классификация анекдотов как враждебных или добродушных очень субъективна: для одного человека какой-либо анекдот может показаться безобидным, в то время как для другого — унижительным (Davies, 1982: 91). На наш взгляд, восприятие и оценка анекдота в значительной степени зависит от культуры человека, его национальной принадлежности, возраста. Одни и те же анекдоты вызывают различную реакцию у представителей разных социумов, а нередко и у представителей одного общества, возраст, пол или социальное положение которых различны.

Как и в других случаях объектом юмора выступает отклонение от норм поведения: чрезмерная и недостаточная сексуальная активность, различные аномалии, замещение высоких чувств корыстными т. д. Необходимо оговориться, что эти концепты относятся к традиционно табуированной области, и поэтому они часто связаны с другими концептами (ум — глупость, красота — уродство, смелость — трусость и др.) (Карасик, 2004: 122). Сравните: **A funny thing about drinking is that you turn into the world's greatest lover and make sexual promises that you can't keep. It's like this:** «*When we come home, do you know what I'm going to do? I'm going to — I'm going to — I'm going to — fall asleep, that's what I'm going to do*».

Юмористически характеризуется перевод обстоятельств интимных отношений в подтекст, например: **Сидят в купе четыре женщины. Оказалось, что все возвращаются с курорта. Одна говорит:** «*Приеду и все-все мужу расскажу!*» «*Ну и дура!*» — **подумала вторая.** «*Ну и смелая!*» — **подумала третья.** «*Ну и память!*» — **подумала четвертая.** В современном русском языковом сознании курорт ассоциируется со свободным поведением и нарушением супружеской верности. В приведенном анекдоте показан спектр оценок этого поведения: оно осуждается, оправдывается и характеризуется в количественном отношении. Именно последняя характеристика и вызывает улыбку: измен было так много, что их невозможно запомнить.

Для анекдотов характерно использование жанра колкости как антипода комплименту, к примеру: «*Дорогой, что ты во мне больше любишь, мое прекрасное тело или красивое лицо?*» — «*Твое чувство юмора!*»

Пресуппозиция интимных отношений строится на высокой оценке внешнего вида партнера, сравните: **A rather confident man walks into a bar and takes a seat next to a very attractive woman. He gives her a quick glance, then casually looks at his watch for a moment. The woman notices this and asks, «Is your date running late?» «No», he replies, «I just bought this state-of-the-art watch and I was just testing it». The intrigued woman says, «A state-of-the-art watch? What's so special about it? It uses alpha waves to telepathically talk to me», he explains. «What's it telling you now?» «Well, it says we're passionately in love...» The woman giggles and replies, «Well it must be broken then because we're just sitting here and chatting!» The man explains, «Damn thing must be an hour fast».** В данном анекдоте юмористический эффект состоит в неожиданной развязке, при этом обычный флирт подается как неподконтрольное человеку событие, за которое отвечают волшебные часы. Получается, что чувства людей — это программируемый механизм, а поскольку это не так, то происходит конфликт двух сценариев — обычного и несерьезно-игрового, при этом игровое осмысление ситуации становится релевантным.

При моделировании гендерной концептосферы, отражаемой современным русским анекдотом, обнаруживается количественная и ка-

чественная асимметрия идентифицирующих признаков гендерно маркированных единиц: мужчина является для русской смеховой культуры прототипическим социальным деятелем, тогда как женщина «нередко выступает как дополнительный по отношению к мужчине объект, не нуждающийся в дополнительной идентификации» (Слышкин, 2002: 72). Как правило, деспотичное поведение мужчины не вызывает удивления у представителей русской культуры. Однако расправа при полном отсутствии причины анекдотически преломляется в русских анекдотах, странных для англичан: **Жена:** *За что ж ты меня ударил, я же ничего не сделала!* — **Муж:** *Было бы за что, вообще бы убил.*

Пресуппозиция о праве мужа ударить жену кажется англичанам странной, хотя в большом количестве анекдотов о теще подобная пресуппозиция не вызывает вопросов. Необходимо отметить, что в определенных кругах (среди подростков, заключенных, людей с низким социальным статусом, в армии) подобные анекдоты достаточно популярны, например: *What do you tell a woman with two black eyes? — Nothing, you done told her twice.*

Англичанам непонятно немотивированное действие: сталкиваясь с миром, в котором в принципе нет причинно-следственных отношений, и который именно поэтому воспринимается русскими как веселый, англичане испытывают своеобразный когнитивный дискомфорт. Отсюда вытекает вывод об упорядоченности мира как ценности в англоязычном сознании.

Женщина в русских анекдотах, согласно характеристикам, укоренившимся в массовом сознании, нередко бывает сварливой, мужеподобной. В подобных анекдотах ей противопоставлен мужчина с женской структурой ценностей, например ворчливой теще или жене нередко противопоставлен слабый, изворотливый муж или зять: **Утром муж спрашивает жену:** «*Послушай, а что ты подумала, когда я вернулся ночью с синяком под глазом?*» — «*Ничего не подумала. Когда ты вернулся, синяка еще не было.*»

Итак, можно выделить следующие гендерные стереотипы, находящие отражение в анекдотах — гендерные стереотипы в анекдотах о женщинах: «женщины стремятся выйти замуж»; «жена недовольна мужем»; «жена изменяет мужу»; «на женщину тратится много денег»; «женщина должна заниматься домашним хозяйством»; «женщины мечтают о сексе»; гендерные стереотипы в анекдотах о мужчинах: «мужчины не хотят жениться»; «мужчины не выполняют домашнюю работу»; «семейная жизнь чревата конфликтами с тещей»; «мужчины находчивы»; «мужчины подчиняются женщине»; «женщины обязаны быть стройными»; гендерные стереотипы в анекдотах о мужчинах и женщинах: «жена изменяет мужу»; «женщины стремятся выйти замуж»; «мужчины находчивы», «женщины глупы», «мужчины глупы».

Таким образом, гендер в юмористических произведениях является локально-структурированным социальным феноменом и может

проявляться как открыто, так и скрыто. Гендерные стереотипы, заключенные в сознании современного общества, находят свое отражение как в английских, так и в русских анекдотах. Причем данные стереотипы настолько прочно закрепились в сознании, что несмотря на ту или иную группу анекдотов, оказываются либо одинаковыми (стереотип о глупости как мужчин, так и женщин), либо в стереотип попадает наиболее маркированный пол (в данном случае — женский), которому затем приписываются всевозможные качества, которые абсолютно преувеличены («Женщины не умеют водить автомобиль») или отражают устаревшую точку зрения («Женщина должна заниматься домашним хозяйством»). Гендер является лишь одной из ряда социальных категорий, которые играют роль в создании анекдота, и должен рассматриваться в связи с остальными параметрами, которые также имеют важное значение в формировании юмористических произведений, такими как возраст, ситуация, статус, социальная группа, уровень образования, окружение и ситуативный контекст.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. **Карасик В. И.** Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Саратов : Колледж, 2004. 287 с.
2. **Слышкин Г. Г.** Гендерная концептосфера современного русского анекдота // Гендер как интрига познания. Гендерные исследования в лингвистике, литературоведении и теории коммуникации: Альманах. Пилотный выпуск. М., 2002. С. 72–96
3. **Davies, Christie.** Jokes and Their Relation to the Society. Humor Research 4. Berlin & New York: Mouton de Gruyter, 1998. 163 p.
4. **Elshaint, Jean B.** Public Men, Private Women: Women in Social and Political Thought. Princeton, N. J. : Princeton University Press, 1981. 216 p.

СОЦИАЛЬНЫЙ ФОН КОНЦЕПТА «ЧЕЛОВЕК» И ЕГО ОТРАЖЕНИЕ В ЭПИДИГМАТИКЕ АНГЛИЙСКИХ ЗООНИМОВ И ФИТОНИМОВ

Л. М. Кечайкина

В настоящее время исключительной популярностью пользуются так называемые концептуальные исследования, выполняемые в области когнитивной лингвистики и лингвокультурологии, которые одинаково активно употребляют понятие и рабочий термин «концепт». Ценность концептуальных исследований определяется особым подходом к интерпретации окружающего мира и к отображению его своеобразия в языковых формах. Говоря о значимости концептуальных исследований, следует иметь в виду, что чистота термина «концепт» чаще всего не соблюдается, и такие исследования оперируют им как некой величиной, соединяющей и когнитивные, и лингвокультурные

параметры. Однако следует признать, что в любом случае концепт, как правило, получает лингвокультурологическое наполнение и отражает совокупность идей и понятий в развитии и понимании определенным языковым сообществом какого-либо отдельного проявления человеческой личности и социума.

Современная лингвистика, провозгласив принцип антропоцентризма, поставила человека в центр различных языковых проявлений. В этой связи становится возможным на базе разработок прошлых лет осуществлять новые исследования, помогающие выявить концепт «человек» в различных языковых формах, явившихся результатом интерпретации человеком окружающего мира. В этом плане эпидигматический уровень, который был подробно исследован в пору особо пристального внимания к семантической структуре слова, на базе флористической и анималистической лексики, может послужить хорошим основанием для концептуального обобщения разнообразных характеристик человека. Этот уровень, с одной стороны, хранит различные оценки человеческих качеств, относящиеся к ранним стадиям формирования лексического фонда языка, а с другой — продолжает развивать соответствующие номинации и в наше время, оставаясь для них специфической концептуальной средой и сообщая им актуальное культурное наполнение.

В многочисленных исследованиях отмечается, что концепт имеет сложную структуру. С одной стороны, к нему относится все, что принадлежит структуре понятия; с другой стороны, в структуру концепта входит то, что делает его фактом культуры — исходная форма (этимология), символика, особенности восприятия, оценки и т. п. Н. Н. Болдырев выделяет в структуре концепта общенациональный компонент, а также групповые (принадлежащие определенно социальной, возрастной, профессиональной, половой и другим группам), региональные, или локализованные (отражающие специфику того или иного региона), и индивидуальные компоненты. Индивидуальными компонентами называют те характеристики, которые вкладывает в данный концепт каждый конкретный человек [1].

В структуре концепта «человек», выделенного на базе английских фитонимов и зоонимов, отчетливо просматривается его социально-детерминированный компонент. С. Г. Ватлецов, изучая систематику зооморфной лексики и ее англо-русскую эквивалентность, обратил внимание на функционирование зоонимов в современной производственно-профессиональной сфере [2], что, несомненно, свидетельствует о приложении зоонимической лексики к характеристике индивида в социально-культурной обстановке нашего времени.

В настоящей статье внимание сосредоточивается именно на такого рода фактах, свидетельствующих об актуальности процесса номинации отдельных свойств и качеств человека посредством обращения к зоонимам и фитонимам. В первую очередь здесь следует отметить разговорное употребление данной лексики в приложении к человеку.

Говоря о разговорной речи, ученые в целом определяют ее как непринужденную, спонтанную, преимущественно ситуативно обусловленную. В этом смысле интересно отметить такие значения, как **bluebottle** «василек (синий)»: *полицейский, «синий мундир»*; **brock** «барсук»: *подлец, грязный тип; ворюга*; **colt** «жеребенок; осленок; верблюжонок; детеныш зебры»: *новичок*; **crawler** «пресмыкающееся животное»: *низкопоклонник*; **insect** «насекомое»: «букашка», *ничтожество (о человеке)*; **cock** «петух, самец птицы, глухарь, тетерев и т. д.»: 1) *первый драгун*; 2) *лидер, вожак, важная персона, хозяин положения, «шишка»*. Заметим, что мотивация в соотношении социального положения человека с образом той или иной зоо/фитолексики просматривается вполне отчетливо.

Сленгизмы нашего времени, развившиеся на базе анималистической и флористической лексики, содержат множественные характеристики человека. Как известно, сленг — это лексический слой, включающий специфически разговорные слова и выражения, подчас грубоватого или шуточного оттенка, обычно не принятые в книжно-литературной речи. Здесь можно привести такие примеры, как **canary** «канарейка, канареечный выюрок»: 1) *осведомитель, доносчик*; 2) *певуца*; **kipper** «лосось-самец во время нереста»: *парень, человек*; **crocus** «бот. крокус, шафран»: *врач-шарлатан*; **land crab** «сухопутный краб»: *военный полицейский*; **snowbird** «дрозд-рябинник (птица); юнко зимний (птица)»: *кокаирист*; **rat** «крыса»: *непорядочный человек, «крыса»*; **baboon** «1) павиан, 2) бабуин (обезьяна)»: *сопьяк, ничтожество*. В зеркале вышеприведенных примеров отражается в основном род занятий человека, причем с явно отрицательной коннотацией.

В плане дифференциации значений зоонимов и фитонимов по территориальному признаку следует выделить следующие сленгизмы американского варианта английского языка, демонстрирующие в основном профессиональные качества человека: **snowdrop** «подснежник»: *военный полицейский*; **waterlily** «водяная лилия, кувшинка»: *пожарный*; **vanilla** «ваниль»: *красотка*; **watchdog** «сторожевой пес»: *цензор*; **squirrel** «белка обыкновенная»: *психиатр*.

Зоонимы, в отличие от фитонимов, составляют гораздо более объемный фонд жаргонизмов, которые характеризуются узкопрофессиональной направленностью, особой искусственностью, условностью, строгой засекреченностью. Таким образом, выделяется уголовный жаргон, включающий в себя следующие лексемы: **dingo** «дикая собака динго»: *бродяга*; **creeper** «пресмыкающееся животное, рептилия»: *мелкий жулик, ворюшка (гнус)*; **eel** «угорь»: *умный заключенный (жид)*; **horse** «лошадь, конь»: *надзиратель, берущий деньги у заключенных за тайный пронос писем и различных запрещенных предметов*.

Жаргон студентов также опирается на зоонимы: **roach** «таракан»: *дурнушка*; **quail** «обыкновенный перепел»: *студентка*; **weasel** «куница»: «зубрилка», *честный, трудолюбивый студент*; **squid** «кальмар»: *честный студент*.

Следует особо отметить тот факт, что значения зоонимов могут одновременно совмещать в себе разговорную лексику, сленг и жаргон. Например, зооним **hog** «1) боров, свинья; 2) годовалый бычок; 3) молодая овца, молодой барашек (до первой стрижки)» имеет такие антропоцентрические приложения: *разг.* — *грубый, грязный человек, «свинья»*; *сленг* — *полицейский офицер*; *жаргон наркоманов* — *наркоман, употребляющий большие дозы*.

По данным разных источников отмечается несовпадение в стилистических пометах значений, входящих в зону концепта «человек» в группе лексики флоры/фауны. Так, в словаре В. К. Мюллера зооним **shark** „акула“, содержащий в себе значение «блестящий знаток, «акула», мастер своего дела», имеет помету в качестве сленга. Но в словаре Ю. Д. Апресяна данное значение стоит с пометой жаргонной лексики. Расхождения по словарям, по всей видимости, являются следствием того, что авторы словарей сочли достаточным уровень отражения соответствия значения у той или иной лексемы, включив его как отдельный ЛСВ и не сопроводив той или иной стилистической пометой.

Изложенные примеры позволяют сделать вывод об активизации в современных условиях данных групп лексики для обозначения качеств человека, формирующих целостный концепт «человек» в современном английском языке.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Англо-русский словарь / под ред. В. К. Мюллера. Современная редакция. — М. : ЮНВЕС. — 2004 — 768.
2. **Болдырев Н. Н.** Когнитивная семантика: курс лекций по английской филологии / Н. Н. Болдырев. — Тамбов. : Изд-во Тамб. ун-та, 2000. — 123 с.
3. **Ватлецов С. Г.** Систематика зооморфной лексики и ее англо-русская эквивалентность : дис. ... д-ра канд. филол. наук (10.02.04). — Н. Новгород, 2001. — 279 с.
4. Новый большой англо-русский словарь : в 3 т. / под ред. Ю. Д. Апресяна. — М. : Русский язык, 2005. — 2111 с.

СЕМАНТИКО-ГРАММАТИЧЕСКАЯ НОМИНАЦИЯ СОБЫТИЙНЫХ КОНЦЕПТОВ

Н. Д. Кручинкина

Изучение и описание концептов и процессов концептуализации в настоящее время является актуальным в когнитивной лингвистике. Однако недостатком концептуального направления когнитивной лингвистики на данном этапе, на наш взгляд, является игнорирование сложных по функциональной структуре концептов, которые формируются в сознании коммуникантов при восприятии событий самой реальной действительности или в ее означенном языком виде — через призму языковых знаков, отражающих такие события, — событийных знаков. Изучаются лишь концепты, которые оформляются в языке единицами лексемного характера (отдельными полными словами) [Кубрякова, Демьянков, Панкрац, 1996: 90—93; Brousseau, Roberge, 2000: 163—164; Geeraerts, Grondelaers, Dirven, Verspoor, 2002: 58—68; Goddard, Wierzbicka, Dirven, 2002: 161—170]. Работ, посвященных другому типу концептов — событийным концептам, нами пока не обнаружено.

Концептуализация целых и целостных событий пока еще не рассматривается в когнитивной лингвистике, подобно тому, как в свое время предложение и связанные с ним процессы означивания событий не рассматривались в семантике. Синтаксическая семантика появилась много позднее, да и то предложение как номинант анализируется лишь в отечественной семантике [Гак, 1973: 349—372; Гак, 1977: 230—293].

Событийные концепты формируются при восприятии реципиентами не отдельных явлений, признаков, действий, а целых и целостных событий. Конечно, сам факт восприятия и концептуализации воспринимаемых сознанием событий (ситуаций) не игнорировался лингвистами. В логической семантике для обозначения концептуального конструкта был принят термин пропозиция. По мнению Богданова В. В., пропозиция фактически определяется как концептуализация ситуаций, репрезентирующая концептуальные отношения [Богданов, 1985: 7]. Этим термином принято называть смысловой образ ситуации: запечатленный в предложении «образ называемой им ситуации» [Богданов, 1987: 18], понятие о воспринятой ситуации (воспринятом событии) [Богданов, 1996: 187], семантическое представление об отражаемой ситуации [Богданов, 1996: 169].

Другими лингвистами такая воспринятая реципиентом ситуация, которая откладывается в его сознании на доязыковом этапе в виде некоего концептуального конструкта, обозначается как глубинная структура [Хомский, 2004: 108—109], предикатное отношение [Ломтев, 1976: 187], атомарная пропозиция [Богданов, 1996: 164], сигнификат [Гак, 1998: 329].

С. Д. Кацнельсон использовал понятие пропозиции в теории речепорождения. Он придерживался типичного для представителей генеративной семантики понимания процесса порождения речи, при котором исходной структурой порождающего процесса и одним из базисных понятий всей концепции является пропозиция. Последняя понимается им в качестве некоего мыслительного содержания, выражающего определенное «положение дел», событие, состояние, как отношение между логически равноправными объектами [Кацнельсон, 1986: 135]. Тем не менее в логической семантике доминирует понимание пропозиции как концептуального образа воспринятой реципиентом ситуации.

С. Д. Кацнельсоном была определена структура актуализации пропозиции. В составе пропозиции им выделяются члены-носители отношения и связывающий их реляционный предикат. При этом каждый из членов пропозиции сам по себе не является ни подлежащим, ни прямым дополнением. В составе возникших на базе пропозиции предложений может выступать в любой из таких синтаксических функций пропозиция, выступая в роли операционных схем в начальной фазе речепорождающего процесса. Хотя пропозиции и ориентированы на определенное смысловое содержание, но сами по себе, без заполнения открываемых ими «мест» определенными значениями, недостаточно содержательны для того, чтобы служить основой для дальнейшего преобразования их в предложения. Эти структуры нуждаются в особых единицах, восполняющих пропозициональные функции. Такими единицами, по мнению С. Д. Кацнельсона, являются понятия [Кацнельсон, 1986: 144—145]. Как видно из этих рассуждений ученого, допускается не только существование некоего ментального субстрата, имеющего неязыковой характер и служащего основой речепорождающего процесса, но и отмечается его сложная структурированность.

Понятие концепта тесно связано с постулатом связи языка и мышления и с выделением отражательной функции языкового мышления. Как отмечает М. А. Кронгауз, в лингвистике проблема связи языка и мышления играет роль «методологической рамки» [Кронгауз, 2001: 104], которая получает разное решение у разных исследователей и в разных лингвистических направлениях. Для работ в области когнитивной лингвистики понятие концепта является базовым. Связывая понятие концепта с особенностями отражения сознанием объективной действительности, когнитология должна ответить на вопросы, связанные с прагматическим аспектом восприятия объективной картины мира. Этот аспект восприятия и отражения связан с проблемами общественного сознания, определяемого, в свою очередь, культурой, цивилизацией с их этнической спецификой.

Обычно исходная и промежуточная стадии формирования функционально-семантической структуры пропозитивных знаков, связанные с восприятием и отражением сознанием воспринятой действительности, условно выводились за границы собственно языковых исследований. Это связано с тем, что долгое время в лингвистике об

отражательной функции языка говорилось в деперсонифицированной форме, когда из отражательного процесса исключали самого человека. В итоге невольно создавалось мистическое представление об одухотворенном языке, который каким-то непонятным образом воспринимал и адекватно отражал реальную действительность. На самом деле это объяснялось ориентированностью теории языка на так называемую внутреннюю лингвистику. С развитием идей прагматической лингвистики стало возможным включать фактор самого носителя языка как коммуниканта в динамический процесс языковой и речевой деятельности (фр. *langage*). Не случайно поэтому и лингводидактика стала больше уделять внимание поиску методик, обеспечивающих обучение языковому и речевому мышлению, отражению в сознании и речи коммуникантов универсальных концептов и этноконцептов.

В настоящее время с развитием идей когнитивной лингвистики и психолингвистики при исследовании знакообразования лингвисты вполне правомерно не ограничиваются внутрilingвистическими отношениями означающего и означаемого знака, а рассматривают соотношение между содержанием экстралингвистического субстрата языкового знака, отражением этого субстрата в сознании реципиента-номинатора и самим языковым знаком.

Воспринимающий события объективной действительности реципиент-номинатор формирует функционально структурированный концепт этих событий. Концептуальный фрейм того или иного события проецируется на его знаковую репрезентацию.

В том случае, когда за исходную точку описания процесса номинации принимается концепт события, который затем функционально и синтагматически мотивированно проецируется на знаковое представление, речь идет о подходе, который В. В. Богданов называет концептоцентрическим [Богданов, 1996: 167 – 168]. При концептоцентрическом подходе к описанию и исследованию номинации и к моделированию динамики этого процесса за начальную точку отсчета принимается не экстралингвистическая действительность, а когнитивная активность воспринимающего лица. Вопрос об отражаемом сознанием экстралингвистическом субстрате и о связи этого субстрата с его воссозданием в виде концепта со всеми вытекающими из этой связи проблемами и явлениями при этом не ставится. При следовании этой стратегии изучается лишь «концептуальная структура, лежащая в основе предложения», которая «извлекается не из экстралингвистических фактов, а непосредственно из данных языка» [Богданов, 1996: 167]. Если говорить обо всех этапах процесса номинации, включая и когнитивный, то концептообразующий этап предвывает этап формирования языковых знаков.

Как известно, в последние десятилетия в отечественной лингвистике большое внимание уделяется именно когнитивному аспекту, т. е.

тому этапу языковой деятельности, который обычно в предшествующий период хоть и упоминался, но выносился за скобки или рассматривался

более внимательно лишь в исследованиях психолингвистической направленности. Этот этап связан с деятельностью мышления. В этом случае фактически выявление семантики предложения ограничивается внутрilingвистическими отношениями между означаемым и означающим пропозитивных образований.

Признавая всю важность многочисленных факторов, влияющих на вариативность субъективированного восприятия и отражения одной и той же действительности, мы не будем касаться в нашем данном исследовании таких глобальных проблем. Нами принимаются за постулат определенные универсальные закономерности и принципы отражательной деятельности языковой личности, которые проявляются в инварианте, абстрагированном от этнических, индивидуальных особенностей, эмоционального состояния реципиента-номинатора, степени его языковой и речевой компетенции и других прагматических факторов [Кручинкина, 1998: 16 – 40].

Иерархическое направление отношений при отражении событий (ситуаций) в эмическом (категориальном) представлении означает восприятие категоризованного сознанием фрагмента экстралингвистической действительности → его отражение в сознании говорящего в той или иной субъективной (понятийной, концептивной) форме → поиск языковых (знаковых) средств пропозитивного выражения событийного концепта. В этом случае постулируется соответствие концептуального образа воспринятого события с его знаковым функционально-семантическим структурированием.

Можно сказать, что по своей стратегии концептоцентрический подход по предвварающей роли в последующем знакообразовании является в такой ипостаси разновидностью ономаσιологического или, в терминологии В. В. Богданова, онтологоцентрического подхода (Богданов, 1996: 163 – 167), так как оба связаны с кодирующей деятельностью номинатора, т. е. говорящего.

Синтаксическая семантика уже давно определила свою базовую единицу, которая отображает целую ситуацию. Такой единицей является простое двусоставное предложение. В теории номинации предложение представлено как означающее целостного знака, означаемым которого является отраженное событие реальной действительности. Это отражение внеязыкового события происходит в сознании реципиента — языковой личности. При концептоцентрической интерпретации процесса номинации логично было бы говорить, что означаемое пропозитивных знаков структурируется мотивированно — в зависимости от функциональной прототипической структуры событийного концепта, а не в зависимости от самого отражаемого сознанием реципиента-номинатора типового события.

Однако, для того чтобы более объективно говорить об особенностях концептуализации событий, необходимо все же остановиться на интерпретации понятия события (ситуации) лингвистами. В. Г. Гаком ситуация определена как «отрезок, часть отражаемой в языке действи-

тельности, т. е. движущейся материи» [Гак, 1973: 359]. Она включает в себя, согласно его интерпретации, материальные объекты (субстанции) и средства их координации — пространство и время. В более частном определении В. Г. Гак характеризует ситуацию в комбинаторном варианте — как «описываемые предметы и связи между ними» [Гак, 1998: 215]. И. П. Сусов и В. В. Богданов определяют ситуацию с этой же точки зрения как «ансамбль взаимосвязанных элементов» [Сусов, 1973: 15—16] или как «ансамбль взаимосвязанных онтологических компонентов» [Богданов, 1987: 17] — субстанций и признаков, в качестве которых выступают предметы и признаки. Термин *ситуация* используется в работах лингвистов как синоним термина *событие*. Мы определяем ситуацию, или событие **как отношение или соотношение между функциональными «участниками» того или иного процесса.**

Онтологически ситуации (события) более или менее расчленены по количеству участвующих субстанций, субстанций и обстоятельств и по их ролям в конкретном событии. Некоторые события самодостаточны и инициируются как таковые лишь агентом действия (*L'enfant dort. Le bébé pleure. La neige tombe*). В других агент действия полноценно реализует себя лишь при воздействии на какой-то объект (*La fillette renverse le vase. La maladie a provoqué sa mort*). В этом случае событие характеризуется каузативностью процесса. В иных случаях этой одномерной каузативности не хватает для осуществления процесса, и агент действия проявляет больший потенциал активности, когда не просто воздействует на сам объект с разной целью, но и передает его другому лицу (*La femme achète un gâteau à sa petite-fille. Le public adresse son admiration à l'acteur*) или перемещает его в некое пространство (*La femme range la vaisselle dans le buffet. Le père met les papiers sur le bureau*). События последних двух типов наиболее структурированы, так как в них задействовано большее количество партиципантов или партиципантов и обстоятельств — для реализации активности (потенциала) агента действия. Важно заметить, что структурированный характер событий не мешает им быть целостными и восприниматься таковыми. Событийные концепты формируются как целостные представления о типе события на базе его экспликатора и релятора участвующих субстанций — процесса: действия, взаимодействия, состояния.

В. В. Богдановым выделяются ситуации «простейшего типа» и сложные ситуации. Ситуация простейшего типа называется им «элементарной» ситуацией, «элементарным событием», или «атомарным фактом» [Богданов, 1996: 164]. В определенной мере такие ситуации (события) могут быть соотнесены с понятием ядерного предложения в теории Н. Хомского. Они включают только необходимые для представления того или иного функционального типа события партиципанты или партиципанты и обстоятельства.

В целом введение понятия элементарной ситуации может, на наш взгляд, быть продуктивным в том случае, если речь о ней вести в применении к ее означиванию в отдельной пропозитивной категории.

Иначе это понятие оказывается лишь терминологической конкретизацией понятия ситуации и ничем фактически не отличается от ранее используемого в лингвистике термина «ядерная структура» (или ядерное предложение) Н. Хомского.

Элементарные ситуации с тем или иным функциональным категориальным отношением относятся к плану парадигматики, где они репрезентируют типовые ситуации (в другой терминологии — типовые события). Каждая элементарная ситуация в рамках того или иного категориального отношения характеризуется как количеством участников, так и характером их субстанциального содержания. Иначе говоря, каждая элементарная типовая ситуация, отражающая специфические категориальные типы отношений, в которые вступают участники отражаемых пропозитивными номинантами событий, представляет то или иное количество участников ситуаций (событий), участников и обстоятельств, их взаимозависимых ролей, которые, в свою очередь, детерминируются и их субстанциальными характеристиками (материальной или идеальной природы).

Концепт событий при непосредственном их восприятии формируется у реципиента-номинатора на доречевой стадии и является содержательной основой предстоящей номинации этого события в речи адресанта коммуникации. Считается, что при идеальном (нейтрализованном от эмоций и других субъективных факторов) восприятии событий их концепт является симметричным самому событию. Событийная концептуализация тесно связана с характером воспринимаемых событий: их структурированностью, ролевым распределением в реализации событий участвующих субстанций, с их материальным или идеальным содержанием. В этом случае можно говорить о прототипическом концепте события. Тогда адресат означенной адресантом информации о событиях, исходя из языковой компетенции и фоновых знаний о событийном мире, должен адекватно, т. е. столь же симметрично воссоздать концепты отраженных номинатором событий. Отсутствие соответствия между экстралингвистическим событийным субстратом и событийным концептом означало бы, что интерпретант получаемой от адресанта информации постоянно оказывался бы в положении героя в «королевстве кривых зеркал», когда получаемая им от адресанта информация постоянно оказывалась бы неадекватной, а значит, и не способствовала бы познанию им мира. В итоге коммуникативный процесс, важнейшей функцией которого является когнитивная функция, не оказывался бы таковым, а следовательно, терял бы всякий смысл. Поэтому при избрании концептоцентрической стратегии в исследовании и описании процесса концептуализации событий участниками коммуникативного акта фактически по умолчанию принимается за постулат тот факт, что исследователь считает концептуализацию событий в сознании реципиента-номинатора, т. е. говорящего, эквивалентной самим воспринятым событиям. Только

при таком постулировании концептоцентрический подход имеет право на существование.

Говоря о самом процессе концептуализации событий и последующем означивании образующихся в сознании событийных концептов, можно классифицировать событийные номинанты (знаки) не только по степени их простоты / сложности, но также и по уровням восприятия и последующей концептуализации по конкретности / абстрактности. Градация ситуаций (событий) по этому признаку представлена у В. В. Богданова в виде конкретных эмпирических ситуаций и абстрактных ситуаций (Богданов, 1996: 164). Конкретные эмпирические ситуации — это непосредственно воспринимаемые события. На доязыковом уровне, в его интерпретации, они обобщаются сознанием и сводятся в классы, или в абстрактные ситуации. Таким образом образуются абстрактные (типовые) ситуации, которые и объективируются в процессе пропозитивной номинации. Если конкретной эмпирической ситуации в качестве языкового знака соответствует высказывание, то абстрактной ситуации соответствует предложение. По мнению В. В. Богданова, абстрактная ситуация «в принципе структурируется так же, как и конкретная» [Богданов, 1996: 164]. На наш взгляд, он имеет при этом в виду функциональные составляющие ситуации.

Понятие абстрактной ситуации в интерпретации В. В. Богданова, по нашему мнению, совпадает с понятием типовой ситуации в работах В. Г. Гака. По мнению В. Г. Гака, выделению типовой ситуации способствует различение языкового и речевого планов при проецировании событий экстралингвистической действительности. Так, речевым эквивалентом пропозитивного знака он называет высказывание, субстратом (обозначаемым) которого является «соответствующая ему ситуация сообщения, речевая ситуация во всей совокупности ее аспектов, основное ядро которой — ее денотативная сторона (описываемые предметы и связи между ними)» [Гак, 1998: 215].

Принцип аналогии, который способствует мотивированному воспроизведению структурированных концептов в знаковой форме, позволяет системно именовать событийные концепты. Выше мы уже обозначили семантические и логические основания такой системной номинации событийных концептов: количества партиципантов, участвующих в событии, их ролевая дистрибуция, качественные характеристики задействованных в событии субстанций.

Номинация событийных концептов не может быть основанной лишь на семантической основе, так как она тогда окажется нерелевантной. Поэтому реципиент-номинатор выбирает объективные, грамматические (структурно-синтаксические, функционально-синтаксические, лексико-морфологические и морфологические) средства пропозитивной номинации событийных концептов.

Доведение концептуализации событий до этапа объективации является естественным стремлением фиксации познания событийного

мира в существующих адекватных формах означивания с целью трансляции результатов такого познания коммуникантам. Системная номинация событийных концептов означает создание иерархической парадигмы соответствий событий, событийных концептов и их пропозитивных означающих. Такая объективация помогает создать системную научную языковую картину событийного мира с конечным списком событийных отношений, которые национальное языковое сознание в ходе формирования языка объединило в определенные событийные категории с более или менее развитыми парадигмами инвариантов и вариантов выражения прототипических событийных отношений.

При номинации событийных концептов на семантико-грамматической основе в форме пропозитивных знаков используются только такие семантические основания, которые находят в инвариантном представлении отражение в синтаксисе предложения, а также в семантико-морфологических характеристиках компонентов. Обязательным условием, как в случае всякой системной номинации, должно быть наличие специфической парадигмы форм, представляющей варианты выражения категориального (инвариантного значения). Вариантные формы выражения событийных концептов связаны с разными речевыми и внеязыковыми субъективными и объективными факторами, позволяющими изменить нейтральную, немаркированную форму номинации событийных концептов. При этом прототипическое значение типового события должно в своей ядерной функциональной семе (релятеме) находить реализацию во всех членах парадигмы с этим парадигматическим отношением.

Языковая и речевая компетенция реципиента-номинатора предполагает знание того факта, что грамматическая (морфологическая и синтаксическая) и лексико-семантическая подсистемы систем разных языков могут иметь свои особенности мотивированного концептуализированного структурирования событий объективной действительности и свои системы парадигм выражения категориальных событийных концептов.

По крайней мере такова точка зрения на концептуализацию объективной действительности в языковой картине мира представителей так называемой антропологической лингвистики. В их интерпретации логический строй мышления и само познание, а значит, и концептуализация познанного, определяются системой конкретного языка. Этот взгляд на концептуализацию фактически восходит к идеям В. фон Гумбольдта. Правда, следует заметить, что В. Гумбольдт не говорил при этом специально о событийных концептах. Но в том-то и дело, что мир является нам не в отдельных субстанциях, а в событиях, т. е. в действующих и взаимодействующих субстанциях. И то или иное видение концептуализатором-номинатором мира в первую очередь связано с его событийной составляющей, а не с отдельными, изолированными друг от друга субстанциями. Даже ребенок, который

еще не владеет способностью интегрировать в единое событие действующие или взаимодействующие субстанции, по мнению психологов, пусть и синкретично, но в раннем младенческом возрасте уже пытается через имя активной субстанции (агента действия) выразить имя события [Кручинкина 1991: 6].

В пропозитивных знаках типовых событий и событийных концептов с глагольным предикативным релятором (предикатом) на семантико-синтаксической функциональной основе нами выделена парадигма из семи пропозитивных категорий: 1) свойства (*Cet homme fume = Il est fumeur*); 2) состояния (*Le bébé dort = est en état de dormir*); 3) акциональности (*La mère travaille (= tous les jours)*); 4) локативности (*Le train arrive à la gare*); 4) каузации (*Le fils chagrine sa mère*); 6) локации (*Le jardinier met les plantes en pots*); 7) адресации (*Le mari achète un cadeau à sa femme*) (Кручинкина, 2004: 194–195).

При такого рода систематизации учитывается тот факт, что инварианты пропозитивных категорий представляют собой по принципу аналогии пример линейной и функциональной симметрии структур означаемого и означающего номинантов (Кручинкина, 1998: 36–37). Этот фактор является одной из точек отсчета семантико-грамматической систематизации и последующей категоризации. Такой характер систематизации симметричен структурному, линейному, функциональному характеру синтаксического означивания событийных концептов самими реципиентами-номинаторами.

Таким образом, пропозитивное функциональное и позиционное структурирование событийных концептов в инвариантном (прототипическом) выражении мотивировано степенью структурированности самого отражаемого сознанием события и, при использовании принципа аналогии, изофункциональной и изосинтаксической концептуализации этого события реципиентом-номинатором.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. **Богданов В. В.** Моделирование семантики предложения // Прикладное языкознание. — СПб. : Изд-во СПб. ун-та, 1996. — С. 161–200.
2. **Богданов В. В.** О трех аспектах организации предложения как знакового объекта // Структурная и прикладная лингвистика. — Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1987. — Вып. 3. — С. 16–25.
3. **Богданов В. В.** Содержание предложения в различных лингвистических концепциях // Принципы и методы исследования языка. — Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1985. — С. 3–8.
4. **Гак В. Г.** К типологии лингвистических номинаций // Языковая номинация: Общие вопросы. — М. : Наука, 1977. — С. 230–293.
5. **Гак В. Г.** Высказывание и ситуация // Проблемы структурной лингвистики 1972. — М. : Наука, 1973. — С. 349–372.
6. **Гак В. Г.** Языковые преобразования. — М. : Языки русской культуры, 1998. — 768 с.

7. **Кацнельсон С. Д.** Общее и типологическое языкознание. — Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1986. — 298 с.
8. **Кронгауз М. А.** Семантика. — М. : Изд-во РГУ, 2001. — 399 с.
9. **Кручинкина Н. Д.** Моделирование типовых событий на когнитивной основе // Материалы Всероссийской научной конференции «Языковая личность как предмет теоретической и прикладной лингвистики». — Тула : Изд-во ТулГУ, 2004. — С. 130–134.
10. **Кручинкина Н. Д.** Семантико-грамматический анализ простого предложения в номинативном аспекте. — Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 1991. — 68 с.
11. **Кручинкина Н. Д.** Синтагматика и парадигматика пропозитивного номинанта. — Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 1998. — 104 с.
12. **Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Панкрац Ю. Г. и др.** Краткий словарь когнитивных терминов. — М. : Изд-во МГУ, 1996. — 245 с.
13. **Ломтев Т. П.** Общее и русское языкознание. — М. : Наука, 1976. — 382 с.
14. **Сузов И. П.** Семантическая структура предложения. — Тула : Тульский ГПИ, 1973. — 133 с.
15. **Хомский Н.** Вопросы теории порождающей грамматики // Философия языка. — М. : Едиториал УРСС, 2004. — С. 99–140.
16. **Brousseau A.-M., Roberge Y.** Syntaxe et sémantique du français. — Québec, Saint-Laurent : Fides, 2000. — 352 p.
17. **Geeraerts D., Grondelaers S.; Dirven R & Verspoor M.** Ce qu'il y a dans un mot: la lexicologie // Linguistique cognitive. Comprendre comment fonctionne le langage. — Bruxelles: Ed. Duculot, 2002. — P. 45–74.
18. **Goddard C. & Wierzbicka A.; Dirven R.** Langue, culture et conceptualization: la sémantique transculturelle // Linguistique cognitive. Comprendre comment fonctionne le langage. — Bruxelles: Ed. Duculot, 2002. — P. 161–188.

ЭМОТИВНЫЙ АСПЕКТ КОНЦЕПТА KRIEG НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО ПОЭТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА XIX ВЕКА

Т. А. Корнеевко

Целью данной статьи является анализ эмотивного аспекта концепта KRIEG. Языковым материалом исследования являются поэтические тексты известных немецких авторов XIX в. в объеме около 300 страниц. Поскольку выражение отношения к действительности связано с особенностями индивидуального поэтического стиля, имеет смысл кратко охарактеризовать наиболее существенные отличительные черты каждого из авторов, чьи поэтические тексты послужили основой языкового материала. Так, Фридрих Гёльдерлин поэтизирует войну как эллинист, обращаясь к образам античности («Die Völker schwiegen, schlummerten», «Der Tod fürs Vaterland»). Детлев Лилиенкрон описывает детали, связанные с боем и военной атрибутикой, в стиле натурализма, подчеркивая этим актуальность военной тематики («Tod in Ähren», «Die Musik kommt»). Генрих Гейне обращается к теме войны, чтобы выразить свою верность демократическим убеждениям («Doktrin», «Jetzt wohin?», «Enfant perdu», «Die Grenadiere»).

Стихотворения Клеменса Брентано, написанные в фольклорной тра-

диции, подчеркивают национально-культурную значимость данной темы, роль войны в судьбе простого человека («Es leben die Soldaten»). Также о роли войны в национальном сознании свидетельствует обращение к образам войны в сочетании с традиционными природными и религиозными мотивами, с воспеванием предков в лирике Йозефа Эйхендорфа («Zorn», «Auf der Feldwacht», «Klage»). Адельберт Шамиссо в своих обличительных стихотворениях показывает войну как явление, связанное с социальными противоречиями («Der Invalid im Irrenhaus», «Der Bettler und sein Hund», «Des Gesellen Heimkehr»), исторические события эпически разворачиваются в балладах Фридриха Шиллера («Der Ring des Polykrates», «Ritter Toggenburg»). Патриотический призыв звучит в стихотворениях Теодора Кёрнера («Mein Vaterland», «Moskau», «Mißmut») и Людвиг Уданда («Der gute Kamerad», «An das Vaterland», «Die Bidassoabrücke»). Борьба за свободу является главной темой лирики Георга Гервера («Der Freiheit eine Gasse!», «Der letzte Krieg», «Das Lied vom Hasse»), Георга Веерта («Kaiser Karl»).

Согласно определению концепта, данному Н. Н. Болдыревым, его содержание включает «сведения об объектах и их свойствах, любые, не обязательно существенные, признаки объекта, все, что человек знает, думает, предполагает об объектах мира» [1; 24]. Это означает, что концепт следует рассматривать с позиций антропоцентризма, что подразумевает и учет эмоциональной сферы человека, или, по словам И. А. Красавского, эмотивно-прагматического аспекта языковой личности [2; 98]. Очевидно, что роль этого аспекта в содержании концепта KRIEG должна быть особенно значительной, поскольку война как явление, затрагивающее все стороны общественной жизни и личную судьбу каждого, связана со значительными психическими переживаниями, начиная с базисной эмоции страха и заканчивая чувствами, связанными с определенными оценками.

KRIEG является абстрактной номинацией, а все концепты абстрактных имен, согласно утверждению А. П. Бабушкина, «текучи, более индивидуальны, их структура подразумевает наличие инвариантного ядра и самого широкого фронта личностных ассоциаций» [3; 56]. В речи это проявляется в том, что концепт, по словам С. Л. Фесенко, «существует как диффузный, недостаточно четко схваченный языком «сгусток смысла», поэтому он может существовать в имплицитной форме на разных уровнях языковых категорий» [4; 65]. Это означает, что эмоциональные семы, относящиеся к концепту KRIEG, необходимо выявлять на разных уровнях, не только в контекстуальном окружении ключевого слова, его синонимов, антонимов и единиц понятийного поля, но и в составе свободных ассоциаций. С помощью анализа выявленных признаков необходимо определить значимость эмоций в структуре концепта KRIEG, установить присущие ему психические константы, обусловленный эпохой эмоциональный индекс. Подобный анализ невозможен без понимания концепта в целом как

«единицы коллективного сознания, которая хранится в национальной памяти носителей языка в вербально обозначенном виде» [3; 53], что предполагает учет таких факторов, как морально-нравственные нормы и традиции социума, исторический фон, национально-культурная специфика.

Проблема передачи эмоций средствами языка вызывает устойчивый исследовательский интерес. Ссылаясь на накопленный в данной области опыт, И. А. Красавский отмечает, что в психологии нет единого понимания и разграничения понятий «эмоция», «чувство», «аффект», «ощущение», и предлагает использовать термин «эмоция» как собирательный [5; 36]. Важно отметить, что эмоции и эмоциональность в целом являются свойством психики, а свойство языка выражать эмоциональность системой своих средств в лингвистике принято называть эмотивностью [6; 117]. Таким образом, выявление в текстах всей совокупности языковых средств, выражающих эмоциональное отношение к войне и эмоциональное переживание войны, требует обращения к лингвистической категории эмотивности. Она касается ряда понятий, которые определенным образом соотносятся между собой и требуют пояснения. В первую очередь это относится к взаимосвязи категорий оценочность-эмоциональность. Анализируя состояние этой проблемы в современной лингвистике, Т. В. Романова отмечает, что эмотивность может трактоваться как оценочность, так как эмотивность, будучи по природе антропоцентрической, соприкасается с оценочностью: эмоция задает определенный угол зрения, активизирует аксиологическую деятельность. При этом необходимо различать текст, целью которого является выражение эмоции, эмотекст в широком смысле слова (описание чувств-состояний) и текст — эмоциональную оценку (описание чувств-отношений). Однако все средства передачи эмоциональности могут быть классифицированы по характеру значимости в терминах абсолютных оценочных предикатов «хорошо/ плохо» [7; 73, 74]. Таким образом, эмотивность текста следует рассматривать в единстве с оценочностью, имея в виду их взаимобусловленность. В. Н. Телия, выделяя три типа высказываний (дескриптивные, аксиологические, экспрессивные), указывает на то, что оценочность относится к эмоциональности как часть к целому, так как высказывания с рациональной оценочностью могут усиливаться эмотивной модальностью, выражающей собственное отношение говорящего, за счет чего достигается эффект экспрессивно-окрашенного значения [8; 10]. Целью художественной литературы как любого вида искусства является «производство экспрессивных форм» [9; 73], с другой стороны, любой художественный текст выражает какое-либо отношение к действительности, поэтому в художественных текстах значимость высказываний с «двойной модальностью» (термин В. Н. Телия) особенно высока. Роль экспрессивности при передаче эмоций в немецких художественных текстах представляется тем бо-

лее значительной, что, по данным исследования И. А. Красавского, ко-

личество номинантов эмоций с оценочной семой в немецком языке весьма ограничено [10; 170]. В таком случае, выражение отношения к действительности должно отличаться либо повышенной ролью рациональной оценки, либо, что более закономерно, повышением роли экспрессивных средств.

На особый характер соотношения эмотивности и оценочности в структуре абстрактного имени указывает Л. О. Чернейко. Оценки, согласно общепринятому мнению, делятся на эмоциональные и рациональные, а в именах рациональных оценок социальных отношений отмечается наличие коннотативных эмоционально-оценочных сем [11; 112–114]. Поэтому для характеристики эмотивного аспекта концепта KRIEG важен более подробный анализ оценочной семантики. Изложенное выше позволяет сделать вывод о том, что при изучении эмоционального компонента концепта KRIEG в круг внимания попадают самые разнообразные средства: собственно эмотивные (номинация, дескрипция, экспликация, метафоризация эмоций), средства выражения оценочной модальности (эмоционально-оценочная лексика), средства выражения других модальностей, связанных с аксиологической, сводимых к знаку «+» или «-» (желание, просьба, угроза и др.). Также, как подчеркивает Т. В. Романова, скрытую эмотивную роль в тексте могут иметь и дескрипции (например, описания запахов, красок, звуков, которые ассоциируются у писателя с изображаемым) [7; 72]. В звучащей речи индикаторами эмотивности служат паузы, повторы, восклицания и т. д. [8; 74].

Концепт KRIEG имеет обязательный логический признак противоборства двух сторон, что определяет и специфические черты эмотивного аспекта. В частности, актуальным должен являться вывод Т. В. Романовой о том, что «одна и та же эмоция в зависимости от речевой ситуации может быть оценена со знаком «+» и со знаком «-» [7; 76]. Также предполагается наличие особенных признаков, связанных с древним слоем концепта KRIEG, так как переживания, связанные с войной, человек испытывал с древнейших времен. Как отмечает Е. Я. Режабек, архетипом первобытной культуры было крайне смутное представление о том, что все активно, отождествление физического с психическим было культурной установкой, поэтому психические аффекты буквально отождествлялись с физическими [12; 29]. Так, Н. В. Маракулина, исследуя закономерности генезиса семантики на примере некоторых немецких прилагательных, делает вывод о том, что первоначальные чувственные ощущения, фиксируясь сознанием, переживаются как эмоциональное отражение действительности. Таким образом, повышенный эмоциональный тонус представляет собой единство мышечного и нервного возбуждения. Автор указывает на наличие в немецкой лингвокультурной общности прочных ассоциаций между подобным возбуждением в боевых ситуациях и положительным эмоциональным переживанием. Также в целом отмечается закономерность положительных эмоций в ситуациях, связанных

с самоутверждением и общественным признанием [13; 59], к которым архаичное сознание относило и боевые ситуации.

Изначальную взаимосвязь с положительными эмоциями следует искать и во внутреннем слое концепта, который, по мнению Ю. С. Степанова, если и не осознается современным говорящим, то обнаруживается в виде этимологии слова и явления культуры [14; 53]. Происхождение средневерхненемецкого *krieg* считается до конца не выясненным, так как прослеживаются несколько связей этого слова с индоевропейским слоем лексики. В частности, *krieg* соотносят с и.-е. корнем **ger-* «*drehen*», «*winden*», или **ker-* «*schneiden*», «*biegen*» [15; 278]. Очевидно, еще одной разновидностью был корень **uer-* с тем же значением «*biegen*», с которым связывается происхождение английского «*war*» [16; 83]. Установлена связь **ker-* с идеей созидания и гармонии, **ker-* и **uer-* — с фаллической символикой, **uer-* — с жертвоприношением, поединком [15; 278]. Таким образом, на уровне первичного человеческого сознания, по словам К. Л. Режабек, «размытость мысли накладывала свой отпечаток на размытость лексических значений» [12; 59] и один звуковой комплекс использовался наряду с боевой ситуацией для номинации различных предметов и явлений, которые воспринимались как взаимосвязанные и ассоциировались не с отрицательными эмоциональными переживаниями, а скорее с присущим архаичному сознанию восприятием тотема, с поклонением. С другой стороны, Л. Н. Венедиктова указывает на то, что сознание такого уровня ориентировалось исключительно на утилитарные ценности, так как этические просто еще не сформировались, и война оценивалась с точки зрения пользы и необходимости для выживания [16; 69]. Возвращаясь к внутренней форме ключевого слова KRIEG, отметим, что А. А. Потенба определяет ее как «способ, каким в присутствующем слове представлено прежнее слово, от которого произведено данное» [14; 52], и что традиционно в лексикологии внутреннюю форму относят либо к сфере исторической памяти производного слова, либо к мотивирующему признаку, на котором основывается употребление слова в переносном значении [8; 67]. В связи с этим путь к внутренней форме слова *krieg* открывает глагол *kriegen*, который в переносном значении (прямое значение «воевать» является устаревшим) представляет собой фамильярный эквивалент глагола *bekommen* (получать, доставать). Будучи очень часто употребляемым в повседневной речи, в том числе с положительной коннотацией, этот глагол свидетельствует о значительной роли концепта KRIEG в немецкой языковой картине мира (ЯКМ) именно в его неосознаваемом, утилитарном аспекте.

Интересным является вопрос, происходит ли реализация архаичных элементов концепта KRIEG в художественных текстах, и если да, то каким образом и как это влияет на эмотивный аспект. Очевидно, некоторые элементы должны присутствовать хотя бы в силу того,

что произведения героического эпоса, как подчеркивает Л. Н. Венедик

това, бережно передаются из поколения в поколение и при этом не возникает и мысли о том, насколько соответствующие поступки были честными по отношению к противнику [16; 70]. Подобные памятники архаичного сознания, дошедшие до нас из тех времен, когда, по выражению Т. де Мауро, «в мире господствовали насилие и поэзия» [9; 34], обладають большой национально-культурной ценностью, закреплены на уровне ЯКМ и неизбежно должны проявляться в национальной специфике более поздних литературных произведений, в том числе на уровне положительного эмотивного компонента. С другой стороны, важно определение роли этических ценностей, которые «служат показателем зрелости того или иного общества» [16; 69] и индикатором которых должна быть отрицательная эмотивность.

Как известно, в художественном тексте, и в частности в поэтическом, прагматическая функция преобладает над информативно-смысловой. Так, И. С. Болотнова отмечает, что «прагмемы» отражают эмоциональное состояние автора и его видение мира с позиций определенного эстетического идеала, несут прагматический заряд, воздействуют на эмоциональную сферу читателя" и, очевидно, играют определяющую роль в художественном тексте по сравнению с единицами предметно-логического подуровня [17; 16]. При этом вербализация концепта KRIEG предполагает знание читателем соответствующего исторического и культурного фона. Поэтический текст не информирует нас о тех или иных событиях, а выражает отношение к ним, но при этом содержит множество явных и скрытых указаний на определенные факты. Таким образом, прагматический уровень включает в себя достаточно насыщенный информационный подуровень и адекватное понимание текста требует от представителя иной культуры привлечения исторической, культурологической, философской литературы. Р. М. Фрумкина, например, выделяя исследование таких концептов как «победа», «свобода», «справедливость» в особый тип, подчеркивает их принадлежность «скорее к культурологии и философии, нежели к лингвистике», но допускает их отнесение к лингвистике в той мере, в которой они могут быть фиксированы в виде слов [18; 35]. С другой стороны, Н. А. Красавский выражает сожаление по поводу того, что при изучении собственно языкового механизма обозначения психических переживаний человека очень важные экстралингвистические факторы, определяющие природу эмоциональной сферы жизнедеятельности человека, остаются вне поля зрения ученых [10; 163]. Учитывая эти мнения, можно сделать вывод о необходимости привлечения данных истории, философии, культурологии, литературоведения в объеме, необходимом для понимания текста. Для немецкой поэзии XIX в. такую значимость имеют события Французской революции, определившие развитие литературного процесса в духе идеалов романтизма и подарившие надежды на демократические преобразования в первые годы правления Наполеона, сменившиеся затем разочарованием и возмущением. Огромное влияние на творчество практичес-

ки всех выдающихся немецких поэтов оказала освободительная война 1813 года и связанный с ней патриотический подъем, сыгравший решающую роль в становлении национального единства. Многие стихотворения, в которых вербализован концепт KRIEG, являются непосредственным откликом на эти и другие актуальные события (например, революционный процесс середины века, Парижская коммуна и франко-прусская война) или отсылают читателя к событиям мировой истории разных эпох. Отметим, что революционные события описываются в основном в рамках военной тематики, часто с использованием ключевого слова и таким образом на основе главного объединяющего признака борьбы являются своеобразным концептуальным слоем. Выделяется историко-культурный слой концепта KRIEG, включающий традиционные ценности. В рамках этого слоя рассматривались тексты, воспевавшие рыцарскую доблесть и славные сражения предков-германцев. Наконец, определенные выводы дают и некоторые тексты, не связанные непосредственно с военной тематикой, в которых вербализация концепта как бы случайна. В действительности в этом проявляется специфическая роль концепта KRIEG в национальной ЯКМ и в частности особенности его эмотивного аспекта.

Лексические средства передачи эмоций весьма разнообразны и, как отмечает И. А. Красавский, делятся на номинативные, дескриптивные и экспликативные [10; 164]. В соответствии с этим делением в текстах нами были выявлены единицы, содержащие эмосемы в денотативной части значения, эксплицирующие эмоции (междометия, звукоподражания) и описывающие их внешние проявления (эмоциональные действия, жесты, мимику), а также метафорические средства передачи эмоций и потенциально эмотивная лексика. В свою очередь, все средства передачи эмоций делятся на большие группы по признаку положительности-отрицательности и по передачи эмоциональных состояний или отношений. Следует отметить, что выявленные единицы являются разноуровневыми (отдельные лексемы, словосочетания, предложения, в отдельных случаях — более объемные единицы) и что значимость каждой единицы определяется в конкретном контексте.

Выявленные языковые единицы (ЯЕ), передающие отрицательные эмоциональные состояния, распределяются на несколько основных признаков. Наиболее многочисленной является группа ЯЕ, передающих эмоции, связанные с теми или иными последствиями военных действий: горечь и отчаяние поражения (*wie weh wird mir; da weinten zusammen die Grenadier; mein Kaiser, mein Kaiser gefangen!*), эмоциональное переживание внутреннего разлада и невозможности вернуться к прежней довоенной жизни (*traurig schau ich in die Höh; wie versteinet; wie im Traum*), разочарование и возмущение (*schrei ich wütend noch nach Freiheit*), страдания раненого или умирающего (*wie brennt meine alte Wunde; im Todeskampf den Kopf gehoben*). Также выделены ЯЕ, передающие ощущения стоящего в карауле (*hier verloren auf der Wacht; Furcht; Langweil*), эмоциональное восприятие деспотичного

полководца (was er sinnt, ist Schrecken), переживание угрозы войны (nicht glücklich). Наиболее устойчивой вербализацией является слово Wunde и коррелирующие с ней единицы, которые, с одной стороны, служат распространенным метафоризатором передачи душевных страданий (mit wundem Herzen; die Wunde brennt; brachen alte Wunden auf), а с другой используются в натуралистических описаниях, которые также создают отрицательную эмотивность, но не за счет передачи эмоционального состояния автора или героя, а непосредственно прагматически, за счет потенциальных эмосем этих единиц вызывая у читателя сопереживание и сочувствие к боли (die Wunden klaffen; ward gespalten mir das Haupt; es verstromt mein Blut). Выявленные номинанты отрицательных эмоций передают тоску, горе (weh, traurig, nicht glücklich, Langweil), ужас (schrecken, erschrocken, Furcht, fürchten), гнев (Wut, wutend).

Отрицательные эмоциональные отношения представлены следующими признаками: безнадежное положение (ohne Hoffnung; nie komm ich gesund nach Haus), переживание потери (als wär's ein Stück von mir), тоска по дому и мирной жизни (doch wie fern sind Strom und Türme; er sieht sein Dorf im Arbeitsfrieden), неприятие послевоенной реальности (ich wollt es wär wieder erst Krieg), тревога за семью (ich habe Weib und Kind zu Haus, die ohne mich verderben; dir Gott befehl ich Weib und Kind), осознание опасности (des Feindes Auge wacht; ein brodelnd Kochen). Наиболее широко представлены признаки отрицательной эмотивности, связанные с переживанием военного поражения (lange harren sie Vermißter; heute wir alle bluten), в том числе переживание французскими солдатами разгром их армии и пленения Наполеона (die kläglich Kunde; die trauriger Mär), переживание немецким народом первоначального вторжения Наполеона в западные земли (jetzt weint es unter fremden Streichen). Также часто вербализуются отрицательные эмоции, связанные с восприятием врага (die Würger, die Ehrenlosen, meuchlings, verdächt'ger Gauch), осуждением деспотизма и связанного с ним кровопролития (verruchter Mörder; mit blutroter Hand) и собственно отрицательным отношением к войне вообще (Höllennärme; Erdenkampf, der mir so wüst... schien). Наиболее важную роль в данной группе играет экспрессивная оценочная лексика и образные средства. В частности, происходит персонификация битвы (walzte unheilschwanger sich die Schlacht; sich ...blutige Wangen wusch; trankst mein rotes Blut - wozu?) и метафоризация войны (Lärm des Lebens; rohe Hast). Следует отметить выражение негативного отношения к врагу с помощью описания внешних эмоциональных проявлений. Так, глагол zittern и прилагательное bleich передают проявления страха и этим имплицитно указывают на трусость, поэтому употребляются преимущественно по отношению к врагу и подчеркивают значительность собственных сил (die Fürsten zittern; vor dem zitternden, bleichen Cäsar).

Значительно меньше выявлено ЯЕ, несущих положительную эмо-

тивность. Положительные эмоциональные состояния преимущественно связаны с радостью победы и передаются номинантами эмоций froh, munter, Jubel, Lust или с помощью потенциальных сем (befreit; beendet ist der Krieg). Положительные эмоциональные отношения разнообразнее и распределяются на несколько основных признаков. Одним из них является положительное отношение к битве в контексте воспевания освободительных антинаполеоновских войн (при этом Schlacht выступает в качестве синонима ключевого слова Krieg). Поэтизация войны происходит за счет апелляции к чувству прекрасного и высокого и реализуется с помощью образных средств (schlagen wie Zauberer; schon wogen die Junglinge). Устойчивым признаком является образ утренней зари (Morgenrot). Как и при реализации отрицательной эмотивности, происходит персонификация битвы, но как чего-то великого и достойного (du kommst, o Schlacht!). Среди образных средств, создающих положительную эмотивность, выделяется образ высшей силы. Этой силой чаще всего является бог (er [der Herr] wird auch für uns sprechen; den Gottes Zorn bewehrt; des großen Gottes Rache), душа воюющих (doch sichrer kommt über sie die Seele der Junglinge), патриотический порыв (ihre Vaterlandsgesänge lähmen die Kniee), некий дух (manch großer Geist). Нами был выделен специфический признак, непосредственно относящийся к историческому слою концепта KRIEG и связанный с первоначальным восторженным отношением к Наполеону и представленный в основном образными средствами (von allem Hohen, was Menschenherz erhebt; blinken goldne Früchte wie holde heitre Sterne), эмоционально-оценочной лексикой (Männerwürde, Treu, Heiligkeit), потенциально эмотивной лексикой (Freiheit). Наконец, концепта KRIEG имеет признаки, обусловленные национально-культурным слоем концепта и связанные с положительным восприятием некоторых аспектов войны в национальном сознании. В частности, это проявляется в любовании военной атрибутикой, мундиром, уважении к парадам и военной службе. Это отношение передается положительной эмоционально-оценочной лексикой (stolz, stramm), потенциальными семами (der Herre Hauptmann), образными средствами (Weltgericht), дескрипциями (die Schuppenketten unterm Kinn; die Schärpe schnürt den schlanken Leib), в том числе описанием стереотипной внешности представителей народа (das Auge blau und blond der Zopf), междометиями и восклицаниями (zum Doktor ausgesprochen, wohl gar — beim Regiment!). Свидетельством положительного отношения служит также образ храброго солдата, созданный в жанре народной песни. Основными средствами являются простота, образность и присущий фольклорной традиции песенный ритм (Der Himmel ist ihr Zelt, ihr Tisch das grüne Feld). Еще более укоренившимся в национальной традиции, определенной культурной константой, является образ рыцаря, используемый поэтами как пример доблести, особенно актуальный в связи с необходимостью подъема наци-

онального самосознания. Положительная эмоционально-оценочная лекс-

сика в описании его внешности и геройских поступков создает соответствующую эмотивность (Ritter noch mit Fug; auf stolzem Roß von schnellem Huf; große Taten dort geschehen).

В национально-культурном слое концепта KRIEG особо выделяются признаки, отражающие элементы архаичности и сопровождающиеся преимущественно положительной эмотивностью. Практически все они сводятся к воспеванию древнего оружия, силы, военных побед предков, а также славы и богатства, достигнутых с помощью оружия (von alter Ehre und Pracht; der Schiffe mastenreicher Wald; von fürstlichen Taten und Werken; zu Häupten den guten Degen). О важности такого признака, как сила оружия и его месте в национальной ЯКМ свидетельствует не только большое количество подобных единиц, но и образное употребление соответствующей лексики в контексте, казалось бы далеком от военной тематики (und er [der Hund] hatte schärfre Waffen und gebrauchte sie mit Macht; das [Kupido] hatte einen Stutzen in der Hand). Также выделен признак желания сражаться, которое отождествляется с желанием любить и стремлением к самоутверждению (ich zieh aus Liebes- nun in Kampflust; das breite Schwert, des Mannes wilde Zier; bis Ruhm und Ehre mir die Stirn umziehn). Стереотип «воин — настоящий мужчина» занимает значимое место в национальном сознании, порой вызывая у поэтов ироничный отклик (und vor ihm zittern alle; sein Aug' speit Feuerflammen aus). Среди лексических средств, реализующих данную группу признаков, выделены такие номинанты положительных эмоций, как Lust, jubelnd. Необходимо отметить и проявление относительности эмоциональной оценки. Например, глагол schrecken номинирует отрицательную эмоцию, но применительно к воину, устрашающему врага, реализует положительную оценку, выступая как прагмема со знаком "+", т. е. одна и та же единица может вносить вклад как в отрицательную, так и в положительную эмотивность, в зависимости от перспективы, с которой данный текст воспринимается (воин или его противник). Устойчивым признаком является эмоциональное возбуждение в процессе сражения, его наиболее частотной вербализацией служит лексема wild (in wilder Ordnung; mit wildem Schalle; wild wallet meine Brust), также частыми являются zornig, wutend. В соответствии с приведенными ранее выводами, отметим, что подобные состояния фиксировались архаичным сознанием как положительные, и их употребление в оценочно и эмотивно положительном контексте в поэтических текстах XIX века позволяет сделать вывод о том, что в текстах, созданных в военное время, отражаются определенные черты архаичного сознания.

Можно утверждать, что через выявленные положительные эмотивные признаки концепта KRIEG отражаются важные черты эпохи — подъем боевого духа народа, необходимый для борьбы с французской армией, а также призыв к борьбе за демократические преобразования, начавшиеся в Европе благодаря наполеоновским войнам. В

связи с этим в текстах, являющихся откликом на конкретные исторические события, дополнительно выявлен ряд специфических признаков, реализующих призыв к войне и связанное с ним состояние воодушевления. В этой группе эмоциональные состояния часто передаются с помощью образных средств и перекликаются с эмоциональным возбуждением, вербализуемым в рамках архаичного компонента. В качестве метафоризатора часто выступает природная стихия, например, буря (seiner Seele Sturm; sturmgefaßt) или огонь (glüh'nde Wogen; unsre Glut zu schüren). Подтверждение этого вывода находим у И. А. Кравцовского, который указывает на легкость метафоризации эмоционального мира человека с помощью таких древнейших представлений, как огонь, и на «благодатную силу», которая приписывалась огню в древности, в том числе в немецкой культуре. При этом важна ссыла на «температурность» эмоций как зафиксированный многими учеными лингвистический факт [6; 101]. Образные средства, содержащие лексему Blut (feurig Blut; blutig hassend), указывают на отмеченное ранее единство физического и психического в эмоциональных переживаниях человека, характерное для боевых ситуаций. Все остальные единицы реализуют эмоции-отношения. Среди них можно выделить непосредственный призыв к борьбе, выраженный побудительным предложением (Laß du dein Herzblut rinnen! Voran zum heiligen Krieg!), модальностью желания (wollen endlich hassen) и долженствования (ein Kampf muß uns noch werden), характерными «побудительными» глаголами (trommeln, wecken, rufen, steigen, erwachen). Призыв выражается и опосредованно через обращение к ценности, таким как верность идеалу (treulich), Отечеству (geliebtes Deutsches Vaterland; des Sängers Vaterland). Ценностным ориентиром выступает также идея о ведущей роли немецкого народа в Европе (tritt du, mein Volk, den Völkern vor) и о вожде, который бы возглавил народ (gib uns den Mann, der das Panier der neuen Zeit erfasse). Особо в этой группе выделяются многочисленные признаки, для которых характерно смешение положительной и отрицательной эмотивности. Большинство из них вербализуют признак концепта KRIEG «война как жертвоприношение» и содержат как отрицательные эмосемы (скорбь по погибшим), так и положительные (вдохновляющий пример, слава): zu fallen an Opferhügel; bleib du im ew'gen Leben; nach solchen Opfern, heilig großen.

В заключение обратимся к общему соотношению выявленных признаков. Собственно эмоции, представленные в текстах номинантами эмоциональных состояний, являются преимущественно отрицательными. Эмоциональные отношения же отражают как негативное личностное восприятие войны и ее последствий, так и исторически и национально обусловленное положительное отношение к войне и ее отдельным проявлениям. Таким образом, эмотивный аспект концепта KRIEG имеет индивидуально обусловленный компонент, в котором преобладают отрицательные признаки, и социально обусловленный компонент, в котором на данном этапе преобладают положительные призна-

ки; в целом положительных признаков оказывается чуть меньше, чем отрицательных. Однако большое количество специфических признаков эмоционального подъема (как состояний, положительно влияющих на общий эмоциональный фон, так и отношений, связанных с положительной эмоциональной оценочностью) создает перевес в сторону «+», что в целом определяет эмоциональный индекс концепта KRIEG в данную эпоху как положительный.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. **Болдырев Н. Н.** Когнитивная семантика. — Тамбов : Изд-во Тамб. ун-та, 2000. — 123 с.
2. **Красавский И. А.** Метафорическое использование номинантов эмоций в немецком языке // Языковая личность: социолингвистический и эмотивный аспекты. — Волгоград : Перемена, 1998. — С. 96 — 104.
3. **Бабушкин А. П.** Концепты разных типов в лексике и фразеологии и методика их выявления // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. — Воронеж : Воронеж. гос. ун-т, 2001. — С. 52 — 57.
4. **Фесенко С. П.** Лингвокультурная специфика эмоциональных концептов // Композиционная семантика. Ч. 1. — Тамбов : Изд-во Тамб. ун-та, 2002. — С. 64—67.
5. **Красавский И. А.** Эмоциональные концепты в немецкой и русской культурах. — Волгоград : Перемена, 2001.
6. **Павлючко И. П.** Эмотивность языковой личности в творческом ракурсе // Языковая личность: социолингвистический и эмотивный аспекты. — Волгоград : Перемена, 1998. — С. 116—126.
7. **Романова Т. В.** Взаимосвязь категорий модальность-оценочность-эмоциональность в текстовой репрезентации // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2006. — № 3. — С. 71—77.
8. **Телия В. Н.** Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. — М. : Наука, 1986. — 142 с.
9. **Мауро Т. Де.** Введение в семантику. — М. : Дом интеллектуальной книги, 2000. — 240 с.
10. Семантическая структура номинантов эмоций в немецком и русском языках // Языковая личность: проблемы лингвокультурологии и функциональной семантики. — Волгоград : Перемена, 1999. — С. 162—170.
11. **Чернейко Л. О.** Лингво-философский анализ абстрактного имени. — М. : Изд-во МГУ, 1997. — 320 с.
12. **Режабек Е. Я.** Культурные границы языкового сознания // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2006. — № 3. — С. 28—43.
13. **Маракулина Н. В.** Лексика, коррелирующая с формами эмоционального отражения действительности // Актуальные аспекты описания современной немецкой лексики. — Калинин, 1985. — С. 56—61.
14. **Степанов Ю. С.** Константы. Словарь русской культуры. — М. : Академический проект, 2004. — 992 с.
15. **Маковский М. М.** Этимологический словарь современного немецкого языка: Слово в зеркале человеческой культуры. — М. : Азбуковник, 2004. — 630 с.
16. **Венедиктова Л. Н.** Концепт «война» в языковой картине мира : дис. ... канд. филол. наук. 10.02.20. — Тюмень, 2004. — 180 с.
17. **Болотнова Н. С.** О соотношении прагмем и информем в поэтическом тексте как форме коммуникации // Художественный текст и языковая личность: проблемы изучения и обучения. — Томск : Изд-во Томск. гос. пед. ун-та, 2001. — С. 16—19.
18. **Фрумкина Р. М.** Концепт, категория, прототип // Лингвистическая и экстралингвистическая семантика. — М. : ИНИОН РАН, 1992. — С. 28—43.

19. Немецкая поэзия XIX века: Сборник на нем. и русск. яз. — М. : Радуга, 1984. — 704 с.

20. Немецко-русский словарь / под ред. В. В. Рудаша. — М. : Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1947. — 607 с.

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ТЕКСТОВ СВЯЩЕННОГО ПИСАНИЯ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИИ ИХ СОЗДАНИЯ

А. В. Лебедев

Текст Священного Писания является объектом исследования многих научных дисциплин, среди них: переводоведение, культурология, герменевтика и др. Следует отметить, что перевод Библии на русский язык (как и исследования в данной области) постоянно обновляется, хотя первый такой перевод был опубликован еще в 1876 г. Вопросы, касающиеся различных переводов, а также краткий обзор истории их создания и выявления некоторых их особенностей представляет интерес для многих исследователей.

С первым переводом Библии на русский язык связаны следующие этапы:

- Создание Русского Библейского Общества (1812);
- Издание Четвероевангелия (1818), книги Деяния Апостолов (1819), книги Псалтирь (1820-е гг.), первых 8 книг Ветхого Завета (1825);
- Закрытие Русского Библейского Общества в 1824 г. (отставка председателя А. Н. Голицына), передача ее имущества Синоду;
- Возобновление перевода Библии на русский язык Синодом (1858);
- Издание полной русской Библии (1867).

Даже из данного краткого обзора видно, что процесс, связанный с переводом Библии на русский язык, встречал сопротивление со стороны властей. Существовали разные мнения по данному вопросу.

Так, митрополит Московский Филарет (Дроздов) аргументировал необходимость возобновления перевода тем, что «...язык славянского перевода Библии, общевразумительный и общеупотребительный в свое время, не таков уже в настоящее время по своей древности; ... в славянском переводе Библии есть многие места, в которых состав речи невразумителен и которые требуют сличения с первоначальными текстами — еврейским и греческим; ...пособие русского перевода нужно многим и из приходского духовенства; ...дело перевода Свящ. Писания на русское наречие и издание онаго, не по рассуждению Св. Синода, но по причинам официально не объясненным, приостановлено; ...дальние алеуты с благословением Св. Синода пользуются некоторыми книгами Св. Писания на своем общевразумительном языке, а православные россияне только мимо сего благословения и незаконно

могут удовлетворять подобной потребности...». Собственно, в данном послании Священному Синоду повторялась основная аргументация указа 1816 г., санкционировавшего первый русский перевод. Предлагалось тщательно пересмотреть перевод Нового Завета, выполненный Российским Библейским обществом ранее, но запрещенный к изданию, перевод Псалтири исправить через сличение еврейского и греческого текстов, новые переводы апробировать предварительным изданием в церковной периодике.

Все рассуждения и аргументация отзыва Филарета Киевского наоборот направлены против перевода. Его основные антитезисы: русский язык проигрывает славянскому по выразительным возможностям; перевод Библии на русский язык угрожает всему строю славянского богослужения; проблема непонимания славянского языка решается не переводом на русский, но прилежным изучением славянского; славянский перевод являет собой связующую нить к единству политически разобщенных славянских народов; русский перевод начала столетия был инициирован «в Англии, гнездилище всех ересей, сект и революций», его идея была «принята, первоначально, не в Святейшем Синоде, а в канцелярии обер прокурора ...на нем не было благословения свыше»; перевод на русский язык неприемлем, потому что это перевод на «частное наречие одноплеменного народа»; «если переводить на русское наречие, то почему же не перевести потом на малороссийское, на белорусское и проч!»; в конце концов, «если бы ты и не понимал того, что содержится в нем [славянском тексте], от самого чтения ты получаешь великое освящение». Вместо русского перевода Филарет Киевский предлагал «оставить навсегда неприкосновенным основной текст славянского перевода...», как освященный древностью и переданный нам от святых славянских апостолов — Мефодия и Кирилла...», ограничившись лишь редактированием отдельных мест; издать толкования святых отцов, различные пособия для улучшения обучения славянскому языку.

Московским святителем был составлен ответ, в котором детально обосновывалась несостоятельность положений отзыва Филарета Киевского. Соглашаясь, что «славянский язык преимуществует важностью», святитель указывал, что главным требованием к переводу должна быть его ясность.

Даже приходское духовенство недостаточно понимает славянский перевод Священного Писания; «опасения, что с переводом на русский Священного Писания будет вытесняться славянский язык устраняется его неприкосновенностью в богослужебном использовании; единство с остальными славянскими церквями не нарушится, поскольку богослужение остается неизменным на славянском; отдельные исправления языка славянской Библии, — продолжал святитель, — не могут решить проблему понимания, поскольку введение в славянский текст новых слов сделает язык Библии таким пестрым, что он не будет ни славянским, ни русским и будет не привлекать, а

отталкивать читателей ...неясность останется и после сего исправления». Ответы Московского святителя датируются июлем 1857 г.

Основной проблемой перевода ветхозаветной части Библии стал выбор текстовой основы перевода. Филарет Киевский, несмотря на свое непримиримое неприятие русского перевода как такового, отмечал, что «Греческая Православная Церковь признает еврейский текст поврежденным; ...перевод Семидесяти Толковников поставлен самим Богом твердым и нерушимым оплотом против ожесточенных врагов христианства — еврейских раввинов; ...когда пришло блаженное время обращения в христианскую веру славянских народов, Промысел Божий так устроил, что для них сделан был перевод Священного Писания на родной им славянский язык, и ветхозаветные книги переведены не с еврейского текста, а именно с греческого Семидесяти Толковников; ...на верность нынешних изданий Библии еврейской полагаться никак нельзя...». Решающим и в этом непростом вопросе стало мнение Московского святителя.

Ветхозаветная часть русского перевода издавалась частями: в 1868 г. вышло Пятикнижие; в 1869 г. — исторические книги; в 1872 г. — учительные книги; в 1875 г. — пророческие. В 1876 г. по благословению Святейшего Правительствующего Синода был издан полный русский перевод Библии. Авторизованный высшей церковной властью Русской Православной Церкви, данный перевод получил всеобщую известность как «Синодальный».

Примечательно, что ни во время работы, ни по ее завершении Синодальный перевод не рассматривался в качестве единственного и неизменного. Вопрос о «последующих исправлениях русского перевода Библии, издаваемого от лица Св. Синода», обсуждался еще до издания полного перевода Библии на русский язык.

В 1916 г. в связи со столетним юбилеем русского перевода известный отечественный славист и библеист И. Е. Евсеев высказывался о необходимости нового русского перевода, формулируя главным требованием к «надлежащему достоинству русского национального перевода Библии» художественное совершенство ее языка.

Важным событием для протестантских общин России стала публикация Синодального перевода, выполненная Синодальной типографией «с разрешением Святейшего Правительствующего Синода для Английского Библейского Общества» в 1882 г. На титульном листе значилось: «Священные книги Ветхого Завета в переводе с еврейского текста». Издание в его ветхозаветной части состояло только из книг, входящих в состав еврейской Библии, и таким образом отвечало утвердившемуся в протестантской традиции канону Ветхого Завета. Сам текст был отредактирован на предмет устранения из него версий перевода Семидесяти, что достигалось механическим удалением всех помещенных в скобки частей. Впоследствии этим изданием и перепечатками с него пользовались несколько поколений верующих. Среди этих перепечаток наиболее известно издание Американского Библей-

ского Общества 1947 г. (набор в две колонки с параллельными местами посередине), ставшее основным изданием Библии для российских протестантов.

К сожалению, метод редактирования 1882 г. привел к тому, что из текста были также удалены и слова из еврейского оригинала (в тех местах, где скобки использовались в качестве пунктуационного знака). В 1991 — 1993 гг. Российское Библейское общество провело сверку «протестантской» Библии с переводом 1876 г. и еврейским текстом. В результате этой работы ошибочно удаленные части Синодального перевода были восстановлены. Начиная с 1994 г. выправленный текст печатается во всех изданиях Библии, выпускаемых Российским Библейским обществом в объеме канонических книг.

К особенностям Синодального перевода исследователи относят:

1. Церковнославянский порядок и состав Священного Писания.
2. Перевод канонических книг Ветхого Завета с древнееврейского, неканонических — с греческого.
3. Греческое произношение имен (более привычное), а не еврейское.
4. Традиционное деление на главы (кардиналы Лангтон и Гюго в XIII веке) и стихи (нумерация стихов Ветхого Завета — раввин Нафан в 1450 году). Первая Библия с делением на главы и стихи — типограф Р. Стефан — 1555 г., им же было произведено деление на стихи Нового Завета.

До сих пор Синодальный перевод остается наиболее употребительным переводом Библии на русский язык, с которым прочно ассоциируется само название русской Библии. Его практическое использование всеми христианскими Церквями России создает уникальную ситуацию Библии на русском языке как общего, межконфессионального текста Священного Писания.

Поскольку язык и речь — живые и развивающиеся явления, существует необходимость в современном переводе Библии на русский язык. Решение о подобном издании было принято еще в 1995 г.

В научно-редакционную комиссию вошли игумен Иннокентий (Павлов), И. С. Козырев, А. А. Руденко, С. В. Тищенко, Э. Г. Юнц. Для литературного редактирования приглашена Ц. Г. Гурвиц — редактор с сорокалетним стажем в издательствах «Русский язык» и «Советская энциклопедия». Главным научным консультантом со стороны Объединенных Библейских обществ стал Дэвид Кларк (David Clark).

Участники проекта руководствовались современными принципами перевода, разработанными в 40-е гг. XX века известным лингвистом Юджином Найдой (Eugene Nida) и успешно воплощенными во многих переводах Священного Писания. Согласно этим принципам, перевод должен точно передавать смысл оригинала, а не следовать буквально иноязычному тексту. Перевод «Радостная Весть» сделан с научного издания «The Greek New Testament» (под ред. В. Aland

и др. Stuttgart, 1993). При этом использовались наиболее авторитетные экзегетические и текстологические комментарии к книгам Нового Завета. Большое внимание уделялось отражению особенностей стиля новозаветных авторов средствами современного языка.

В течение пяти лет редакционной комиссией, научными консультантами и переводчиками было обсуждено более 9 тыс. замечаний и предложений и внесено в текст около 7 тыс. изменений и поправок.

В рецензировании перевода принимали участие видные филологи, историки, специалисты по Новому Завету из разных христианских конфессий: игумен Иларион (Алфеев), о. Александр Борисов, С. С. Аверинцев, А. А. Алексеев, А. Э. Графов, М. П. Кулаков, И. А. Левинская, Е. Б. Рашковский, М. Г. Селезнев, Г. А. Сергиенко, Н. Л. Трауберг, А. Л. Хосроев.

Для лучшего понимания библейских реалий и мировосприятия перевод снабжен историко-филологическими примечаниями. Кроме того, приведены наиболее существенные варианты разночтений новозаветных текстов. Основные особенности перевода «Радостная Весть» можно обозначить следующим образом:

1. Верность греческому подлиннику по его древнейшим рукописям.
2. Современный литературный язык.
3. Передача смысла оригинала, а не буквальное следование иноязычному тексту.
4. Отражение стиля новозаветных авторов современными средствами языка.
5. Историко-филологические примечания.

В 2001 г. Правление Российского Библейского общества приняло решение выпустить пробное издание (40 тыс. экз.) перевода «Радостная Весть» в полном объеме (каждая книга тиража сопровождалась анкетой, в которую читатель мог внести свои замечания и предложения, касающиеся перевода). После полного распространения данного издания текст был еще раз тщательно пересмотрен и проанализирован, но уже с учетом присланных анкет. После этого научно-редакционной комиссией было внесено еще более 400 поправок, расширены примечания к тексту. В результате в 2003 г. в свет вышло 2-е исправленное и дополненное издание Нового Завета «Радостная Весть». В 2004 г. Российское Библейское общество осуществило аудио запись перевода. В процессе работы было внесено еще более 40 изменений, главным образом ориентированных на улучшение слухового восприятия текста.

Споры вокруг переводов и также пристальное внимание со стороны общественных, научных и религиозных деятелей указывают на уникальность Библии как объекта изучения и перевода.

1. **Макдауэлл Д.** Неоспоримые свидетельства / Д. Макдауэлл. — Минск : Просвещение, 1996. — 199 с.
2. **Мицкевич В. А.** Библиология / В. А. Мицкевич. — Иркутск : Академия, 1995 — 1540 с.
3. **Карев А. В.** История христианства / А. В. Карев, К. В. Сомов. — М. : Просвещение, 2001. — 76 с.

КОГНИТИВНЫЕ ПРОТОТИПЫ В ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОМ РАКУРСЕ

Н. П. Макарова, М. Н. Инкина

В начале 70-х годов в русле психолингвистических исследований категоризации человеком действительности начинает развиваться направление прототипической семантики, предполагающее исследование центрального или ядерного смысла слова. Поиск центрального смысла слова был необходим для определения категории, к которой принадлежит тот или иной объект окружающей действительности. Результаты, полученные в ходе изучения языковой категоризации предметов, предполагают выявление набора центральных признаков, по которым то или иное слово относится к той или иной категории.

Направление прототипической семантики явилось результатом развития психолингвистических исследований в области категоризации человеком действительности и связано в первую очередь с именем американского психолингвиста Элеоноры Рош. Первые определения когнитивных прототипов были достаточно туманны: «те члены категорий, с которыми субъект сравнивает предметы при определении категориального сходства» [Rosh E., 1975: 35]; «признаки, воспринимаемые как характерные в какой-либо области, вокруг которой формируются категории» [Rosh E., 1977: 37]. В дальнейших публикациях этого автора прототипы приобретают более ясные очертания. Это и «лучшие представители категории» и «самые ясные случаи категориального членства» [Rosh E., 1978: 24].

В целях детального освещения теории прототипов следует остановиться на исследованиях Э. Рош, анализ которых был осуществлен в работах многих лингвистов, в том числе Р. М. Фрумкиной, Дж. Лакоффом и Л. Липкой.

Исследования Э. Рош основываются на постулате о том, что реальный мир не хаотичен, а структурирован, т. е. в нем есть сходства, различия и прочие отношения, составляющие его онтологию, независимые от нашего сознания. Эта онтология отражена в сознании человека в виде определенной категоризации. Э. Рош выделяет два типа категорий: природные, естественные (*natural*), обусловленные перцептивно, и семантические, обусловленные понятийно, концептуально.

Причем объекты, члены категорий, не равны между собой: внутри каждой категории одни объекты имеют большие права членства, а другие — меньшие. Такая неравноправность является психологически обусловленной.

Каждая категория обладает внутренней структурой. Существуют наиболее типичные объекты — центры категорий. Вокруг таких категориальных центров и группируются в сознании индивида все остальные входящие в категорию объекты. Эти центры Э. Рош называет «прототипами», в которых воплощены наиболее характерные признаки категорий. Это дает возможность, например, по прототипу узнавать категорию в целом. Центры категорий обладают наиболее полным набором признаков, характерных для всех членов категорий, им присуще сильное сходство одновременно со многими членами категорий. При этом каждый член категории схож с какими-либо другими (имеет с ними общие признаки) [Фрумкина Р. М., 2001: 158].

В качестве критерия проверки данной гипотезы был предложен показатель семейного сходства (*family resemblance*). Этот показатель представляет собой сумму признаков, каждый из которых имеет свой вес. Вес каждого признака определяется тем, сколько всего членов категории им обладает.

Синдром семейного сходства был разработан философом Л. Витгенштейном. Он сравнивал игры — карточные, шахматы, игры с мячом, олимпийские игры и другие — на предмет нахождения между ними чего-то общего. Например, при сравнении кросса и карт можно отметить соревновательный момент, выигрыш и проигрыш, но когда ребенок просто бросает мяч в стенку и ловит его, то последние черты этой игре не свойственны. При игре в хоровод присутствует элемент развлекательности, но другие черты исчезают. Итак, хотя многие игры похожи, нет черты, которая бы объединяла их всех. Поэтому автор выбирает название этого феномена «семейное сходство». Такая же ситуация и с другими категориями [Витгенштейн Л., 1958: 66].

Так, для категории «птицы» большим весом обладает признак «летать», так как он присущ большинству членов этой категории, а признак «петь» обладает меньшим весом, поскольку далеко не все птицы певчие. Очевидно, в сознании человека есть какой-то набор определенных признаков для «типичной птицы» и, если он видит птеродактиля или летящее сказочное существо, он сравнивает его с прототипической птицей. Это не значит, что сравниваемый объект должен обладать всеми признаками прототипической птицы, только разумным большинством признаков. Тогда птицы, обладающие большим числом характерных признаков, оказываются ближе к центру (малиновка, соловей), а меньшим числом — дальше от центра (страус, пингвин).

Экспериментальным путем были выявлены прототипы различных категорий. Так, малиновки и воробьи оказались типичными птицами, яблоки и апельсины — типичными фруктами, горох — типичным овощем, молоток — типичным инструментом и т. д. При этом больше

времени требуется для идентификации «плохих» примеров, т. е. объектов, обладающих наименьшим числом признаков [Rosh E., 1975: 37].

Если, согласно Э. Рош, горох — прототипический овощ, то исходя из размеров, внешнего вида, морковь была бы в числе последних, но это в действительности не так. Функция при определении категориальной принадлежности также может быть определяющей, иначе табуретки и скамьи были бы ближе к прототипу «стул» категории «мебель», но на самом деле они уступают место книжному шкафу. Очевидно, человек выполняет анализ на интуитивном уровне, принимая во внимание множественные факторы, природа которых не всегда ясна. Для обыденных знакомых понятий такой анализ, очевидно, не производится каждый раз заново. Иначе способ мышления человека нельзя было бы назвать оптимальным.

В своих более поздних работах Э. Рош показывает, что двумя центральными понятиями при категоризации являются прототип и объект базисного уровня [Rosh E., 1978: 27]. При этом базисным является объект, который не определяется как фундаментальный с теоретической точки зрения. Так, высшим базисным и подчиненными уровнями могут быть соответственно «млекопитающее», «собака», «ищейка»; либо «мебель», «стул», «кресло-качалка». Хотя «собака» и «стул» с теоретической точки зрения занимают промежуточное положение и не являются фундаментальными, психологически они относятся к базисному уровню, т. е. в них максимально сконцентрированы релевантные для человека свойства. Так, «собака» и «стул» имеют зрительные прототипические образы, тогда как «млекопитающее» и «мебель» их не имеют [Лакофф Дж., 1981: 282].

Представление о структуре категории, с одной стороны, формируется на основании объективно значимых признаков (т. е. характеристик внешнего мира), а с другой — обусловлены состоянием знания индивидов о внешнем мире (о некоторых признаках они могут не знать, а другие признаки преувеличивать). В этой связи исследователи Л. Липка и Р. Ф. Фрумкина подчеркивают, что категоризация во многом зависит от культурных особенностей носителей того или иного языка [Lipka L., 1987: 54]. Но, вероятно, не только от культурных, а также и от географических (например, прототипом птиц для жителей Аляски вряд ли будет малиновка).

Существуют различные типы определений прототипов у различных авторов. Так, авторы К. Колеман и П. Кей считают, что «семантический прототип ассоциирует слово или фразу с долингвистической когнитивной схемой или образом». Они полагают, что субъекты равны по способности судить о том, в какой степени тот или иной объект подходит прототипической схеме или образу. Однако их понятия схемы не имеют достаточно четкого определения [Coleman K., 1987: 93].

Еще один аспект исследований когнитивных прототипов высвечивается в работах Д. Геераертса, занимающегося исследованием их источников. Сопоставляя слова в парадигматическом и синтагматическом

плане, он приходит к выводу, что феномен прототипов связан с этимологией слов. Автор считает, что прототипичность характерна для всей теории познания в целом, так как категоризация имеет структурное влияние на практику [Geeraerts D., 1983: 58].

Важно отметить, что прототипическая семантика находится в некоторой оппозиции к семантике, названной Ч. Филлмором «списочной (checklist) теорией значения». Списочная теория стремится выявить список критериев, «задающих необходимые и достаточные условия, которым должно отвечать употребление единицы для того, чтобы можно было счесть ее за проявление определенной категории», т. е. это набор признаков, способный идентифицировать тот или иной объект категории. Прототипическая теория, по мнению Ч. Филлмора, «задает для категории ее прототипический каркас, но в то же время допускает вариативность и возможность неполного удовлетворения этих условий, заданных в прототипе критериев». Суммируя аргументы о различии прототипической и списочной семантики, Ч. Филлмор указывает, что прототипическая семантика позволяет говорить о центральном или ядерном смысле слова и, если необходимо, о различных неравноценных отдельных критериях, которые используются при определении прототипа. Списочная же семантика «оказывается неспособной решить проблему нечеткости границ и степени принадлежности элемента к категории» [Филлмор Ч., 1983: 70].

Существенный недостаток последнего подхода (носящего также название объективистский) М. Н. Лапшина видит в наличии у него отношения изоморфности между признаками понятия и объективными чертами реального мира. При этом не принимается во внимание познавательная деятельность человека и знания, которые человек приобретает в процессе этой деятельности, играющие важную роль при образовании понятий и значений [Лапшина М. Н., 1998: 11].

Л. Липка полагает, что только прототипический подход может объяснить:

- 1) неясные границы категорий;
- 2) категориальное соседство по сходству;
- 3) категории с прототипическими центрами;
- 4) различную ценность признаков.

В то время как списочная семантика предполагает следующие условия:

- 1) четкие границы категорий;
- 2) признаки как дискретные сущности;
- 3) ответы в отношении наличия признаков;
- 4) одинаковый статус всех признаков [Lipka L., 1987: 120].

Польза прототипической теории при объяснении того, как человек «обходится» с нетипичными представителями категорий, т. е. словами с неясными значениями, очевидна. Представим ситуацию, когда человек видит попугая на одной ноге с красными и синими полосками и зонтиком в руке. Должен ли человек отнести такого попугая к

категории птиц? Очевидно, да. Так же, как и при сравнении с прототипом воробей с поломанным крылом, неумеющий летать, все же будет прототипом [Aitchison J., 1987: 53].

Прототипы на уровне категорий помогают при определении категориальной принадлежности слова с неясными, стертыми семантическими границами. Однако следует обратить внимание и на трудности, связанные с выделением прототипов. К ним относятся, прежде всего, трудность выделения наиболее существенных признаков, их отделение от менее существенных, т. е. организация признаков по степени важности [Песина С. А., 2003: 46]. Далее, иногда знания об объектах окружающей действительности кажутся безграничными и возникает проблема, где остановиться. Очень часто значение слова неотделимо от той ситуации, в которой оно использовано. И, наконец, по мнению М. Н. Лапшиной, прототипическая теория не объясняет, каким образом прототипы изначально входят в сознание человека [Лапшина М. Н., 1998: 14].

Тем не менее прототипическая семантика ценна для определения ядерного смысла слова, выявления набора центральных признаков, характеризующих предмет, относя его к той или иной категории.

В этой связи плодотворным было бы, очевидно, не противопоставление обоих подходов, а, как полагает М. Н. Лапшина, комбинированный структурно-прототипный подход к значению слова, учитывающий как классический, так и прототипный аспект понятия. Например, значение слова *grandmother* в терминах прототипической теории может быть описано как «седые волосы», «пожилая», «морщины», а в рамках объективистской теории как «мать одного из родителей». Обе эти дефиниции присутствуют в сознании говорящего, «что говорит о совместимости классической и прототипной части понятия» [Лапшина М. Н., 1998: 15].

В предлагаемом подходе структурный и прототипный элементы понятия могут находиться в различном соотношении друг с другом в зависимости от использования категории. Так, если люди пользуются той или иной категорией в своем повседневном взаимодействии с миром, то прототипическая часть понятия будет представлена более развернуто, чем в случаях строгих научных таксономий научного характера. Таким образом, структурно-прототипический подход к значению предполагает, что прототипы как холестические единицы, гештальты могут быть разложены на прототипные элементы, или атрибуты, являющиеся эквивалентами семантических признаков, или семантических компонентов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. **Витгенштейн Л.** Логико-философский трактат / Л. Витгенштейн. — М.: Наука, 1958. — 264 с.
2. **Лакофф Дж.** Лингвистические гештальты / Дж. Лакофф // Новое в зарубежной лингвистике. — Вып. 10. — М.: Прогресс, 1981. — С. 280–368.

3. **Лапшина М. Н.** Семантическая эволюция английского слова / М. Н. Лапшина. — СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1998. — 160 с.
4. **Песина С. А.** Лексический прототип как содержательное ядро многозначного слова / С. А. Песина. — Магнитогорск: МГТУ, 2003. — 123 с.
5. **Филлмор Ч.** Об организации семантической информации в слове / Ч. Филлмор // Новое в зарубежной лингвистике. — Вып. 14. — М.: Прогресс, 1983. — С. 65–78.
6. **Фрумкина Р. М.** Цвет, смысл, сходство / Р. М. Фрумкина. — М.: Наука, 1984. — 17 с.
7. **Фрумкина Р. М.** Психоллингвистика / Р. М. Фрумкина. — М.: Академия, 2001. — 316 с.
8. **Aitchison J.** Words in the Mind: An Introduction to the Mental Lexicon / J. Aitchison. — Oxford, N. Y.: Basil Blackwell, 1987. — 168 p.
9. **Aitchison J.** Linguistics. An Introduction / J. Aitchison. — Coventry, England: 2001. — 284 p.
10. **Coleman K.** Prototype Semantics: The English Verb LIE / K. Coleman, P. Kay. — Language 57, 1987. — 287 p.
11. **Geeraerts D.** Prototypes Theory and Diachronic Semantics / D. Geeraerts. — N. Y., 1983. — 328 p.
12. **Lipka L.** An Outline of English Lexicology / L. Lipka. — Niemeyer, 1987. — 314 p.
13. **Rosh E.** Cognitive Representation of Semantic Categories / E. Rosh. — N. Y., 1975. — 326 p.
14. **Rosh E.** Human Categorization / E. Rosh // Studies in Cross-Cultural Psychology. — N. Y., 1977. P. 32–76.
15. **Rosh E.** Principles of Categorization / E. Rosh // Cognition and Categorization. — N. Y., 1978. P. 13–32.

О ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ И ЭКСТРАЛИНГВИСТИЧЕСКИХ АСПЕКТАХ ПЕРЕВОДА С АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Н. В. Шамина

Лингвистика текста как отрасль лингвистики, получившая четкое оформление в течение последних нескольких десятков лет, в первую очередь благодаря трудам Пражского лингвистического кружка, включила в себя и по-новому осмыслила лингвистические явления и элементы, которые изучались лингвистической наукой до нее. В частности, по-новому на уровне лингвистики текста используются различные виды лингвистического анализа, которые являются одним из самых важных факторов при обучении чтению. Правильно на научно-методическом уровне применяемые виды анализа обладают большой обучающей силой. Вторым фактором, имеющим важное значение при обучении чтению научной литературы, является учебный перевод, тесно связанный с анализом текста.

В монографии «Лингвистика текста и обучение чтению английской научной литературы» Л. И. Зильберман пишет: «Чтение — акт коммуникации между автором письменного текста и его читателями. Понимание текста предполагает идентичность выводов, сделанных читателем — получателем информации, с замыслом автора — отправителем»

ля информации, причем коммуникативный акт будет иметь место только тогда, когда понимание будет включать и одинаковую интерпретацию эксплицитно не выраженных, но имплицитно содержащихся в тексте единиц значения» [1].

С. К. Фоломкина следующим образом определяет сущность понимания: «Понимание читаемого — цель и реализация коммуникации при чтении — предполагает реконструкцию смыслового замысла автора» [2].

Е. Ф. Тарасов отмечает, что чтение представляет собой процесс интерпретации текста, основной чертой которого является «анализ некоторого процесса по результату», т. е. процесса коммуникации по тексту. Интерпретация текста, по мнению Е. Ф. Тарасова, это восстановление по тексту структуры общения — реального коммуникативного акта. И далее он пишет: «...лингвист явным или неявным образом восстанавливает с необходимой (и возможной) степенью полноты структуру коммуникативного акта, создавая экстралингвистический контекст для однозначного понимания текста» [3]. Эта особенность любого текста, а тем более научного, должна играть большую роль в процессе обучения чтению, который обязательно включает и экстралингвистические факторы — знание и глубокое понимание описываемого в тексте предмета, его информативного содержания.

Чтение, в том числе и учебное, не может ограничиваться структурно-вербальным уровнем, который совершенно необходим как первый этап восприятия текста, но недостаточен для обеспечения зрелого чтения. В связи с этим возникает вопрос: что делать в процессе обучения преподавателю, который не может, как правило, «перейти» структурно-вербальный уровень понимания текста, не будучи специалистом в данной отрасли науки? Нет сомнения в том, что, читая со своими студентами тексты по их узкой специальности, преподаватель, за редкими исключениями, не воспринимает с достаточной глубиной и полнотой эти тексты как единицы научной информации. Однако вряд ли правильно было бы утверждать, что он воспринимает читаемое только на структурно-вербальном уровне. Какой-то содержательный пласт воспринимается преподавателем на основе его общеобразовательной подготовки и опыта работы с аспирантами и научными сотрудниками — специалистами в данной области. Поэтому преподаватель может в процессе обучения, в частности в процессе анализа текста, направлять мысль учащегося, вести его на пути содержательного восприятия читаемого, учить его искать и находить все подробности и тонкости научной информации, которая содержится в научном тексте, приучить его делать это на основе структурно-вербального анализа и восприятия текста, включающего также элементы экстралингвистической, научно-смысловой интерпретации.

Таким образом, лингвистика текста имеет важное значение для методики обучения чтению, поскольку процесс обучения чтению и само чтение — это работа с текстом.

Для установления значения высказывания и его перевода на русский язык необходим контекст, т. е. группа слов, предложений или группа предложений, объединенных в пределах одного речевого отрезка [Подробнее см.: 4]. Однако нередко случаи, когда даже широкий контекст недостаточен для уяснения содержания высказывания; иными словами, смысл высказывания не исчерпывается его лингвистическим значением. Это происходит в тех случаях, когда для понимания того или иного слова или выражения необходимо знание соответствующей реалии или знакомство с тем историческим фактом или литературным произведением, на который имеется ссылка в тексте. Понимание реалии основано на знании реального факта действительности, стоящего за словами.

Некоторые реалии транскрибируются, например: Wall Street/Уолл Стрит, Whitehall/Уайтхолл, которые, как известно, значат в переносном смысле соответственно американский финансовый капитал, английское правительство; другие калькируются, например: White House — Белый дом, или передаются транслитерацией: Westminster — Вестминстер.

Однако большое число реалий, встречающихся в английском и американском общественно-политических текстах, требуют при переводе раскрытия их смысла. Подобные реалии встречаются, например, в следующих предложениях: *The Senate may vote on the governor's confirmation during the **lame duck** session, but the House will probably postpone its vote until next year.* — *Сенат, возможно, поставит на голосование вопрос об утверждении губернатора на своем заседании до передачи полномочий новоизбранному составу. Что касается палаты представителей, то она, возможно, отложит голосование до следующего года.*

Сочетание «lame duck» приходится переводить описательно, так как оно представляет собой реалию, требующую разъяснения. Суть дела в том, что каждые два года в ноябре в США переизбирается одна треть сената и весь состав палаты представителей. Однако после переизбрания до 20 января старый состав конгресса продолжает свою работу. Поскольку его деятельность ограничена во времени и кроме того он в этот период не ставит, как правило, на обсуждение кардинальных вопросов, он называется «lame duck». К этому следует добавить, что сочетание «lame duck» может относиться не только к сенату, но и к стране, к конгрессмену (например, непереизбранному члену конгресса), к конгрессу в целом, к палате представителей, что требует описательного перевода. В англо-русском словаре В. К. Мюллера (изд. 8-е, М.: Изд-во «Русский язык», 2001) «lame duck» приводится в следующих значениях: а) неудачник; «несчастненький», калека; б) бирж. банкрот, разорившийся маклер; в) амер. непереизбранный член (конгресса и т. п.); г) амер. президент, завершающий второй,

последний, срок на своем посту (в период до передачи его преемнику).

Приведем другой пример, в котором «lame duck» относится к стра-

не: *By now Britain had become mostly a diplomatic and economic lame duck.* — *К настоящему времени Великобритания в области дипломатии и экономики в значительной мере стала играть второстепенную роль (или в значительной мере утратила свои позиции).* И в этом предложении искомое сочетание переводится развернуто в соответствии с его контекстуальным значением. Таким образом, во всех подобных случаях понимание смысла текста и его передача на русский язык невозможны без знания каких-то фактов и явлений, т. е. без экстралингвистической информации.

В англо-американской печати весьма распространенным стилистическим приемом является ссылка на исторические факты, литературные персонажи, библеизмы, а также использование отрывков из литературных произведений, популярных песен, фильмов и т. д. Перевод подобных ссылок и цитат требует обращения к соответствующим справочникам-словарям и передачи этих слов и выражений на русский язык в форме понятной русскому читателю. Приведем пример. В газете «Morning Star» было помещено высказывание американского сенатора, который заявил следующее: «...unless the Middle East time-bomb was defused the world will see a new war, a new oil boycott, and possible consequences therefrom ranging from another great depression to **Armageddon** itself». — «...если не будет обезврежена ближневосточная бомба замедленного действия, то мир окажется перед лицом новой войны, нового нефтяного бойкота, возможными последствиями которых будет еще один тяжелый кризис или **полный катаклизм**». В высказывании сенатора содержится ссылка на Апокалипсис (часть Нового Завета), пророчествующий о конце света. Armageddon — место, где должны столкнуться в решающей битве силы добра и зла. Отсюда его значение в переносном смысле «трагическая развязка», «катастрофа», «катаклизм».

Итак, при комплексном анализе текста на всех его этапах необходимо постоянное обращение к экстралингвистической информации, лежащей в основе анализируемого текста. Для раскрытия смысла словосочетательных единиц большое значение имеет учет ситуации и сферы функционирования данного текста.

Попытаемся показать это на примере анализа следующего предложения, взятого из юридического текста: «*A petitioner cannot reasonably be expected to live with a respondent, who behaves with cruelty to him or her; thus any conduct which falls within the definition of **legal cruelty** as laid down in the case-law, will establish this fact*».

Как раскрыть в этом тексте значение словосочетания «legal cruelty»? Помочь может только весь текст, его информативная, экстралингвистическая, содержательная сущность. Английское прилагательное «legal» может соответствовать в русском языке целому ряду прилагательных — *легальный, правовой, законный, юридический* и др.

Предполагаемые эквиваленты анализируемого словосочетания — *незаконная жестокость, правовая жестокость, юридическая жестокость*.

Все эти русские словосочетания в данном контексте не несут достаточно четкой и осмысленной информации. Юридический смысл всего микротекста заставляет нас интерпретировать значение словосочетания «legal cruelty» следующим образом: «действия (истца по отношению к ответчику), которые закон квалифицирует как жестокость».

Такое истолкование текста может быть сделано только человеком, обладающим достаточными фоновыми знаниями по данной специальности, в нашем случае — квалифицированным юристом. Его вряд ли предложил бы самый квалифицированный преподаватель английского языка, не обладающий соответствующей юридической подготовкой, но возможность такого толкования и перевода преподаватель может понять. В качестве подтверждения вышесказанного можно привести и другие подобные примеры. Так, английское словосочетание «summary offences» имеет перевод «преступления, рассматриваемые в порядке суммарного производства», а «indictable offences» — это «преступления, подлежащие судебному преследованию».

О роли экстралингвистических фоновых знаний в связи с обучением пониманию текста говорится в статье З. Д. Львовской, которая исходит из двух положений: «Во-первых, мыслительная деятельность по интерпретации текста предполагает сложное взаимодействие лингвистических и экстралингвистических знаний и опыта интерпретатора. Во-вторых, понимание языкового значения текста не является достаточным условием для понимания его смысла» [5].

Автор далее указывает, что предметно-понятийный (языковой) и смысловой (мыслительный) уровни взаимосвязаны, но не тождественны. Языковое значение является формой репрезентации смысла высказывания «Речевая ситуация предполагает следующие форманты: кто, почему, зачем, что, когда, кому, где сообщает» [6]. При порождении текста мы идем от смысла к значению, при восприятии — от значения к смыслу.

Выявление ситуации общения для проявления смысла текста и снятия омонимии, многозначности и многофункциональности его элементов — одна из задач комплексного анализа текста при обучении чтению. Этот процесс связан со сжатием текста, поскольку экстралингвистические фоновые знания читателя делают избыточной для него часть информации, содержащейся в тексте. Это обстоятельство еще раз подчеркивает индивидуальную, активную, творческую роль читателя в процессе чтения, понимания и осмысления читаемого текста.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Зильберман Л. И. Лингвистика текста и обучение чтению английской литературы. — М., 1988. — С. 8.

2. **Фоломкина С. К.** Принципы обучения чтению на иностранном языке // Методика преподавания иностранных языков в вузе. — М., 1974. — С. 17.

3. **Тарасов Е. Ф.** Некоторые основания социолингвистической интерпретации текста // Лингвистика текста. — М., 1974. — Ч. 2. — С. 100.

4. **Маргиева И. С.** Лингвистические и экстралингвистические аспекты перевода общественно-политической тематики [Электронный ресурс] // И. С. Маргиева. — Режим доступа: <http://revolution.allbest.ru/languages/00002893/0.html>.

5. **Львовская З. Д.** Роль экстралингвистических актуализаторов смысла в обучении интерпретации научного текста // Язык и стиль научного изложения. — М., 1983. — С. 196.

6. Там же, с. 199–200.

СПЕЦИФИКА ПЕРЕВОДА ФИЛОСОФСКИХ ТЕКСТОВ

А. А. Сомкин

Перевод — один из видов речевой деятельности. Его целью является преобразование структуры речевого произведения, в результате которого, при сохранении неизменным плана содержания, меняется план выражения — один язык заменяется другим [7, с. 78]. Задача переводчика — передать содержание подлинника не только правильно и точно, но и равноценными средствами [3, с. 12].

Поскольку процесс перевода осуществляется в голове человека, а протекание мыслительных процессов в мозгу изучено пока еще недостаточно, то при современном уровне научных данных о переводе изучение этого процесса можно проводить только методом моделирования, т. е. имея входные и выходные данные, характеризующие этот процесс, методом логических построений представить себе сам процесс перевода.

В сущности различные научные теории, гипотезы интерпретации всевозможных явлений природы представляют собой логические модели изучаемых объектов или явлений [6, с. 28].

Рассмотрение **теоретических моделей перевода** показывает, что они правильно отражают отдельные аспекты переводческой деятельности. Недостаток всех этих теорий заключается в неполноте описания известных переводческих фактов, в сосредоточении внимания лишь на некоторых особенностях перевода. В то же время в своей совокупности они дают довольно полную картину различных содержательных компонентов, задача которых обеспечивать эквивалентность перевода. Так, денотативная теория указывает на необходимость описания идентичной ситуации, трансформационная теория подчеркивает необходимость семантической близости (инвариантности) синтаксических структур оригинала и перевода, а семантическая теория обращает внимание на идентичность содержательных (глубинных) категорий и на необходимость максимального совпадения набора семантических признаков (множителей) у эквивалентных единиц. При этом из поля зрения исследователей исчезает проблема понимания текста. Мы, вслед за М. Л. Макаровым, считаем, что именно понимание текста обус-

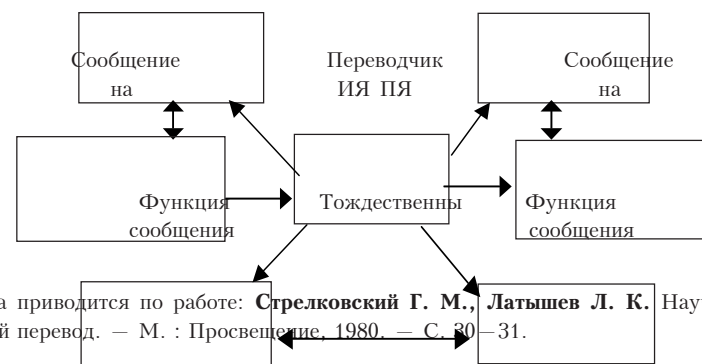
ловливает успешность перевода в целом [3, с. 78]. Поэтому исходим из деятельностной теории перевода, где значительное место отводится именно проблеме понимания исходных текстов.

В деятельностной онтологии перевод не сводится к манипуляциям различными языковыми средствами, а рассматривается как речевая деятельность по заданной в оригинале программе. Тот факт, что перевод как процесс и как результат является видом речевой деятельности, не может быть оспорен хотя бы потому, что переводческая деятельность и ее конечный продукт есть не что иное, как частный случай процессов и результатов смыслового восприятия текста и его оценки [5, с. 72].

В структуре деятельности переводчика (как в любом другом виде деятельности) можно выделить следующие элементы: субъект, выступающий ее носителем (переводчик); объект, на который эта деятельность направлена (в нашем случае объектом деятельности являются потенциальный читатель и исходный текст); средства, используемые субъектом, — знаковые сообщения; цель деятельности — текст на ПЯ (переводящий язык).

Тогда деятельность переводчика в ходе перевода можно представить следующим образом (схему 1)¹. Работа переводчика, показанная на этой схеме, заключается в следующем. Получив сообщение на ИЯ (исходном языке), переводчик настраивает свое индивидуальное мировосприятие на «волну» отправителя путем уяснения исходного смысла и функции сообщения. Для этого он постоянно согласует в своем мозгу смысл полученного сообщения с его функцией и одновременно находит общие точки в своем тезаурусе и в тезаурусе отправителя сообщения.

С х е м а 1
Смысл у отправителя ↔ Эквиваленты ↔ Смысл у получателя

¹ Схема приводится по работе: **Стрелковский Г. М., Латышев Л. К.** Научно-технический перевод. — М.: Просвещение, 1980. — С. 30–31.

— Под тезаурусом мы понимаем «совокупность всех понятий, хранящихся в мозгу индивида и составляющих его понятийный словарь» [6, с. 12]. Тезаурусы отдельных людей никогда не совпадают, но в тезауру-

сах всех людей имеется некоторая общая часть, которая и составляет единую для всех базу общения.

Согласование, о котором шла речь выше, часто происходит помимо воли самого переводчика, когда он начинает читать текст оригинала, так как само содержание текста проводит необходимый отбор лексических, а точнее понятийных единиц в голове переводчика. Если область знания оказывается совершенно незнакомой, то такой настройке не получается, переводчик перестает понимать текст, и вынужден бывает обратиться к специальной справочной литературе по этой науке, чтобы уяснить себе существо дела. Только после этого он сможет приступить к пониманию текста на ИЯ.

Символически этот этап работы переводчика представлен в виде стрелок, направленных в сторону прямоугольников, обозначающих смысл и функцию. Здесь происходит постоянный контроль смысла по отношению к функции через инвариант сообщения. Сам инвариант на схеме не представлен, так как не может быть материализован, но он заключен в сообщении на ИЯ. Двойное направление стрелок от смысла к сообщению и обратно как раз и указывает на эти прямые и обратные связи в ходе контролирующей деятельности переводчика.

Таким образом, при переводе философских текстов на первый план выходит проблема их понимания. Она возникает, прежде всего, при передаче сильных дробей текста, где образуются так называемые «смысловые облака», которые переводчику необходимо рассеять до определенной и категоризированной смысловой конфигурации с помощью рефлексии, чтобы воссоздать в переводе [2, с. 53]. Рефлексия представляет собой «связку между таким образом осваиваемой в общении ситуацией (исходным текстом) и наличествующим у коммуниканта опытом (индивидуальными знаниями, тезаурусом), благодаря которой образ окрашивается наличным опытом, а опыт обогащается благодаря изменению отношения к нему в связи с появлением нового гносеологического образа» [4, с. 17].

Рефлексия необходима для выхода на понимание сильных дробей философского текста, усмотрению его авторской программы и конфигурации смыслов. При этом переводчик должен владеть высшими формами распредмечивающего понимания, реконструирующего ситуацию, интенцию и субъективность автора [3, с. 78]. На процесс понимания переводчиком текста оказывают влияние **прагматические факторы**, среди которых можно выделить следующие:

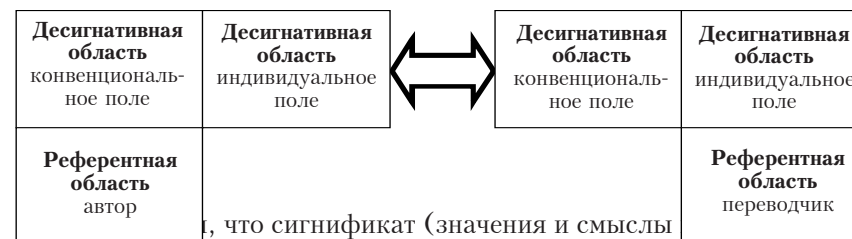
1. Автор текста — его личность, знания, интеллект, способность к чувственному и рациональному восприятию, жизненный опыт и т. д.
2. Интенция автора, которая имеет следующие составные части: изложение, выражение, побуждение.
3. Дискурсная традиция и интертекстуальность.

4. Язык автора.

Обобщенно это можно представить в виде схемы, иллюстрирую-

щей процесс понимания переводчиком философского текста (см. схему 2)².

Схема 2

что сигнификат (значения и смыслы в тексте) представляет собой многоплановое образование, в котором конвенциональное поле и индивидуальное поле пересекаются с референтной и десигнативной областями. Конвенциональное поле образовано референтной областью и той частью десигнативной области, в которой содержатся общепринятые для данного социума характеристики обрабатываемого референта.

Применительно к философским текстам референтная область означает объект реальной действительности, осваиваемый философским знанием в данном тексте. Референтная область современного философского знания включает в себя следующие основные разделы: метафилософия, онтология, гносеология, аксиология, философская антропология, историко-философское введение, рассмотреть которые в полном объеме не позволяют рамки нашей статьи.

Десигнативная область конвенционального поля содержит отражение референта в сознании социума и включает в себя философские системы, мировоззрение данного общества, эпохи, а также их отношение к философским системам и мировоззрению других обществ и эпох. Индивидуальное поле сигнификата образовано той частью десигнативной области, которая содержит личные знания субъекта о воспринимаемом референте. Тогда процесс понимания переводчиком философского текста включает в себя следующие этапы:

1. Узнавание референтной области сигнификата.
2. Постигание десигнативной области конвенционального поля (знание трех традиций: Запад — Россия — Восток).
3. Декодирование индивидуального поля сигнификата автора (для эффективного декодирования применяется межфреймовый поиск, т. е. знание особенностей переводимой философской концепции).

² Схема приводится по работе: **Васильев Л. Г.** Переводчик в коммуникативном пространстве // Перевод как моделирование перевода : сб. научн. тр. / Челябин. гос. пед. ин-т. — Челябинск, 1991. — С. 28.

4. Интерпретация как сравнение / сопоставление индивидуального

поля сигнификата автора со своим собственным полем (индивидуальным).

При узнавании референтной области переводчик использует имеющиеся у него знания данной предметной области, которые включают в себя специальные философские знания: основные понятия и категории философии, ее объект, предмет и методы ее изучения, а также владение специфическим подязыком философских текстов.

Отсутствие специальных знаний у переводчика может привести к неполному пониманию на уровне содержания текста и в результате — фактическим **ошибкам при переводе**, которые Л. К. Латышев классифицирует следующим образом:

- искажения;
- неточности;
- неясности.

При переводе философских текстов постижение десигнативной области конвенционального поля подразумевает знание концептуальных признаков философии, а также философских систем и воззрений данного общества и данной эпохи.

В случае неадекватного отражения в тексте перевода концептуальных признаков философии нарушаются нормы философского типа текстов, а это ведет к плохому «узнаванию» реципиентом данного типа текстов и, в конечном счете, затрудняет понимание.

При декодировании индивидуального поля автора философского текста переводчику необходимы знания о его мировоззрении, философской концепции.

Следующий этап — интерпретация, представляет собой не что иное как систематизированное, эксплицирующее себя понимание и, прежде всего, оно направлено на другой субъект — это коммуникативное понимание. Результат интерпретации философского текста откладывается у переводчика в «когнитивный запасник», к выдаче готовится лишь информация из индивидуального поля автора [1, с. 29]. В переводе философских текстов индивидуальное поле сигнификата переводчика проявляется меньше, чем при переводе художественного текста, потому что философский текст строится по определенным канонам аргументации, которая представляет собой связующее звено между содержанием и формой текста.

Подводя итог можно сделать следующие выводы:

- Перевод философских текстов представляет собой речевую деятельность, осуществляемую по заданной в оригинале программе.
- Основная трудность, возникающая при переводе философских текстов, — это проблема их понимания, для успешного решения которой переводчику кроме знания языка необходимы знания экстралингвистического характера, позволяющие ему поддерживать смысловой горизонт на уровне авторского.
- Перевод философских текстов, построенных по программе «со-

держание + мозаика смыслов», должен основываться на выявлении конфигурации сильных дробей текста оригинала, рефлексивного освоения содержательности текста оригинала и последующей рефлексивной деятельности по поиску адекватных средств перевыражения содержательности на языке перевода.

Следует также осторожно применять рекомендуемые трансформации и замены, помня, что средства непрямой номинации являются основным способом опредмечивания смыслов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. **Васильев Л. Г.** Переводчик в коммуникативном пространстве // Перевод как моделирование и моделирование перевода : сб. науч. тр. / Челяб. гос. пед. ин-т. — Челябинск, 1991, — С. 235—257.
2. **Галеева Н. Л.** Основы деятельностной теории перевода. — Тверь : Изд-во ТГУ, 1997. — 79 с.
3. **Макаровым М. Л.** Проблемы прагматической интерпретации и перевод // Перевод как процесс и результат: язык, культура и психология : сб. науч. тр. / КГУ. — Калининград, 1989. — С. 143—187.
4. **Рецкер Я. И.** Пособие по переводу с английского на русский. — М. : Просвещение, 1982. — 159 с.
5. **Стернин И. А.** Концепт и языковая семантика // Связи языковых единиц в системе и реализации. Когнитивный аспект : сб. науч. тр. — Тамбов : Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 1989. — С. 69—75.
6. **Стрелковский Г. М., Латышев Л. К.** Научно-технический перевод. — М. : Просвещение, 1980. — 170 с.
7. **Parret H.** Discussing Language. The Hague. P., 1974. — 173 p.

4. МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И ЛИНГВОДИДАКТИКА

ПРИМЕНЕНИЕ ПРОЕКТНОЙ МЕТОДИКИ НА ЗАНЯТИЯХ ПО АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ

Н. Е. Боброва

Современные социальные условия ужесточают требования к качествам профессионала, нацеливают на формирование личности, характеризующейся не репродуктивным, а творческим типом мышления, инициативой, самостоятельностью в принятии решений. Это требует поиска новых подходов в обучении. Обучение должно основываться не на трансляции готовых знаний, а на создании условий для креативности. В качестве методических средств, реализующих такой подход, все большее признание находит проектная методика.

Метод проектов был разработан американским педагогом У. Килпатриком в 20-е годы XX века. Он развил мысли своего учителя Дж. Дьюи, разработавшего концепцию американской философии, в основе которой лежала связь теории обучения с практикой жизни в воспитании детей. У. Килпатрик подчеркивает педагогическую сторону этого вопроса. По его мнению, жизнь — это постоянная учеба, поэтому все методы обучения должны ориентироваться на жизнь.

Впервые о проектных заданиях в связи с преподаванием иностранных языков упоминается в работах немецких методистов в 1965 году. Они считали, что проектные задания — это ближайший путь к практическому владению иностранным языком.

В нашей стране метод проектов активно использовался в 30-е годы, но не получил своего развития. В наше время метод проектов используется в обновленном виде.

Сегодняшнее общество требует инициативных, предприимчивых, творческих людей, людей, умеющих самостоятельно мыслить, принимать решения. Проектные задания способствуют развитию самостоятельности студентов и практическому владению иностранным языком. Они придают процессу обучения творческий характер, формируют познавательные, профессиональные мотивы и интересы.

Проектные задания позволяют эффективно решать задачи лично-ориентированного подхода в обучении студентов. Преподаватель не столько должен «пичкать» знаниями студентов, сколько указать им путь к знаниям, формировать у студентов потребность, интерес и умение совершенствовать свой ум, свои способности. Проектные задания могут как нельзя лучше помочь в совместной деятельности

преподавателя и студента, при этом преподавателю отводится роль координатора.

Основная цель метода проектов — представление студентам возможности самостоятельного приобретения знаний в процессе решения практических задач или проблем, требующих интеграции знаний из различных предметных областей.

Существует несколько определений проектной методики. Наиболее полным, на наш взгляд, является определение, предлагаемое Е. С. Полатом, который рассматривает проектную методику как совокупность поисковых, проблемных методов, творческих по своей сути, представляющих собой дидактическое средство активизации познавательной деятельности, развития креативности и одновременно формирования определенных личностных качеств учащихся в процессе создания конкретного продукта.

К сожалению, зачастую имеет место неверное понимание сущности проекта, когда проектом называют сообщение по заданной теме. При этом студенты прибегают к использованию информации из Интернета, не подвергая ее критическому осмыслению. За такой работой не стоит никакого творчества.

Сложность применения проектных заданий заключается в том, что преподавателю требуется много сил и энергии, чтобы правильно разъяснить студентам, что такое проект, заронить в них желание работать творчески. Конечно, не все студенты готовы к этому. Часть студентов привыкла к традиционным видам работы: выучил, пересказал, получил оценку. Проектные задания требуют от студентов самодисциплины, а от преподавателя — мудрости, тактичности, гибкости мышления с тем, чтобы не подавить инициативу студентов, не доминировать над ними.

Проекты могут быть исследовательские, творческие, игровые, информационные, практико-ориентированные. По количеству участников они делятся на индивидуальные, парные, групповые.

Основные особенности проектов, предназначенных для обучения языку, следующие:

- использование иностранного языка в ситуациях, приближенных к условиям реального общения;
- акцент на самостоятельной работе студентов;
- выбор темы, которая интересна студентам;
- отбор языкового материала согласно теме и цели проекта;
- наглядное представление результата.

Выделяются следующие этапы работы над проектом:

- определение темы проекта;
- определение проблемы и цели проекта;
- составление плана работы;
- презентация необходимого языкового материала;
- сбор информации;
- работа в группах;

- анализ собранной информации;
- подготовка презентации проекта;
- демонстрация;
- оценка проекта.

Проекты предоставляют новые возможности решения методических задач. Они органично вписываются в учебный процесс, помогают продемонстрировать языковой материал, который приобрели студенты.

В практике преподавателей иностранных языков проектные задания активно применяются. Идеи подобных заданий либо предлагаются преподавателем, либо студенты сами определяют тему, над которой им хотелось бы поработать. Часто проекты являются логическим завершением определенного цикла и могут выступать в качестве зачетной или экзаменационной работы.

Например, при работе над проектом «Company Structure» студенты экономических специальностей, используя накопленный языковой материал, придумывают свою собственную компанию и делают ее презентацию.

Темы проектов могут быть следующими: «Job Satisfaction», «Different Management Styles», «Franchising».

Очень важно не забывать про региональный компонент. Студентам даются конкретные задания, например, рассказать о компании или банке, расположенных в Мордовии.

Работая над темой «Retailing» студенты проводили опрос самых популярных магазинов, спрашивали менеджеров торговых точек о преимуществах работы в этом месте, о методах поощрения.

Подобные задания помогают студентам не только получать абстрактные знания, но в реальной жизни в своем городе увидеть механизмы работы делового мира, приобрести теоретический опыт.

Сложность работы над бизнес-проектами заключается в том, что у студентов нет опыта практической работы, поэтому им приходится прибегать к помощи окружающих их людей, проводить опросы, интервью с тем, чтобы узнать, как обстоит дело на практике.

Таким образом, проект — это, как правило, продукт интеграции межпредметных связей: студентам в процессе работы над проектом приходится применять знания, полученные на занятиях по профилирующим дисциплинам (экономике, социологии, информатике). И это в свою очередь повышает дидактическую ценность проектной методики.

Немаловажным моментом является возможность развития и улучшения межличностных отношений в группе студентов, работающих над проектом, перспектива взаимообучения, возможность каждого участника группы выполнить ту часть работы, которая максимально отвечает его индивидуальным потребностям. При этом студенты со слабым уровнем знаний, а также студенты, испытывающие психологические затруднения (страх публичного выступления, робость, скован-

ность) могут найти реальное применение своим способностям для достижения общей (коллективной) цели.

Все вышесказанное, на наш взгляд, позволяет рассматривать проектную методику как перспективное направление в обучении, заслуживающее более широкого применения на уроках иностранного языка.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Дьюи Дж. Психология и педагогика мышления. 1909. — 102 с.
2. Полат Е. С. Метод проектов на уроках иностранного языка / Е. С. Полат // ИЯШ. — 2000. — № 2, 3.

ОСОБЕННОСТИ ПРЕПОДАВАНИЯ ДЕЛОВОГО ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА НА ЭКОНОМИЧЕСКОМ ФАКУЛЬТЕТЕ

Н. Е. Боброва

В наш век стремительного научно-технического прогресса, бурного развития передовых информационных технологий основным фактором социально-экономического развития общества становятся знания. Только высококвалифицированные специалисты, обладающие современными знаниями и готовые к их постоянному обновлению и расширению, способны достичь значительных успехов в своей профессиональной деятельности и внести достойный вклад в социально-экономическое развитие своей страны.

Глобализация рыночного пространства, выход отечественных компаний на финансовые и фондовые рынки мира требуют ускорения перехода России на новые Международные стандарты финансовой отчетности (МСФО в редакции 2003 года) и поэтому массового переучивания бухгалтеров и аудиторов на современном этапе. Сегодня МСФО постепенно становятся своеобразным ключом к международному рынку капитала. Если компания имеет соответствующую отчетность, она получает доступ к источникам средств, необходимых для развития.

Приведенный выше пример является лишь одним из многочисленных фактов того, как глобализация экономики затрагивает все другие сферы жизни, включая бизнес-образование. Поэтому современные высшие учебные заведения должны ставить задачи по углублению изучения иностранных языков перед будущими специалистами, а также для повышения профессиональной подготовки работников, занятых в сфере экономики.

Учебная программа для студентов, обучающихся по экономиче-

ским специальностям, предполагает развитие базовых навыков и умений иноязычного общения, а также умений применять знания иностранного языка в профессиональной сфере.

Поскольку современная открытая экономика преимущественно англоязычная, понятно, что специалисты должны владеть английским языком как рабочим деловым языком. Английский язык сейчас рассматривается как интегрированная дисциплина, которая вносит существенный вклад в формирование профессионально значимых навыков обучаемых, в раскрытие их творческого потенциала, повышения культуры общения. Он служит средством не только межличностного, но и межнационального, международного общения. С помощью иностранного языка происходит познание того, что «познать на родном языке адекватно и своевременно нельзя».

Иноязычная коммуникативная компетенция представляет собой определенный уровень владения языковыми, речевыми и социокультурными знаниями, навыками и умениями, позволяющий обучаемому коммуникативно приемлемо варьировать свое речевое поведение в зависимости от ситуации общения.

Актуальность преподавания профессионального компонента на иностранном языке обусловлена временем. В настоящее время обучение английскому языку студентов финансово-экономических специальностей, как правило, включает знание деловой лексики и основных понятий применяемых в бизнесе.

В основе преподавания лежит преемственность и системность. Первый этап в практике преподавания иностранных языков на экономическом факультете посвящен овладению специальной лексики, включающей:

- 1) фонетическую отработку лексики по фрейму;
- 2) «diving» — поиск нужного слова в группе слов;
- 3) перевод словосочетаний с английского на русский;
- 4) перевод словосочетаний с русского на английский;
- 5) составление предложений из набора 5—7 слов из вокабуляра по теме;
- 6) логически связанная мини композиция на базе тематического словаря.

Что касается этапа тренировки, то сотрудничество преподавателя и студента заключается прежде всего в том, что даже запоминание изолированных слов может быть увлекательным и несложным процессом, когда при самообучении студент ищет пути установления логических ассоциаций, т. е. группирует и сопоставляет слова по самым различным логическим признакам.

После усвоения и закрепления лексики студентам предлагается работа над той же лексикой уже на уровне дефиниций. Если на каком-то этапе данного вида работы возникают затруднения, то сложные моменты преподавателем, как правило, объясняются на русском языке при постоянном переходе на английский.

Например, при изучении темы «Money and its functions», студенты специальности «Финансы и кредит» работают с такими определениями, как:

- dividend — that part of the money made by a business;
- credit — a system of buying goods or services and paying them later;
- fee — a sum of money paid for professional services to a doctor, lawyer, private school, etc.;
- subsidy — money paid, esp. by the government or an organization, to make prices lower, take it cheaper to produce goods, etc.

Кроме этого студентам в дальнейшем предлагается работа по составлению и изучению таблиц, схем, диаграмм.

Изучение тем по экономическим направлениям на иностранном языке практически невозможно без изучения страноведческого аспекта. Для обсуждения студентам предлагаются вопросы к экономическим ситуациям:

1. In modern advanced economics the ratio of annual GDP to money supply is as follows: in China — 1.0, in the UK — 1.0, in Germany — 1.4 (there is a tendency to its decreasing to 1.0), in France — 1.6, in Switzerland — 0.8. As a result of policies pursued by Russian governments in the years of 1992 to 1998, this ratio grew in our country from 1.2 to 8.0 which made normal economic activity impossible.

How can the problem be solved?

2. Implementing monetary policy, the Central bank can affect / influence / the money supply in the economy.

What will the situation result in?

3. Having reached considerable economic growth in the last decade, the government increased the wealth of society as a whole.

How could the result be reached?

4. Being fantastically rich in natural resources, Russia has become one of poor countries nowadays.

What were the main reasons of such a decrease in an economy?

Кроме этого студентам можно предложить ознакомиться с оригинальными видами контрактов, схем, диаграмм и таблиц.

Так, при изучении тем «Functions of money», «Model of economic system», «Types of business organizations», «Sole proprietorship», «Partnership» и др. используются в качестве зрительной опоры схемы, которые безусловно являются основой усвоения материала. При помощи таких схем студентам легче представить то или иное экономическое явление.

В современной Европе английский язык, согласно сложившейся практике, является основным языком межнационального общения — это факт общепризнанный. Повышение эффективности изучения иностранных языков в высшей школе представляется одним из важных направлений развития международного сотрудничества. Следовательно, всевозможные пути осуществления международных контактов долж-

ны быть доступны будущим специалистам, т. е. сегодняшним студентам. В первую очередь это через Internet — современную мировую паутину, без которой не представить современные экономические связи.

На занятиях по английскому языку это находит следующее отражение: студентам предлагается текст «The Internet» и соответствующий лексический ряд. После выполнения ряда упражнений по содержанию текста и упражнений, касающихся грамматических явлений, имеющих место в предложенном тексте, студенты получают индивидуальные задания по следующим направлениям:

- история возникновения Internet;
- развитие сети в мировом пространстве;
- Internet в Российской Федерации.

Сообщения студентов обсуждаются на занятиях, при этом ответы выступающего на вопросы его оппонентов должны быть максимально полными и содержать официально достоверную информацию (данные статистики или опубликованной отчетности и т. п.).

По нашему мнению, сегодня важным является изучение средств и возможностей сотовой связи, которая особый интерес вызывает у молодежи и предпринимателей:

- Mobile phone as a world way of communication.
- The most advanced way of communication in R. F.
- My mobile phone (advertising).

Основным источником новостей в сфере экономики являются газеты «Financial Times», «The Moscow news». Газетный материал при изучении экономики используется достаточно активно. Задача состоит не только в чтении и переводе статьи из газеты, но и необходимости сделать выводы по полученной деловой информации, учитывая особенности языка газет и журналов.

Обучение студентов экономических специальностей многогранно и интересно. Используемая методика проведения аудиокурса (Business English) включает и позволяет получение большого информационного и лексического материала на базе активизации основополагающей фонетики. При этом каждая речевая ситуация предполагает оформление делового письма. По установившемуся требованию, составленное студентом деловое письмо не может быть простым копированием изучаемого образца. Составитель письма должен выполнить главное требование — отразить проблемы своей виртуальной фирмы и прокомментировать все происходящие в ней изменения, сохраняя деловую репутацию (good-will) фирмы.

На занятиях по иностранному языку изучение любой темы, касающейся экономики, построено на анализе современной экономической ситуации в республике или финансово-хозяйственной деятельности отдельных предприятий (по опубликованным в периодической печати данным).

Рассмотрение конкретных примеров позволяет студентам сравнить отдельные показатели развития экономики и изучаемый теорети-

ческий материал в динамике, позволяющие студентам закладывать основы профессионального подхода к будущей своей специальности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Business English. Приложение / И. С. Богацкий, Н. М. Дюканова. Бизнес-курс английского языка — 5-е изд., испр. — Киев : ООО «ИП Логос», 2003. — 352 с.

К ВОПРОСУ ЭТАПОВ И СТЕПЕНИ ОСВОЕНИЯ ИНОЯЗЫЧНОЙ ЛЕКСИКИ

Н. В. Бутылов

Самым, пожалуй, важным и сложным для изучения иноязычной лексики является процесс освоения иноязычного слова. Многие ученые, исследуя этот вопрос, акцентировали внимание как на единичных адаптациях заимствованного слова (И. Ф. Беликова и др.), так и на рассмотрении процесса освоения в целом (Е. Э. Биржакова, Л. П. Крысин, В. М. Аристова и др.). Мы же предлагаем классификацию признаков ассимилированности иноязычного слова в языке, основанную на делении всего процесса освоения иноязычного слова на три этапа: начальный этап, продвинутый и этап полного освоения иноязычного слова.

В статье будут использоваться следующие термины: **этап** — отдельный момент, стадия какого-то процесса. **Степень** — мера, сравнительная величина чего-нибудь. **Уровень** — подразделение чего-нибудь целого, получаемое при его расчленении.

Для того чтобы осуществить намеченную нами классификацию, необходимо установить дифференциальные признаки, характеризующие каждый этап освоения иноязычного слова языком-заимствителем на каждом из уровней языковой системы: 1) на фонетическом, а также в области графики и орфографии; 2) на лексико-семантическом; 3) на морфологическом, а также в области словообразования; 4) на синтаксическом; следует учитывать и уровень речевой, коммуникативный. По наличию дифференциальных признаков будет определяться степень освоенности иноязычного слова. Чем больше дифференциальных признаков имеет иноязычное слово на продвинутом этапе и на этапе полного освоения, тем выше степень освоенности иноязычного слова в заимствующем языке и тем более целесообразно его заимствование языком рецензентом.

На фонетическом уровне **начальный этап** освоения иноязычного слова имеет следующие дифференциальные признаки:

- 1) передача иноязычного слова посредством звуков родного язы-

ка; все звуки языка произносятся менее энергично, чем звуки родного языка;

2) устранение аспирации, характерной для произношения согласных языка рецептора (*тюнер, тинейджер*);

3) замена иноязычного слога деления на изменение количества слогов в соответствии с исконной системой слога деления;

4) устранение зависимости значения слова от долготы гласного звука;

5) устранение дифтонгов и трифтонгов, характерных для произносительных норм;

6) упрощение заимствуемого слова путем сокращения в нем звуков, слогов;

7) сохранение при вхождении в язык места ударения такого же, как в языке-источнике;

8) сохранение некоторых фонетических признаков иноязычности, в том числе и неблагозвучных для слуха носителя языка.

Продвинутый этап освоения заимствованного слова на фонетическом уровне предполагает следующие дифференциальные признаки:

1) совершенствование системы слога деления заимствованных слов в соответствии с исконными принципами слога деления;

2) дальнейшее приспособление иноязычного слова к произносительным нормам заимствующего языка;

3) колебания ударения в сторону языка-заимствователя; это «свидетельствует о том, что заимствованные слова вступают во взаимодействие с исконной лексикой и постепенно ассимилируются в родном языке, становясь из внесистемного явления явлением системным» (Суперанская, 1968, 258–260).

Этап полного освоения заимствованного слова предполагает следующие дифференциальные признаки:

1) стабилизация ударения; объединение иноязычных слов в группы по сходству их конечных элементов, характеризующихся определенным ударением;

2) ударение, характерное для языка-заимствователя;

3) полная закреплённость фонетических характеристик заимствованных слов в виде, максимально приближенном к исконной огласовке (к исконной фонетической системе).

В области **графемно-орфографического освоения** иноязычного слова **начальный этап** предполагает:

1) передачу иноязычного слова буквами как исконного так и латинского алфавита (*Интернет — Internet, софт — Soft*);

2) написание иноязычного слова в заимствующем языке в соответствии с иноязычным прототипом (*killer — киллер, offshore — офшор*);

3) колебания в написании иноязычных слов в зависимости от транслитерационной или транскрипционной передачи слова, например:

— английское *realtor* [ri lt] — транскрипционная передача на заимствующий язык — риэлтер, транслитерационная передача на мордовский язык — риэлтор;

— английское *distributor* [dis'tribjut] — транскрипционная передача на заимствующий язык — дистрибьютер, транслитерационная передача на мордовский язык — дистрибьютор, дистрибутор;

4) упрощение иноязычного слова путем сокращения букв: *business* — бизнес, *office* — офис.

Продвинутый этап освоения заимствованного слова означает:

1) передачу иноязычного заимствования только буквами одного алфавита;

2) отсутствие кавычек и скобок, в которые заключалось заимствованное слово или же его значение, что указывает на то, что слово стало более понятным, более освоенным;

3) тенденция к преодолению колебаний в написании иноязычных заимствований.

Этап полного освоения заимствованного слова предполагает:

1) выработку определенной формы в написании того или иного заимствованного слова в соответствии с исконными орфографическими нормами;

2) написание заимствованных слов в соответствии с мордовскими орфографическими правилами.

На лексико-семантическом уровне начальный этап освоения иноязычного слова характеризуется такими признаками, как:

1) потеря экзотизмом стилистической окраски;

2) неопределенность границ значения; легкость смысловых смещений;

3) объяснение значения слова объясняется в скобках, пояснение в форме развернутого предложения;

4) использование в языке-заимствователе двух одинаковых по значению слов (дублетов): одно — заимствованное, другое — исконное; предпочтение исконного слова или оборота заимствованному слову.

Для **продвинутого этапа освоения** иноязычного слова характерно следующее:

1) деидеологизация значения слова;

2) превращение нейтральных экзотизмов в заимствованные слова;

3) отсутствие скобок, кавычек и пояснения значения заимствованного слова;

4) определенность значения, смысловая точность;

5) перераспределение значений иноязычного заимствования (сужение, специализация значения, детализация и конкретизация значения);

6) расширение значения в процессе функционирования заимствованного слова в мордовском языке;

- 7) отсутствие однословного исконного синонима;
- 8) возможность еще семантической дублетности при количественном предпочтении заимствованного слова исконному;
- 9) изменение стилистической окраски слова.

Этап полного освоения заимствованного слова предполагает:

- 1) исчезновение из употребления родного слова, отсутствие дублетности заимствованного и родного слова;
- 2) появление переносного употребления заимствованного слова;
- 3) приобретение заимствованным словом нового значения — прямого или переносного, которого нет в языке-источнике.

На морфологическом уровне начальный этап освоения иноязычного слова предполагает следующие дифференциальные признаки:

- 1) принадлежность иноязычного слова к грамматическим классам и категориям заимствующего языка;
- 2) оформление заимствованного слова грамматическими средствами заимствующего языка;
- 3) переход слов из одной части речи в другую;
- 4) наличие признаков иноязычности: а) несклоняемость существительных; б) морфологическая невыраженность числа и рода существительных; в) неизменяемость прилагательных.

Этап продвинутого освоения заимствованного слова предполагает:

- 1) дальнейшее преодоление признаков иноязычности;
- 2) объединение иноязычных заимствований, принадлежащих к одной части речи, в группы с однотипными компонентами, выделение их в качестве новых аффиксов;
- 3) переход заимствованных существительных из разряда в разряд в процессе освоения их мордовским языком.

Этап полного освоения заимствованного слова предполагает:

- 1) полную стабилизацию одной формы, характерной для групп слов с одинаковыми компонентами;
- 2) полное преодоление морфологических признаков иноязычности.

Для определения степени освоенности иноязычного слова **средствами словообразования** также необходимо учитывать дифференциальные признаки трех этапов.

Для **начального этапа освоения** иноязычного слова характерно:

- 1) изменение структуры иноязычного слова;
- 2) изменение морфемной членности иноязычных слов в заимствующем языке, тенденция к одноморфемности, упрощение;
- 3) колебания в структуре иноязычного слова.

Продвинутый этап освоения заимствованного слова предполагает:

- 1) выделение одинаковых компонентов в группах заимствованных слов, объединенных по сходству конечных элементов;

- 2) дальнейшее их становление в качестве новых суффиксов иноязычных слов в мордовском языке.

Этап полного освоения заимствованного слова предполагает:

- 1) стабилизацию структуры заимствованного слова на морфемном уровне и при словообразовании;
- 2) участие заимствованных слов в процессе словообразования посредством продуктивных суффиксов мордовского языка: для глаголов — *-овать, -ировать*;
- 3) образование сложных слов на основании иноязычных слов и лексики языка-рецептора или же ранее заимствованных слов;
- 4) образование составных слов на базе иноязычного слова и исконного или же ранее заимствованного.

На синтаксическом уровне начальный этап освоения иноязычного слова характеризуется отсутствием прочных сочетаемостных связей.

Продвинутый этап предполагает:

- 1) начало формирования сочетаемостных связей;
- 2) активное использование некоторых словосочетаний.

Этап полного освоения означает:

- 1) закрепление сочетаемостных связей;
- 2) активное использование всех возможных словосочетаний.

На коммуникативном уровне начальный этап освоения иноязычного слова предполагает:

- 1) начало функционирования иноязычного слова в речи;
- 2) неточное понимание большинством рядовых носителей литературного языка значений иноязычного слова;
- 3) сопровождение иноязычного слова комментариями;
- 4) восприятие слова как инородного компонента речи всеми носителями языка.

Продвинутый этап предполагает:

- 1) активное использование заимствованного слова в речи;
- 2) понимание большинством носителей литературного языка точно лишь самого распространенного значения заимствованного слова;
- 3) использование заимствованного слова преимущественно без комментариев;
- 4) восприятие слова как инородного компонента речи некоторыми носителями языка.

Этап полного освоения означает:

- 1) активное использование слова в речи и включение его в словарь мордовского языка;
- 2) понимание большинством носителей языка точно всех значений многозначного заимствованного слова;
- 3) использование в речи без комментариев;
- 4) восприятие слова как обычного компонента речи всеми носителями языка.

1. Аристова В. М. Англо-русские языковые контакты. — Л. : 1987. — 150 с.
2. Аристова В. М. К истории английских слов в русском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Самарканд, 1968. — 34 с.
3. Беликова И. Ф. Морфологические преобразования в языке как результат заимствования : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 1988. — С. 1—10.
4. Биржакова Е. Э. Очерки по исторической лексикологии русского литературного языка XVIII века: Языковые контакты и заимствования. — Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1972. — 25 с.
5. Крысин Л. П. Иноязычные слова в современном русском языке. — М. : Наука, 1968. — 153 с.
6. Суперанская А. В. Заимствование слов и практическая транскрипция. — М., 1962. — 265 с.

ОБРАЗ ИНОСТРАНЦЕВ В ТЕКСТАХ АНГЛИЙСКИХ И РУССКИХ АНЕКДОТОВ

Е. Г. Долгова, А. А. Кузнецова

Использование стереотипов в анекдотах в основном консервативно. Противопоставление между различными пониманиями текста часто вызывается полисемичной — двойственной — природой самого текста. Так, один и тот же анекдот может быть воспринят как враждебный представителями доминантной группы и может вызывать гордость у представителей общественных меньшинств. Идея того, что анекдоты — тексты полисемичные, допускающие более чем одно прочтение — находит отражение в работах таких ведущих исследователей юмора, как Дэвис К. (Davies Ch., 1990, 1998), Палмер А. (Palmer A., 1994), Шмелева Е. А. (2002) и др.

В русской культуре чрезвычайно популярны анекдоты, в которых в той или иной форме сопоставляются и противопоставляются представители различных культур и таким образом наиболее явно выявляются их национальные особенности. Как правило, эти анекдоты называются межкультурными. Приведем пример подобного анекдота: *Поспорили русские, англичане и французы, кто дольше в холодильнике просидит. Англичане взяли с собой карты, виски и залезли. Просидели день — не выдержали, вылезли. Французы взяли вино и баб. Просидели два дня и тоже вылезли. Русские взяли самогон и закуску. Неделю сидят, вторую. Думают, замерзли они там, надо посмотреть. Открывает человек дверь, а ему пинок, и дверь снова закрывается. Голос из рефрижератора: «Ваня, за что ты его?» — «Ну, Петя, тут и так холодно, а он еще дверь открывает!»*

Ситуация, описанная в анекдоте, представляет собой стереотипическое соревнование трех героев, два из которых иностранцы, а третий — русский, представитель той культуры, в которой возник анек-

дот. Они должны доказать свою храбрость и силу в определенной ситуации, и каждый выбирает особую модель поведения. Через их поступки возникают стереотипические образы их культур: англичане любят карты и виски, французы — вино и женщин, русские — водку. Образ иностранца упрощается до тех черт, которые наиболее важны для определения его культуры и соответствуют стереотипам, существующим в русской культуре, и таким образом проходит процесс адаптации.

Обычно вызывают улыбку анекдоты, связанные с различными классификациями, касающимися представлений о других народах. Например: *Кто как ходит в гости. Англичанин — с чувством собственного достоинства. Русский — с бутылкой. Француз — с любовницей. Еврей — с женой и тортом. Возвращаются из гостей. Англичанин — с чувством собственного достоинства. Русский — с «фонарем» под глазом. Француз — с женой хозяина. Еврей — с женой и тортом. И каждый думает. Англичанин: «Не потерял ли я чувство собственного достоинства?» Русский: «Пустит Маишка или выгонит?» Француз: «Там еще дочь хозяина осталась». Еврей: «Там еще апельсины остались».*

Даже если соль анекдота не понятна сразу, носитель русской культуры легко догадывается о том, что сама структура анекдота должна подсказать его кульминацию. Например, переведенный на русский язык следующий анекдот не вполне вписывается в представление русских об итальянцах, но становится понятным благодаря контексту: *Как убедить новобранца-парашютиста сделать первый прыжок? Американцу нужно сказать: «Если ты мужчина, ты прыгнешь!» Англичанину: «Сэр, это — традиция». Французу: «Это — просьба дамы». Немцу: «Это приказ». Итальянцу: «Прыгать запрещено!»* Последняя реплика в анекдоте построена на контрасте, этот контраст базируется на типичном образе-стереотипе итальянца в глазах европейцев.

Более сложным является следующий анекдот с перепутанной классификацией: *Рай — это место, где полицейские — англичане, повара — французы, механики — немцы, любовники — итальянцы, а менеджеры — швейцарцы. Ад — это место, где повара — англичане, механики — французы, любовники — швейцарцы, полицейские — немцы, а менеджеры — итальянцы.*

Англичане с уважением относятся к своим полицейским, немецкие полицейские известны своей суровостью; известно также, что французская кухня славится своей изысканностью, а английская вызывает нарекания у французов и других европейцев (отметим, что современная английская кухня в значительной мере интернациональна). Немцы известны в Европе любовью к механике и точным механизмам; стереотип итальянца — страстный любовник; швейцарцы славятся своей дисциплинированностью и хорошими организаторскими способностями, (идея надежности закреплена в концепте «швейцарский банк»).

Этот анекдот становится понятным русским слушателям после комментария, но у европейцев, часто путешествующих по странам своего континента, данная перепутанная классификация вызывает неподдельную улыбку, так как они вспоминают, что во Франции никто не смог починить их автомобиль, в Италии им пришлось потратить много времени в аэропорту из-за административных неполадок и безответственности персонала и т. д. Иначе говоря, такого рода анекдоты базируются в значительной мере на личном опыте, т. е. на осознанном переживании непонятных реалий.

Приведем перевод еще одного английского анекдота, обыгрывающего стереотипы представления чужих этносов: *Немецкая, американская и шведская полиция участвуют в конкурсе — кто лучше всех ловит преступников. Дано задание: в лес выпущен заяц и его надо поймать. Шведские полицейские заводят животных-осведомителей по всему лесу, спрашивают всех растительных и минеральных свидетелей и после трех месяцев напряженного поиска приходят к выводу, что зайцев в природе нет. Американцы врываются в лес, две недели рыщут по лесу, никого не могут найти, поджигают лес, убивая всех, в том числе и зайцев, и никому не приносят извинений. Немцы принимают за дело и через два часа возвращаются с сильно избитым медведем, который вопит: «Да, я — заяц, я — заяц! Только не бейте меня ногами!»*

С точки зрения англичан и американцев, шведские полицейские излишне щепетильны и либеральны. Американская полиция отличается не изощренной жестокостью (здесь приоритет принадлежит немцам), а недостаточной компетенцией, которая компенсируется проявлением грубой силы. Обращает на себя внимание и акцентированное у американцев отсутствие такта («никому не приносят извинений»); последний признак является болезненным для тех культур, где принято соблюдать нормы вежливости, прежде всего — для английской культуры. Этот анекдот в общих чертах понятен носителям русской культуры, представляющим себе поведение американских суперменов по фильмам и знающим о жестокости немцев во время войны.

В английском анекдоте не столь важна географическая принадлежность персонажа, как этническая. В английском межкультурном анекдоте важную роль играют отношения близости: англичане противопоставляются чаще всего ирландцам и шотландцам, реже — французам и немцам, т. е. своим непосредственным географическим соседям, или американцам, с которыми англичане исторически неразрывно связаны. В русских же межкультурных анекдотах можно встретить и французов, и немцев, и шотландцев, и представителей других географически отдаленных национальностей. Наиболее часто в русских анекдотах встречаются французы, американцы или англичане, реже немцы.

Сравните: *Американец, француз и русский поспорили — кто всех храбрее? — «Мы, американцы, по жребию разыгрываем десять ма-*

шин, причем у одной из них нет тормозов, и мчимся по горной дороге... Потом один лежит в больнице, а остальные девять его навещают». «А мы у себя во Франции собираемся вдесятером, разыгрываем десять девушек, причем у одной из них сифилис... Потом один ложится в больницу, а остальные девять его навещают». «А у нас в России еще хлеще: рассказываем в компании политические анекдоты, причем все знаем, что один из нас стукач». «А потом?» «А потом девять сидят в тюрьме, а один носит им передачи».

Образ американца в этом анекдоте — прагматичный, практичный и успешный человек, что подтверждается наличием у него автомобиля. Необходимо отметить, что автомобиль является существенной чертой в русском стереотипе американца. Американцы также часто характеризуются как щедрые, богатые, уверенные в себе и храбрые, любящие женщин и готовые драться за них.

В английских анекдотах американцы чаще изображаются самоуверенными, шумными, крикливыми, открытыми, несдержанными и плохо воспитанными. Американцев отличает динамизм, инициатива, прагматичный подход не только к бизнесу, но и к жизни.

Пьянству в английских анекдотах чаще предаются ирландцы, в русских анекдотах — сами русские; роль «хитрецов» в английских анекдотах обычно отводится ирландцам, скупость и осторожность характеризуют шотландцев, тогда как в русских анекдотах этими качествами наделяются, как правило, украинцы, евреи и реже — шотландцы (в советских анекдотах эта роль отводилась габровцам). Роль «глупцов», отсталых людей, не сумевших приспособиться к современной цивилизации, в русских анекдотах принадлежит чукчам, гораздо реже — сельским обывателям, которые к тому же характеризуются скупостью, пьянством и ленью, в английских — сельским жителям и полякам, в чем сказывается влияние американских анекдотов. Приведем пример русского анекдота: *Пошли двое чукчей на охоту к морю. Убили моржа и тащат его волоком в поселок, тащат за хвост, морж клыками упирается в землю, им трудно, пыхтят, но тащат. Попадается им навстречу русский геолог, увидел их мучения и говорит: «Эй, мужики, чего вы так мучаетесь, вы его за клыки тащите». Послушались чукчи, взяли за клыки и тащат. Идут, идут и один говорит другому: «Умный геолога, однако, теперь легко идти». А другой зло говорит ему: «Дурак твой геолог! Вон, смотри, опять к морю пришли!»*

Финны и эстонцы нередко высмеиваются как глупцы за медлительность и несообразительность, к примеру: *Идут два финна по дороге. Вдруг видят у обочины оторванную ногу: «О, это кажется ногоа Яярве». Идут дальше и видят руку: «О, это кажется рука Яярве». Проходят мимо головы: «О, а этоо головаа Яярвее. Иохан, надеюсь с Яярвее ничего плохого не случилось». Или: «Едут в поезде два эстонца. Один спрашивает другого: «Не подскажите,*

до Галлина далеekoо?» — «Неет, недалеко». Через некоторое время: «А теперь до Галлина даалеekoо?» — «Неет, недалеко». Проходит еще некоторое время: «А теперь до Галлина даалеekoо?» — «Даа, теепеерь очень даалеekoо».

Образ иностранца при переходе в русскую культуру теряет сложность и сводится к набору нескольких стереотипических качеств. Возникает вопрос, на каком же основании выбираются эти качества. Чтобы быть понятным, в русской культуре образ должен быть адаптирован к некоторым культурным категориям. Таким образом, в анекдотах стереотипы формируются на основании существующих типических моделей. Эти модели в связи с анекдотами играют роль прототипических текстов, переработанных и трансформированных в гротескную репрезентацию самих себя.

Что касается образа американца, он выработывался в течение XX века главным образом под влиянием массовой культуры и телевидения. Стереотип француза в русской культуре существует очень давно. Французская культура начала играть важную роль в Европе с начала XVIII века. Стереотип француза как в английских, так и в русских анекдотах всегда связан с темами любви и секса и отражен в языке идиомами «французская пикантность, галантность, ветреность». Француз в анекдотах всегда играет роль страстного, утонченного любовника, соблазнителя, цель которого в жизни — наслаждаться любовью и обществом женщин. У него, как правило, есть жена и любовница. Французы в анекдотах характеризуются как бездельники, эпикурейцы, любители вина и изысканных блюд.

Необходимо отметить, что в тех анекдотах, где гендерное различие не является релевантным, стереотип иностранца является значимым для обоих полов. Приведем в качестве примера следующий анекдот: *Валяется на улице пьяный мужчина. Реакция проходящих мимо женщин. Англичанка: «Мужчина! Пьяный? Фу, какая непристойность!» Русская: «О! Мужик! Пьяный? Нажрался, подлец, а дома — жена, дети». Француженка: «Ах, мужчина! Пьяный — один? Один! Такси! Такси!»*

Француженка в анекдотах (как английских, так и русских) отличается не только элегантноcтью, грацией и очарованием, но также кокетством и стремлением флиртовать в любой ситуации. Она ведет фривольный образ жизни, не особенно заботясь о муже и семье. Сдержанность, столь важная для англичанки, в анекдотах ассоциируется со знаменитым чувством собственного достоинства, культивируемым англичанами. Английский снобизм и холодность, любовь к уютному интерьеру с камином, верной собакой и бутылочкой виски, религиозное следование этикету — основные стереотипические черты англичан, прототип которых диктуется телевидением и популярными фильмами. Англичанин в анекдотах изображается джентльменом, сдержанным интровертом (как в английских, так и в русских анекдотах). Он прагматичен, любит сигары и верховую езду и никогда не теряет

самообладания, сравните: *В Лондоне, в своем доме, в гостиной сидит англичанин, курит трубку и читает утреннюю «Таймс». Вдруг обваливается стена, и в гостиную, скрипя тормозами, въезжает «Бентли», за рулем которого сидит другой англичанин. Первый спокойно переводит на него взгляд, вынимает трубку и спрашивает: «Могу я спросить, куда сэр так торопится?» — «В Манчестер, сэр!» — «В таком случае, сэр, Вам было бы ближе через кухню...»*

В следующем анекдоте имя существительное, связанное со стереотипическим изображением представителя той или иной культуры, имеет предикативную функцию, определяя поведение, ожидаемое от представителей разных национальностей в одной и той же ситуации: *Двое мужчин и одна женщина оказываются на необитаемом острове. Как ведут себя представители разных народов? Англичане устраивают дуэль из-за женщины. Американцы затевают из-за нее драку. Французы живут втроем. Русские организуют колхоз: один — председатель, другой — секретарь парторганизации, а «народ» они отправляют в поле.*

Понятие дуэли соответствует стереотипу англичан — джентльменов; прототип того, что американцы устроят драку, диктуется голливудскими фильмами; поведение французов объясняется стереотипическим представлением о их фривольной жизни. Русские не проявляют никакого интереса или уважения к женщине: мужской шовинизм является одним из основных стереотипических качеств русских в русской культуре. В английских анекдотах эта черта русских не выделяется.

Стереотип русского в английских анекдотах — ленивый, недисциплинированный пьяница, живущий в жалких условиях в стране с жестоким климатом и не знакомый с реалиями современного мира. Сравните: *Русский, англичанин и француз заспорили о том, какой национальности был Адам. Француз говорит: «Конечно, Адам был французом! Кто еще может так обходительно и благородно обходиться с женщиной! Кто может так наслаждаться любовью!» «Нет, — говорит англичанин, — только настоящий джентльмен может отдать одно-единственное яблоко женщине!» Тут возразил русский: «Господа! Бросьте спорить! Адам был настоящим русским человеком! Только русский, имея одно яблоко и живя с голой задницей, может считать, что он в раю».*

Структура данного анекдота подчеркивает особенности русской культуры. В ситуации, представленной в анекдоте, каждый герой высказывает свое мнение. Реплики француза и англичанина соответствуют их стереотипам, принятым в русской культуре: француз выступает как страстный любовник, англичанин — как джентльмен. Их национальность предопределяет предсказуемость их действий. То, что последняя реплика принадлежит русскому, усиливает роль контрастного фона, выполняемого представителями других культур. Если реп-

лики иностранцев, даже соответствующие определенным стереотипам, отвечают логическим требованиям и вполне предсказуемы, поведение русского совершенно непредсказуемо. Непредсказуемость его действий, которая кажется неуместной, подчеркивается местом его слов в конце текста. Этот прием создает кульминацию анекдота и отмечает автопортрет русского такими чертами, как изобретательность и сообразительность. Русский изображен самым умным, проницательным, и таким образом он утверждает превосходство своей культуры.

Русские в анекдотах безрассудны, открыты, нетребовательны и общительны. Так, во времена дефицита водка, которую было трудно достать, стала для русских едва ли не главной радостью в жизни, что также отражается в анекдотах, сравните: *Русский, американец и немец попали к людоедам. Им сказали: «У нас есть в ущелье эхо. Вы будете кричать по очереди. Чьи слова эхо будет долго повторять, того оставим, остальных съедим».* Американец закричал: «*Рейган!*» Эхо повторило и замолкло. Немец закричал: «*Гитлер!*» Эхо повторило и замолкло. Русский как закричит: «*Мужики, в магазин водку завезли!*» Эхо: «*Где, где, где, где...где, где, где?*» И так целый час не могло успокоиться.

Во многих анекдотах в поведении русского четко просматриваются такие черты как грубость и невоспитанность, недостаток уважения к окружающим и способность преступить закон. Приведем следующий пример: *На дороге лежат часы. Мимо проходит немец: «Часы? В пыли?» Поднял, вынул платочек, смахнул пыль, положил на чистое место, на подставочку, пошел дальше. Подошел англичанин: «Часы? Проверим». Сверил со своим хронометром, поправил на двадцать четыре с половиной секунды, положил на место, пошел дальше. Появился наш человек: «Ага, часы?! Идут? Идут. Пошли со мной».*

В отличие от стереотипов иностранцев, в образах русских соблюдается строгая гендерная дифференциация. Если иностранцы ведут себя согласно стереотипам, общим для мужчин и женщин, русский стереотип женщины значительно отличается от мужского. Приведем следующий пример: *Встречаются как-то американка, француженка и русская. Американка говорит: «Я своему мужу после свадьбы так и сказала: „Я тебе готовить не буду!“ Ну, день его не вижу, второй, а на третий приносит микроволновку и сам себе готовит. Благодарь!» «А я, — говорит француженка, — тоже своему сказала, что стирать ему не буду. День его не вижу, второй, а на третий приносит стиральную машинку и сам себе стирает. Классно!» Русская говорит: «Я ему тоже сказала, мол, готовить, стирать, убирать я тебе не буду. День его не видела, второй, третий, а на четвертый правый глаз стал немного видеть».*

Русская женщина в большинстве анекдотов — покорная домохозяйка, полностью преданная семье. Она не является полностью независимым персонажем; ее функция скорее подчеркивать мужской шо-

винизм, который является одним из доминирующих качеств русского стереотипического мужчины. Англичанам подобное положение женщины в русских анекдотах и восприятие подобного поведения мужчины по отношению к ней как естественного и нормального кажется странным и унижительным. В английских этнических анекдотах крайне редко встречается гендерное противопоставление персонажей, поскольку их цель — высмеивание других этносов, а не собственной системы. Хотя в английских гендерных анекдотах противопоставление естественно, женщина не играет по отношению к мужчине роли подчиненного, подавляемого существа. В результате феминистического движения подобные анекдоты стали считаться неприемлемыми.

В то время как англичане в анекдотах высмеивают в основном других, русские высмеивают в первую очередь самих себя. Официальный образ русского как честного, ответственного, совестливого и воспитанного гражданина в анекдотах демифологизируется и трансформируется в образ грубого, агрессивного и нечестного человека, который рассказывает политические анекдоты, направленные против собственной системы, не заботится о своей семье, и чья главная забота — выпить с друзьями, повеселиться и избежать скандала дома. Тем не менее, несмотря на крайнюю негативность этого образа, которая усиливается контрастом с нейтральностью иностранцев, русский с успехом преодолевает трудности, смеясь над ними и над собой, и становится своего рода эпическим героем, который может решить любую проблему. По сравнению с иностранцами, русские в анекдотах всегда находятся не только в более низком моральном и интеллектуальном положении, но и материально неблагополучны, в то время как иностранец изображается очаровательным джентльменом и уважаемым гражданином. Тем не менее, русскому в анекдотах отводится право сказать последнее слово, и его действия настолько неожиданны и остроумны, что они получают признание как гениальные, особенно по сравнению с обычными и предсказуемыми поступками иностранцев.

В английской культуре очень распространены анекдоты, в которых обыгрываются нарушения речи или неправильная речь иностранцев. При этом могут использоваться стандартные приемы условного изображения речи иностранца. В языках существуют общепринятые способы подобного изображения. Так, в английском и русском языках традиционно изображаются особенности речи немцев и китайцев. Хотя такие особенности представлены довольно условно, они во многом определяются реальными языковыми различиями. Например, ошибки в выборе глагольного вида характерны для всех говорящих по-русски иностранцев, в языке которых нет подобных видовых категорий, а замена синтетической формы будущего времени глагола на аналитическую свойственна для немца, но не для француза. И при наличии стандартных способов изображения контаминированной речи они, естественно, широко используются. Сравните такие английские анекдоты: *How did chinese learn to speak? They dropped a spoon and*

heard: ching, kong, ting, king... Или: *Did you hear about the Chinese couple that had a black baby? They named him «Sum Ting Wong».*

Нередко в анекдоте изображена неправильная речь человека такой национальности, в отношении которой в языке перевода не существует установившегося способа изображения. В этих случаях выбираются некоторые контаминированные формы, которые могут восприниматься не только как речь иностранца, но и как речь человека малообразованного. Как в английских, так и в русских анекдотах нередко высмеивается контаминированная речь иностранца, иммигранта или представителя определенного социального слоя. Необходимо отметить, что в русском анекдоте характерные искажения произношения передаются достаточно тщательно, когда в текст анекдота нередко включаются целые слова и выражения, используемые представителями той или иной этнической или социальной группы. В английском анекдоте этническими маркерами могут служить разве что имена, а для того чтобы продемонстрировать речевые искажения, англичане просто включают в текст анекдота неправильные, неграмотные структуры. Характерный акцент достаточно редко передается точно. Сравните: *A US Border Patrol Agent catches an illegal alien in the bushes right by the border fence, he pulls him out and says: «Sorry, you know the law, you've got to go back across the border right now». The Mexican man pleads with them: «No, noooo Senior, I must stay in de USA! Pleeeeze!» The Border Patrol Agent thinks to himself: «I'm going to make it hard for him, — and say, — OK, I'll let you stay if you can use 3 English words in a sentence». The Mexican man of course agrees.*

The Border Patrol Agent tells him: «The 3 words are: Green, Pink and Yellow. Now use them in 1 sentence». The Mexican man thinks really hard for about 2 minutes, then says: «Hmmm, OK. The phone, it went Green, Green, Green, I Pink it up and sez Yellow?»

Нередко в английских этнических анекдотах обыгрываются имена иностранцев, например: *What Irish person can never leave the backyard? — Patio Furniture. What do you call two Mexicans playing basketball? — Juan on Juan.*

Е. Шмелева в статье «Мы и они через призму анекдотов» исследует связи между типическим сюжетом анекдота или речью персонажей и релевантным этническим стереотипом. Она замечает, что, рассказывая анекдоты про украинцев, русские в шуточной форме имитируют украинский язык, а не акцент, как обычно происходит в других русских этнических анекдотах. Пародии на украинскую речь, насмешка над смешно звучащими украинскими словами и именами, равно как и привычками и этническими характеристиками украинцев — знаки, позволяющие безошибочно определить, что данный анекдот про украинцев возник в русскоязычной среде (Шмелева, 1996: 216–218). К примеру: *«Куме, а вы чули шо Юля казала, шо з нафтою та газом у нас все гарно и кризи не буде?» — «Та вы шо? Вона так казала?»*

Значит змерезнемо циею зимой». — «Та не хвильотесь куме. Ющенко ГАИ видминув. Вин и зыму выдменить».

В русских анекдотах достаточно точно передаются характерные особенности речи прибалтийских народов, сравните: *Эстонец рассказывает сыну сказку на ночь: «Жи-лли быыылли старшик са старуюху и былааа у них... о-о-о просытаайся сынок в саадик пора!!!»*

В анекдотах нередко высмеиваются и дефекты речи, например: *В хлебном магазине. Заика: «Б-б-б-булочку з-з-за т-т-три рубля!» — Продавец: «П-п-п-ожалуйста!» Другой покупатель: «И мне!» — «Пожалуйста!» Заика продавцу: «Д-д-д-дразнишься н-н-н-надо м-м-м-м-ной?» Продавец заике: «Н-н-н-ет, н-н-н-над ним!»* Этот анекдот можно отнести к шутовскому типу, абсурд ситуации очевиден, подчеркивается нормальность правильного и ненормальность дефективного произношения.

Итак, современный русский анекдот отражает количественную и качественную асимметрию идентифицирующих признаков гендерно маркированных единиц: мужчина предстает в текстах русской смеховой культуры прототипическим социальным деятелем, в то время как женщина выступает как дополнительный по отношению к мужчине объект, не нуждающийся в дополнительной идентификации. Патриархальные общественные стереотипы о роли женщины в обществе находят отражение как в английских, так и в русских анекдотах; presupпозиция о праве мужчины ударить женщину в большей степени распространена в русских анекдотах, нежели в английских. В Англии подобные анекдоты циркулируют только в определенных социальных группах. Такие стереотипические качества женщин как глупость, непрофессиональность, излишняя эмоциональность, неспособность управлять автомобилем чаще высмеиваются в английских анекдотах. Русские анекдоты в большей мере представляют женщину либо покорной домохозяйкой, либо сварливой женой, отравляющей жизнь мужчине. В отличие от английских анекдотов, в русских высмеиваются как низшие, так и высшие социальные слои, в том числе представители разных профессиональных групп. Социальные и профессиональные группы людей — объекты английских и русских анекдотов — различны, и высмеиваемые стереотипические качества представителей аналогичных групп отличаются. Качественная асимметрия проявляется в содержании английских и русских этнических анекдотов, объектом шутки в которых выступают различные группы в качестве носителей тех или иных качеств, совпадающие лишь в некоторых случаях. В то время как англичане высмеивают других и изображают себя носителями «нормы», парадигма «глупцы — норма — хитрецы» не всегда проявляется в русских этнических анекдотах. Русские в анекдотах нередко высмеивают самих себя. Современный английский анекдот отражает тщательную передачу контаминированной речи представителей следующих этнических групп: китайцев, афроамериканцев, жителей юга Америки, в меньшей степени мексиканцев. В ос-

тальных случаях используются неправильные структуры, характеризующие также речь малообразованных людей. Русский анекдот характеризуется более тщательной передачей специфического акцента, нежели английский, а также более частым употреблением в тексте анекдота иностранных слов, имен собственных.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. **Шмелева Е. Я.** Мы и они через призму анекдотов // *Aspekteja*. Tampere, 1996. — С. 211–275.
2. **Шмелева Е. Я., Шмелева А. Д.** Русский анекдот: Текст и речевой жанр. — М.: Языки славянской культуры, 2002. — 144 с.
3. **Davies C.** *Ethnic Humor Around the World: A Comparative Analysis*. — Bloomington: Indiana UP, 1990. — 374 p.
4. **Davies Christie.** *Jokes and Their Relation to the Society*. Humor Research 4. — Berlin & New York: Mouton de Gruyter, 1998. — 163 p.
5. **Palmer A. R.** *Fluctuating asymmetry analyses // Developmental Instability: Its Origins and Evolutionary Implications*. — Kluwer, Dordrecht, 1994. — P. 335–364.

КУЛЬТУРНАЯ ЗНАЧИМОСТЬ И ФУНКЦИИ АМЕРИКАНСКИХ СЛЕНГОВЫХ МЕТАФОР В РЕЧИ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО И НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКОВ)

А. С. Егорова, Н. П. Макарова, Е. С. Балашова

В настоящее время в языке современной американской художественной литературы, в средствах массовой информации активно используется американский общий сленг, привлекательность которого во многом обусловлена наличием ярких, броских выразительных метафор, которые имеют свой историко-социальный фон, возникают как отражение наиболее значимых для носителей языка областей опыта, культурных приоритетов, отражают оценку современных общественных отношений, содержат культурные аллюзии либо универсального, общекультурного характера, либо национально-специфического, свойственного современной культуре.

Культурное понятийное поле сленговых метафор можно определить по *ключевому слову* (Вежбицкая А.) или использовать ключевое слово, обозначив понятийную сущность ряда современных метафор, относящихся к данной области человеческого опыта, человеческих отношений. Современные тексты модных молодежных журналов наполнены сленговыми метафорами, которые активно используются в общем сленге, знакомы современному читателю средств массовой информации, несут известную для владеющего этой лексикой культурную информацию, содержат понятную ему культурную аллюзию,

которая расшифровывается на основе культурных ключевых слов.

Имеется целый ряд сленговых метафор, для правильной интерпретации которых необходимы фоновые культурные сведения; можно выделить сленгизмы, имеющие общую отнесенность к данной культуре, а также сленгизмы, отражающие культурные ценности некой субкультуры внутри доминирующей культуры; можно классифицировать группы культурно-коннотированных сленгизмов в зависимости от той области, к которой они относятся. Культурными аллюзиями могут выступать названия популярных торговых марок, рекламные слоганы и т. п.

В когнитивной лингвистике метафора рассматривается как одна из форм концептуации, как когнитивный процесс, который выражает и формирует новые понятия и без которых невозможно получение нового знания, особое значение при этом имеют социокультурные факторы образования концептуальной метафоры и выявление культурных пресуппозиций при интерпретации сленговых метафор. Онтологические метафоры, которые выражают осмысление человеческого опыта, различные оценки событий, действий, эмоций, идей как предметы или как некие физические объекты, становятся доступны лишь при понимании их культурных пресуппозиций. В этой области различаются культурные фоновые знания, специфические для данной национальной культуры, и уже для данной субкультуры, или для конкретной культурной ситуации общения. Имеются многочисленные социокультурные сферы, в которых возникает специальный сленг, некоторые элементы которого с течением времени переходят в общий сленг, а далее в стандартное словоупотребление (Фоменко О. В., 2004: 108–109; 115–120; 126–127).

Являясь одним из возможных ответов на потребности номинации, возникающие в результате языковых контактов и расширения под влиянием других языковых социумов опыта данного языкового коллектива, они представляют собой определенную экономию языковых усилий при порождении речи, так как для заполнения номинативных лакун, возникших в данном языке, используются готовые единицы чужого языка. В то же время потеря прежних ассоциативных связей, существовавших в языке, из которого они заимствованы, влечет за собой и потерю возможной присущей заимствованным словам в языке источнике мотивированности, что соответственно вызывает существенные трудности при распознавании их смысла в процессе восприятия речи.

Жизнь общества — это постоянное движение. Это большие, малые и совсем неприметные изменения и события, появление значительных или малозначительных или даже, казалось бы, совсем неважных, но раньше совсем не существовавших или незаметных фактов любого рода — начиная от новых предметов потребления и заканчивая новыми культурно-историческими и социально-политическими идеями. Все эти перемены, создаваемые обществом, требуют и получают

соответствующее словарное оформление в виде названий (номинаций).

Проблема соотношения языка и культуры вызывает живой интерес у исследователей, ярко выражается в большем объеме публикаций по данному вопросу. Одним из первых ученых, которые обобщили разнообразные точки зрения и предложили свой взгляд на взаимосвязь и взаимодействие языка и культуры, является С. Г. Тер-Минасова (Тер-Минасова С. Г., 2000: 14–18).

Цель настоящей статьи — рассмотреть вопрос о культурной значимости американских сленговых метафор и об их функционировании в двух близкородственных языках.

Метафора всегда привлекала внимание как отечественных, так и зарубежных исследователей, таких как Артюкова Н. Д. (Артюкова Н. Д., 1979: 10–18); Гак В. Г. (Гак В. Г., 1988: 11–26); Девкин В. Д. (Девкин В. Д., 1973: 344). Интерес к метафоре способствовал взаимодействию различных направлений научной мысли, их идейной консолидации, следствием которой стало формирование когнитивной науки, занятой исследованием разных сторон человеческого сознания. Среди семантических проблем, которые решают когнитивные лингвисты, основная — проблема метафоры. При наиболее общем подходе метафора рассматривается как выражение одного объекта через другой и в этом смысле является одним из способов репрезентации знания в языковой форме. При этом одно и то же мыслительное пространство может быть представлено посредством одной или нескольких концептуальных метафор.

Процесс образования метафор имеет определенный коммуникативный статус и включает в себе основные признаки «разговорности»: отражение психологии носителя языка и ситуаций повседневной жизни; спонтанный характер выражения, эмоциональность, конкретность, образность, фамильярность (Теория метафоры, 1990: 512). Сложные сленговые метафоры часто переходят в стандарт. Сравним примеры, приводимые Г. Менкеном в своем исследовании, которые появились как сленгизмы, но со временем стали элементами нормативной речи: *section band* (1783); *bard wire* (1880); *bargain counter* (1888); *sharecroppers*; *trouble shooter* (1931); *shanty town* (1888); *shore dinner* (1895); *summer kitchen* (1874); *chewing gum* (1850); *monkey business* (1883) и др.

Глагол *piss* появился в среднеанглийском из французского, в XVIII веке означал запрет, в XIX веке считался вульгаризмом, в XX веке во время Второй мировой войны стал нейтральным словом и вошел в употребление в форме *pissed off*. Данная форма употребляется не только в английском, но и в немецком языке, она употребляется чаще всего в неофициальной речи в виде аббревиатуры *p.o (ed)*, значительно удаляясь от оригинальной формы, утрачивая семантическую связь с ней.

Наглядным примером взаимодействия культур являются амери-

канские сленговые метафоры, отражающие национальные стереотипы. Примерами данного случая могут служить образования с ключевым немецким словом *Deutsch* (в английском варианте *Dutch*):

— *talk a Dutch* или *talk double Dutch* — говорить на иностранном языке или говорить непонятно;

— *do a dutch* — убежать;

— *Dutch auction* или *sale* — мнимый аукцион или распродажа по номинальной стоимости, особенно после того, как товары предлагались по высокой цене;

— *Dutch* или *wet bargain* — сделка, заключенная за бутылкой вина;

— *Dutch comfort* — слабое утешение;

— *Dutch concert* — «кошачий концерт», кто в лес, кто по дрова;

— *Dutch feast* — вечеринка, на которой хозяин напивается раньше гостей;

— *Dutch treat* — угощение, за которое каждый платит сам;

— *In Dutch* — в неприятном, трудном положении; в немилости.

Некоторые выражения носят юмористический оттенок:

• *It beats the Dutch.* — Поразительно! Странно!

• *It is all Dutch to me.* — Для меня это китайская грамота.

• *Double-Dutch* — двусмысленно.

• *Dutch courage* — смелость пьяного (отсюда — спиртное).

• *Dutch uncle* — человек дающий советы менторским тоном или на правах старшего родственника.

• *To go Dutch* — платить свою часть за угощение; устроить складчину.

Нельзя отрицать существенные различия между английским и немецким языком. Языки могут быть неоднородными (в различной степени) и могут не иметь фиксированных очертаний, но это не означает, что они представляют собой чистые фикции. Показательно в этом отношении расхождение с другим языком, а не четкие границы языка (как отдельно индивидуального явления).

Язык — в частности его словарный состав — «представляет собой лучшее доказательство реальности „культуры“ в смысле исторически передаваемой системы „представлений“ и „установок“. Конечно, культура в принципе является неоднородной и изменчивой, но таков и язык», — отмечает А. Вежицкая, исследуя различные представления об отношениях между людьми, и как они исторически передаются в различных языках (Вежицкая А., 1999: 416).

Приведем два немецких примера, в которых сленговые слова выполняют особую лингво-стилистическую функцию. Например, слово *barzen*, употребляемое в частности в кругах потребителей наркотиков: «*Barzen wir eine zusammen? Was' n das? Eine rauchen*». Более известно в этой же связи слово *tornen* = *Rauschgift zu sich nehmen* — принимать наркотик и производные *antörn*, *angetörnt*, означающие

lustig nashen, begeistern — ловить кайф, кайфовать. В речи людей, которые не имеют прямого отношения к данной группе лиц, эти сленговые слова приобретают особую эмоционально-экспрессивную окраску. Эта лексика выполняет в первую очередь характерологическую функцию, она определяет языковые приметы описываемой среды и соответственно коннотирует, т. е. несет дополнительные семантические или стилистические оттенки, которые накладываются на его основные значения.

Как показало наше исследование, в настоящее время в английском и немецком языках сленговые метафоры интенсивно развиваются, проникают во все сферы функционирования языка, используются в различных стилистических регистрах, находятся в пределах компетенции любого обычного пользователя языка, входят в общую лексическую систему языков и в ряде случаев фактически переходят в стандарт.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. **Артюкова Н. Д.** Языковая метафора: синтаксис и лексика // Лингвистика и поэтика. — М.: Наука, 1979. — С. 10–18.
2. **Вежбицкая А.** Язык. Культура. Познание. — М.: Русские словари, 1999. — 416 с.
3. **Гак В. Г.** Метафора: универсальное и специфическое // Метафора в языке и тексте. — М.: Наука, 1988. — С. 11–26.
4. **Девкин В. Д.** Немецкая разговорная лексика. — М.: МГПИ, 1973. — 344 с.
5. **Тер-Минасова С. Г.** Язык и межкультурная коммуникация. — М.: Слово/Slovo, 2000. — С. 14–18.
6. **Фоменко О. В.** Метафора в современном американском сленге. — Коломна: КГПИ, 2004. — С. 108–109; 115–120; 126–127.
7. Теория метафоры. — М.: Прогресс, 1990. — 512 с.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ КРОССКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ПРИ НАПИСАНИИ РЕЗЮМЕ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ И ПОДГОТОВКЕ К СОБЕСЕДОВАНИЮ С РАБОТОДАТЕЛЕМ

Е. В. Кваскова

В последнее время в обучении иностранному языку все чаще внимание обращается на то, что изучение иностранного языка означает прежде всего приобщение к иной культуре, умение успешно решать коммуникативные задачи в условиях межкультурного общения.

Из этого следует, что важным компонентом содержания обучения должно быть формирование у обучаемых межкультурной коммуникативной компетенции, т. е. речевое поведение должно быть ориентировано на иностранного адресата.

Умение ориентироваться на рынке труда, правильно написать заявление и резюме, способность наилучшим образом представить свои знания, возможности и достоинства и, следовательно, эффективно пройти собеседование с работодателем являются важными элементами делового общения.

В связи с глобализацией, планами России по вступлению в ВТО, с расширением межкультурных контактов и приходом в Россию западных работодателей возникает необходимость в специалистах, владеющих иностранным (в большинстве случаев английским) языком и компетенцией в межкультурной коммуникации.

Английский язык — это единственный универсальный язык общения в международных компаниях, независимо от того, где находится центральный офис компании, зарегистрирована ли компания в англоязычной или любой другой стране.

Когда международная компания выходит на российский рынок, ей требуется набрать штат специалистов в той или иной области, которые не только владеют знаниями отраслевой специфики, но также овладели основами менеджмента и могут общаться на английском языке. Сегодняшнему бизнесу все больше требуются люди, имеющие управленческие навыки, опыт работы в российских или западных компаниях и знание западных технологий бизнеса. При выборе того, кому же отдать предпочтение — представителю России или Запада, все чаще принимается решение в пользу российского менеджера. Это объясняется целым рядом причин.

Преимуществами западного менеджера являются, как правило, лучшие навыки и опыт, он(а) лучше способен принимать решения, может быстрее ввести западную культуру управления, быстрее достигает результатов. К недостаткам можно отнести необходимость платить более высокую зарплату, ограниченный срок работы, так как через три, максимум четыре года, наладив бизнес, такой специалист переходит на другую должность; а также часто возникающая необходимость иметь помощника в вопросах, касающихся местных условий и традиций.

К преимуществам найма местного менеджера можно отнести следующее: уже имеет хорошие контакты, лучше знает язык общения, лучше знает ментальность и культуру, «дешевле» стоит и, как правило, имеет очень хорошее техническое образование. Тем не менее, западные фирмы хорошо понимают и те проблемы, с которыми они могут столкнуться при найме российского специалиста. На начальном этапе ему(ей) необходима помощь, требуется время для изучения западной модели управления и западной бизнес-культуры, нельзя ожидать быстрых результатов, обычной проблемой является недостаточная способность принимать решения и брать на себя ответственность.

Часто оптимальным решением для фирмы является найм западного менеджера на начальном периоде с последующей заменой на

российского, которому, как правило, присущи российская гибкость, динамичность, умение действовать в изменяющихся условиях. Здесь и возникает необходимость хорошо написать резюме и пройти собеседование с работодателем.

Задача преподавателя английского языка — психологически и лингвистически подготовить студентов, аспирантов или слушателей к возможной будущей встрече с менеджером по персоналу или любым другим представителем компании, проводящим интервью на английском языке.

Одним из необходимых этапов является правильное понимание таких понятий, как:

Job Description u Job Specification.

Job description: a broad statement of the purpose, scope, duties and responsibilities of a particular job.

Job specification (or Profile): a detailed statement of the physical and mental activities involved in a job, and, where relevant, of social and physical environmental matters. The specification is usually expressed in terms of behavior — i. e. what work person does, what knowledge he or she uses doing it, the judgements she or he makes and the factors the job holder takes into account when making them. Job specification describes the behavior necessary to actually do the tasks.

При изучении темы рассматриваются и другие термины и лексические трудности, с которыми сталкиваются студенты при рассмотрении этого этапа:

skills/experience;

knowledge/expertise;

a certificate/a qualification;

a career/a profession;

background/biography/education.

Анализируются также такие понятия, как *executive, source, reference, search, recruitment, shortlist, evaluation, hire, hiring, applicant, etc.* Рассматриваются различия между двумя существующими способами поиска персонала: *staff selection and executive search.* Слушателю можно предложить обсудить конкретные ситуации, которые в дальнейшем могут быть проработаны в аудитории, типа:

1. *Discuss with your friend how to attract the attention of headhunters.*

2. *You are an experienced business person. You switched jobs several times and were interviewed by an executive search consultant. What advice would you give to a recent graduate?*

3. *You received a phone call from a headhunter. What will you say if you are in the office? At home? Make a dialogue.*

Важным компонентом в процессе поиска работы в международной фирме является правильное психологическое поведение, в частности хорошее понимание своих целей, возможностей, конкурентоспособности на рынке труда, возможного уровня заработной платы, на

которую можно претендовать, возможные компромиссы и т. д. Для формирования правильной самооценки студентам предлагаются вопросы типа:

1. *With which of your skills and abilities are you satisfied most of all?*

2. *Make a list of your positive experiences and try to explain them.*

3. *What kind of job will be ideal to you?*

4. *Which gaps in your knowledge and skills should be filled to obtain your ideal job?*

5. *What are your short-term and long-term objectives in your career? etc.*

Правильная самооценка (self-assessment), правильное понимание своих сильных и слабых сторон помогают адекватно оценить свои возможности и добиться своих целей. Как правило, самым трудным для человека является ответ на вопрос: «*What kind of person are you?*». Чтобы на него ответить, требуется некоторое время и набор необходимой лексики на английском языке.

Другим важным компонентом правильного психологического поведения является стратегия телефонного разговора. Следует рассмотреть эффективные способы контакта с работодателем по телефону, в частности четыре неотъемлемые части каждого законченного телефонного контакта:

1. *Name — Who are you?*

2. *Position — What do you want?*

3. *Hook — What do you have to offer?*

4. *Goal — Interview.*

Также рассматривается понятие «cold calling» и приводится сценарий соответствующего телефонного разговора на английском языке.

Таким образом, при рассмотрении темы рынка рабочих мест выполняются упражнения и задания, направленные на формирование навыков чтения и понимания объявлений о вакансиях, умения правильно оценивать и формулировать достоинства и недостатки того или иного предложения, обсуждаются типичные заблуждения и реальности, с которыми сталкиваются соискатели.

Следующим хронологически и логически оправданным этапом является написание заявления. Многие крупные компании работающие на российском рынке, имеют свои собственные анкеты, которые заполняются претендентами на должность самостоятельно. Тем не менее, могут возникнуть ситуации, когда претенденту самому необходимо написать обращение — *Letter of Application*. Например, объявление в газете просит откликнуться желающих получить должность не только в форме заполнения анкеты фирмы, но и или написать письмо-обращение, или выслать резюме. Письмо-обращение имеет определенную структуру, содержит соответствующие фразы-клише, — это часть письменного делового английского языка. Все эти особенности рассматриваются на занятиях, выделяются ключевые моменты.

На занятиях даются практические советы по написанию резюме. В нем приводятся ключевые слова и выражения, которые будут необходимы соискателям при составлении резюме. Дается также информация о современных структурах и форматах резюме. Рассматривается разница между хронологическим и функциональным резюме.

Преподавателю необходимо обратить внимание студентов на структуру CV, последовательность разделов, грамматическую и лексическую составляющую и на правописание. Объясняется необходимость правильного отбора лексики, приводятся конкретные примеры неправильно написанных резюме, когда составитель не владеет необходимыми знаниями о структуре, о значении некоторых слов в деловом английском языке. Ниже приведены некоторые типичные ряды слов, значение и правильное употребление которых необходимо знать:

- *University – Institute;*
- *Diploma with Honours (not Red Diploma);*
- *Economics – Economy;*
- *High – Higher education;*
- *Major – Specialization;*
- *People – Peoples – Persons;*
- *Post – Position – Job;*
- *Area – District – Region;*
- *Object – Objective;*
- *Aim – Goal – Purpose – Objective – Target;*
- *Possibility – Opportunity;*
- *Implement – Realize.*

Как правильно выбирать людей, дающих характеристику, в какой форме необходимо давать рекомендации (references) и на какие возможные вопросы следует дать ответы — все это тоже предмет рассмотрения по данной теме. Приведем некоторые ключевые слова и понятия, рассматриваемые по этому разделу: *referees, references, reliable, applicant, confirm, to be hidden, assessment of personal qualities, to know the applicant professionally, former superiors and subordinates, reference checking, a matter of greatest confidence, current employers, to perform present job, reasons for quitting the company, to be available, notice time, available on request, relevant information, to give the best clues, follow-up, etc.*

Завершающий этап — интервью или собеседование. Сколько говорить и сколько слушать каждому участнику собеседования, как отвечать на коварные вопросы интервьюера, как одеваться, задавать ли вопросы или только отвечать на них, можно ли прерывать проводящего собеседование и можно ли не соглашаться с ним/ней — эти и еще многие другие вопросы обсуждаются на занятиях. Ряд вопросов, задаваемых интервьюером, можно считать «коварными». На такие вопросы необходимо заранее продумать ответы, не только их содержательную сторону, но и заранее продумать адекватные языковые средства. Примерами таких вопросов могут служить следующие:

- *Why do you want to work for us?*
- *What would you do for us?*
- *Why should we hire you?*
- *What kind of person are you?*
- *What are your strong/weak points?*
- *What makes you going?*
- *What is your best achievement?*
- *What job is the best for you if you could choose of all jobs existing in the world?*
- *When are you available? / What is your notice time?*

Более подробный список вопросов и ответы на них могут быть обсуждены во время занятия.

Таким образом, совместная работа преподавателя и студента может существенно облегчить реализацию конкретной деловой задачи и добиться успеха.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. **Алмазова Н. И.** Further Steps for More Effective Communication. — СПб. : Изд-во СПбГУЭФ, 2003. — 134 с.
2. **Алмазова Н. И., Киселева З. А.** Conversational Classes for Future Economists. — СПб. : Изд-во СПбГУЭФ, 2006. — 115 с.
3. **Грушевицкая Т. Г., Попков В. Д., Садохин А. П.** Основы межкультурной коммуникации. — М., 2003. — 352 с.
4. **Дюканова Н. М.** Английский язык для экономистов : учеб. пособие. — М. : ИНФРА-М, 2006. — 320 с.
5. **Рыжков В. Д.** Разговорный английский язык в бытовых и деловых ситуациях. — Калининград : Янтар. сказ, 1999. — 304 с.
6. **Шелкова Т. Г., Мелех И. Я.** Как вести беседу по телефону. Практическое пособие по разговорному английскому языку : учеб. пособие. — М. : Высш. шк., 1989. — 96 с.

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ВЛАДЕНИЕ ИНОСТРАННЫМИ ЯЗЫКАМИ В КОНТЕКСТЕ БОЛОНСКОГО ПРОЦЕССА: ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Н. В. Леткина

В настоящее время, в эпоху глобализации, когда происходит усиление сотрудничества между нациями, изучение иностранных языков приобретает все бóльшую актуальность. Происходит это под воздействием различных процессов и факторов: политических, экономических, социальных, информационных, культурных и др.

Процесс глобализации неразрывно связан с появлением образованного общества как основного фактора успешного международного сотрудничества и международной деятельности. Еще в Древнем

Египте грамотность была очень высокой привилегией и уделом весьма ограниченного круга людей. Сегодня углубленная профессиональная подготовка предоставляет доступ к высокооплачиваемой работе, причем не для меньшинства, а для большинства молодых людей. Высшее образование более не является личным призывом или привилегией, оно стало социальной потребностью³.

Процессы глобализации, которые мы сейчас наблюдаем в системе образования, тесно связаны с событиями последнего десятилетия прошлого столетия.

В 1998 г. министрами образования четырех стран (Франции, Германии, Италии и Соединенного Королевства) была подписана Сорбонская декларация, которая отражала стремление создать в Европе не только общую валютную, банковскую и экономическую системы, но и единый массив знаний, опирающийся на надежную интеллектуальную, культурную, социальную и техническую основу. Учреждениям высшего образования отводилась роль лидеров в этом процессе. Основной идеей декларации было создание в Европе открытой системы высшего образования, которая смогла бы способствовать созданию единого пространства преподавания и обучения, в котором студенты и преподаватели располагали бы возможностью неограниченного передвижения и сложились бы все условия для более тесного сотрудничества.

На следующий год привлекательность идей Сорбонской декларации подтвердилась. В 1999 г. в Болонье органы, ответственные за высшее образование в 29 европейских странах, подписали так называемую Болонскую декларацию. Этой декларацией были определены три основные цели стран-участниц: международная конкурентоспособность, подвижность и востребованность на рынке труда.

Основной целью Болонского процесса является создание к 2010 г. европейского образовательного пространства с тем, чтобы увеличить способность выпускников к трудоустройству, повысить академическую мобильность граждан и нарастить конкурентоспособность европейской высшей школы⁴. Под термином «академическая мобильность» в общепринятом смысле этого слова обычно понимают перемещение учащихся и учебного персонала в другие образовательные учреждения на относительно короткий срок для обучения, проведения исследований или стажировок⁵.

³ **Згара П.** Современные тенденции в сфере высшего образования в Европе // Высшее образование сегодня. — 2005. — № 12. — С. 22–28.

⁴ Конвенция о признании квалификаций, относящихся к высшему образованию в Европейском регионе / Отд. изд. на англ., франц., исп. и русск. языках. — Р. : UNESCO Publishing, 1997. — 75 с.

⁵ Подготовка специалистов для зарубежных стран в России: Состояние и перспективы развития. Информационно-аналитические и методические материалы / под ред. А. М. Кондакова, Т. И. Галишиковой, Н. И. Зверева, М. А. Слепцова. — М. : «Радио и связь», 1999. — 160 с.

Ректор СПбГУ Л. А. Вербицкая в этой связи отмечает, что любой образовательный институт, желающий развивать международное сотрудничество с целью получения каких-либо ощутимых результатов, сталкивается с практическими проблемами, одной из которых является языковой барьер⁶.

Все понимают, что первая предпосылка международного сотрудничества — это обеспечение взаимопонимания посредством преподавания/изучения общего языка и предоставление студентам образовательных программ на том языке, который они могут понимать.

Многие европейские страны сигнализируют о своем переходе к интернационализации, вводя курсы по изучению английского языка для того, чтобы приспособить или привлечь иностранный профессорско-преподавательский состав или зарубежных студентов⁷.

Перспективы вхождения России в мировой рынок квалифицированного труда ставят непереносимым условием владение европейскими иностранными языками международного значения на профессиональном уровне. Опыт Европы свидетельствует о том, что это как минимум английский, немецкий и французский языки — в разной степени языковой способности.

Образовательная дисциплина «Иностранный язык» входит в учебные планы практически любого вуза России. В МГУ им. Н. П. Огарева продолжительность обучения, в зависимости от факультета, по обычной часовой сетке, составляет 340 часов (2–3 года при средней нагрузке 2–3 часа в неделю). Исключением является специальность «Регионоведение», где изучение иностранного языка ведется на протяжении всего срока обучения.

Уровень языковой компетенции, который улучшенные университетские программы предлагают студентам нелингвистических специальностей, зачастую ориентирован на пассивное умение читать и переводить. Это, конечно, помогает выпускнику найти свой путь в специальности, но общение и компетентное выражение своих мыслей в письменной форме остаются проблемой.

Кажется что процессы глобализации, в которые мы все вовлечены, требуют, чтобы студенты нелингвистических специальностей получали более прочную подготовку по иностранным языкам, чем сейчас. Еще в 1997 г., по-видимому, предвидя события 1998 г. в Сорбонне, был издан приказ Министерства Образования РФ от 4 июля №1435, который давал право неязыковым вузам, получив соответствующее разрешение, реализовывать программы подготовки с целью присвоения выпускникам дополнительной квалификации «Переводчик в сфере профессиональной коммуникации» (третий уровень профессионального образования).

⁶ **Вербицкая Л. А.** Глобализация и интернационализация в образовании и важность изучения иностранных языков // «Мир русского слова». — № 02. — 2001.

⁷ **Scott P.** The Globalization of Higher Education. The Society for Research into Higher Education and Open University Press, 1998.

В МГУ им. Н. П. Огарева подготовка по данной программе ведется с 2003 г. Цель программы — обеспечить подготовку квалифицированных специалистов научно-технического перевода из числа студентов естественно-научных, гуманитарных и инженерно-технических факультетов, а также лиц с высшим образованием, желающих получить дополнительную квалификацию.

Программа рассчитана на 1 500 часов общей трудоемкости (5 семестров). Для студентов, получающих данную дополнительную квалификацию одновременно с основной, программа начинается, как правило, с 5-го семестра, после того, как студенты овладели необходимым минимумом знаний по иностранному языку.

В программу по дополнительной квалификации входит изучение общих дисциплин — «Введение в языкознание», «Стилистика русского языка и культура речи», «Основы теории изучаемого языка» (теоретическая грамматика, лексикология, стилистика английского языка), «Практический курс иностранного языка»; изучение специальных дисциплин — «Теория и методы перевода», «Практический курс профессионально ориентированного перевода», практикум по письменному переводу текста и две переводческие практики. В завершении курса студенты, успешно сдавшие государственный квалификационный экзамен, получают диплом государственного образца с присвоением дополнительной квалификации «Переводчик», после чего выпускник имеет право ведения самостоятельной профессиональной переводческой деятельности.

Следует также отметить, что если Россия вступит в ВТО, то понадобится большое количество высококвалифицированных кадров, обладающих современными знаниями и навыками, которые отвечают потребностям компаний.

Подводя итог, необходимо отметить, что высшие учебные заведения играют большую роль в повышении конкурентоспособности своих стран на рынке знаний и информации. Ведь именно в них формируется поколение, которое сможет легко адаптироваться и эффективно взаимодействовать в новом глобальном мире.

ТЕКСТ-ПИСЬМО КАК ЕДИНИЦА МЕЖКУЛЬТУРНОЙ ЭПИСТОЛЯРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

О. Ю. Леваикина

В современной жизни одним из важнейших средств межличностного и межкультурного общения является письменная (эпистолярная) коммуникация, где основными каналами связи выступают электронная почта и факс. Люди регулярно посылают друг другу деловые и личные письма (в основном посредством Интернет), фиксиру-

ют на бумаге свои договоренности и т. д., в результате чего наблюдается повышение интереса к письменным видам речевой деятельности и возросшая потребность в практическом овладении ими. Однако исследования письменных работ на неродном языке сконцентрированы главным образом лишь на дидактических аспектах, а работ, посвященных анализу текстов как социокультурных и коммуникативных явлений, возникающих на стыке нескольких культур, явно недостаточно.

Предпосылкой возникновения письменной формы общения послужила заинтересованность человека в возможности длительного хранения информации и вербального взаимодействия на расстоянии, т. е. в устойчивой, закрепляемой форме, какой и явилась коммуникация на основе письма. Первые попытки выделить в лингвистике специфические свойства устной и письменной коммуникации и дать им адекватное объяснение были предприняты в начале XX в., в первую очередь в работах И. А. Бодуэна де Куртенэ, исследовавшего различия психофизических механизмов порождения и восприятия письменной и устной речи. В итоге ученым впервые был поставлен вопрос о том, что устная и письменная речь — это две отдельные формы существования языка. Формирование функционального подхода к дифференцированному соотношению письменной и устной речи относится к середине XX в. (В. В. Виноградов, Г. О. Винокур, Л. В. Щерба). Учеными было установлено, что звуковая и письменная разновидности речевой коммуникации автономны, хотя и имеют высокий уровень корреляции. Например, в отличие от устной, мимической и пантомимичной речи письменная речь обязательно закреплена в виде графического кода (буквенного, словесного), благодаря чему допускается разрыв во времени и пространстве между ее порождением и восприятием, что дает возможность воспринимающему использовать любую стратегию восприятия, возвращаться к уже прочитанному и т. п.

Определенные психологические, лингвистические и когнитивные факторы делают письменную коммуникацию более сложным способом общения. Письменная речь, имея весьма сложную композиционно-структурную организацию, отличается от устной речи не только тем, что использует графику, но и в грамматическом (прежде всего синтаксическом) и стилистическом отношениях — типичными синтаксическими конструкциями и специфичными функциональными стилями.

Письмо (в общем смысле) может определяться как: 1) «знаковая система фиксации речи, позволяющая с помощью графических элементов закреплять речь во времени и передавать ее на расстоянии» [3, с. 913] (в этом смысле оно является основной предпосылкой любого вида письменной коммуникации в отличие от устной коммуникации); 2) в психологическом аспекте как «рабочий процесс, деятельность, связанная с написанием текста» [11, с. 37]; 3) литературный жанр.

По мнению О. Ю. Кустовой, одно из различий устной и письменной коммуникации заключается в степени проявления параметра «спонтанность/планирование». Непосредственность устной речи является причиной ее спонтанного построения; планирование происходит во время акта высказывания, что ведет к возможным оговоркам, поправкам и т. п. Письменная коммуникация предоставляет больше возможностей для планирования текста вследствие разделенности ситуаций порождения и восприятия письменного текста. Как автор, так и реципиент формируют определенные ожидания и стратегию коммуникации, причем автор принимает ведущую роль в коммуникативном процессе и опирается на готовность реципиента следовать его мыслям [5, с. 35].

Данное положение имеет особенно важное значение для письменных типов текста, где в распоряжении коммуникантов, разделенных временем и пространством, нет общей коммуникативной ситуации. «Дистанцированность адресанта и адресата подразумевает организацию связи, обеспечивающей движение письменного текста от автора к реципиенту и контакт последнего с письменным текстом в некоторой точке пространства, или канал письменного текста» [6, с. 33]. Ответный речевой акт происходит через некоторый промежуток времени и поэтому не связан так сильно с исходным, как в устной коммуникации. Более того, письменная коммуникация может прерваться, если адресат высказывания не получил достаточной мотивации для ответа.

Итак, письменная речь — вербальное общение, основанное на визуально воспринимаемой устойчивой фиксации языковых конструкций в виде письменного сообщения (текста), которое может быть представлено в любом виде (например, публикаций в СМИ, заметок, плана, тезисов, конспекта, аннотации, резюме, реферата, статьи, доклада и т. д.). Помимо них человек в своей профессиональной деятельности регулярно сталкивается с составлением объявлений, заявлений, отчетов, служебных записок, распоряжений, приказов, инструкций, договоров и т. д.

По сравнению с устной формой коммуникации преимущества письменных сообщений заключаются в том, что они были и остаются способом документирования важной и официальной информации, на которую можно сослаться впоследствии, ибо такие источники информации, как телефон или сотовая связь, пригодные для решения оперативных вопросов, не оставляют никаких материальных следов. Более того, письменные сообщения могут быть средством передачи конфиденциальной информации и позволяют четко сформулировать и согласовать договорные условия и в итоге служат средством поддержания деловых и личных взаимоотношений, что особенно актуально при установлении межкультурных контактов.

Письменная речь может осуществляться средствами массовой коммуникации (книга, пресса и др.) и индивидуальной (письмо, заявление, поздравление, план, тезисы, аннотация и др.). Одним из распростра-

ненных видов письменных сообщений является письмо, проблемами которого занимаются как отечественные, так и зарубежные ученые (Н. Д. Арутюнова, Р. Барт, Л. Р. Зиндер, А. Квятковский, О. Ю. Кустова, И. А. Паперно, J. G. Altman, G. Hillard, G. Honnefelder, V. Langeheine и др.). Типология писем разнообразна: письма-воспоминания, письма-обращения, доносы, анонимные письма и т. д., но в основном принято различать три основных вида письма: личное/частное письмо, официальное (официально-деловое) письмо и различные виды эссе (повествование, описание, рассуждение, выражение мнения и др.).

Прежде всего письмо можно определить как *законченное смысловое сообщение*, являющееся организованным единством составляющих его элементов, направленное автором (адресантом) реципиенту (адресату). Смысл текста (письма) определяется его отношением к внетекстовой реальности, другим текстам, к личности, памяти и иным качествам субъекта, передающего сообщение и принимающего его.

Выделим пять свойств, характеризующих письмо как текст: 1) сообщение, направленное от носителя информации к субъекту; 2) коллективная память, способная к непрерывному пополнению, актуализации одних аспектов информации и к временному или полному забвению других; 3) общение читателя с самим собой, тем самым текст актуализирует определенные личностные стороны; 4) способность текста быть собеседником; 5) общение между текстом и культурным контекстом. Мы, говоря о тексте-письме, сделаем акцент на его четырех основных функциях: 1) эксплицитной направленности на адресата/адресанта (*адресованность/ответность*); 2) передачи информации (*коммуникация*); 3) выработки новой информации (*творчество*) и 4) хранения информации (*память*).

Коммуникативный характер письма проявляется прежде всего в том, что письмо всегда направлено на другого, от которого должен прийти ответ. Текст-письмо реализует и творческую функцию, неся новую информацию. Адресат всегда находится в отношении *сотворчества* к получаемому сообщению: он должен его расшифровать, т. е. выбрать подходящий смысловой код или даже выработать новый. В письме прослеживается имплицитность, что требует от реципиента творческих усилий по извлечению подтекстовой информации. Чем шире круг знакомых реципиенту элементов, содержащихся в тексте письма, тем больше то поле, в котором возможны его ассоциативные прочтения. Богатство интерпретаций конкретного текста письма обусловлено широтой воспринимаемых реципиентом контекстуальных связей. Короче говоря, многозначность трактовок прямо пропорциональна объему культурной информации, которой обладает реципиент. Творческий акт таким образом совершается на обоих концах информационной цепи (активность отправителя и активность получателя).

Текст-письмо обязательно выполняет и главную функцию нехудожественного текста — *передачу информации*. Это проявляется в простой возможности «пересказать» содержание того или иного пись-

ма. Функция памяти письма реализуется как его отношение к предшествующей культурной традиции («память жанра», по определению М. М. Бахтина). Письма хранят дома, переписывают, передают по-следующим поколениям.

Если рассматривать текст-письмо на уровне деятельности, то его можно определить как «коммуникативный акт, подразделяемый на письменные речевые акты — минимальные коммуникативные единицы, конституирующие общий речевой акт благодаря взаимодействию и отношению к контексту» [5, с. 87], и реализующие частичные интенции пишущего в отношении получателя. Поэтому здесь первичной (главной) функцией текста-письма будет выступать *контактная функция*, соответствующая первичной интенции автора.

Так как письмо может обладать в той или иной мере национально-культурной лингвистической значимостью, то оно как элемент внутрикультурной и межкультурной коммуникации реально выступает в роли посредника, который помогает «общаться» культурам, народам, сознаниям индивидов, принадлежащих к разным лингвокультурным общностям. В процессе прочтения данного текста реципиент пытается постичь смысл, заложенный автором в письме, найти точки соприкосновения между своей и авторской картиной мира, между «своим» и «чужим».

Итак, на материале текста-письма, представляющего другую культуру и являющегося источником и носителем культурных фоновых знаний, может осуществляться знакомство с иноязычной картиной мира. Отмечая специфику письма — быть средством социокультурного отражения и оценки действительности, пропущенной сквозь призму восприятия отдельной личности, следует подчеркнуть, что данное свойство делает возможным рассматривать текст-письмо как одно из средств моделирования иноязычной социокультурной среды в процессе общения. Таким образом, текст-письмо можно представить как форму межличностного и, шире, межкультурного общения, воспроизводящую абстрактную модель культуры, способствующую усвоению данной культуры через текст (письмо).

Чаще всего единичное письмо входит в состав частной переписки/корреспонденции (последовательного обмена письмами), составляя фрагмент эпистолярной коммуникации. Переписка как одна из форм реализации культуры человеческого общения может представлять собой диалог, который, с одной стороны, отражает ментальность и систему ценностей территориально ограниченных социумов, а с другой — является средством их взаимодействия. В этом смысле переписку можно рассматривать как фактор взаимовлияния культур.

С коммуникативно-прагматической точки зрения переписка может быть определена как «разделенная во времени и пространстве и поэтому косвенная интеракция между двумя (и более) определенными коммуникативными партнерами с переменной ролью автора и получателя» [10, с. 193]. Таким образом, к эпистолярной коммуникации

относятся «два и более действующих лиц, два или более места действия, процесс написания (порождения) текста, действия получения и чтения (восприятия, понимания, интерпретации)» [9, с. 5] и, наконец, текст-письмо.

Основными и, в какой-то степени, решающими элементами переписки являются коммуникативные партнеры — два антропоцентра, в результате чего акт речевой коммуникации является двусторонним, что предполагает влияние определенных особенностей адресанта и адресата на форму высказываний и их отбор. Другими словами, *субъектно-адресатные отношения* в переписке формируются в зависимости от тех прагматических ролей, в которых выступают партнеры коммуникации. Например, выбор *языковых средств* и структура коммуникативного акта в письме определяются не только сферой функционирования письма и темой текста (или поставленной коммуникативной задачей), но, прежде всего, характером отношений (официальные/неофициальные), соотношением социальных статусов (равноправные/неравноправные), интенциями и культурно обусловленными коммуникативными компетенциями языковых личностей. *Социальные характеристики* адресата могут быть выражены в тексте в большей или меньшей степени. «Чем выше актуальность персонализации адресата, тем дифференцированное и сложнее его характеристики, и тем выше дифференциальность релевантных признаков письменного текста» [5, с. 33].

Различия в культурно обусловленных коммуникативных компетенциях адресанта и адресата составляет основу коммуникативно-прагматического отношения отправитель — получатель, которое является «особой проекцией в описании языковой личности» [4, с. 10]. В тексте-письме это отношение репрезентируется категорией адресованности, понимаемой как «отражение лежащего в основе любого вида текстов диалога автора-адресанта и читателя-адресата, который имеет в текстовой структуре систему поддающихся лингвистической интерпретации сигналов разных языковых уровней» [7, с. 7]. По отношению к адресату текст-письмо является побуждением и выполняет апеллятивную функцию (функцию обращения), которая, по мнению О. Ю. Кустовой, в данном контексте должна пониматься в самом широком смысле, т. е. «включать в себя отнесенные к адресату информационную, мотивирующую, когнитивно-прагматическую, коммуникативную функции» [5, с. 32]. Итак, апелляция к адресату заключается в содержащемся в тексте-письме побуждении воспринять и интерпретировать высказывание отправителя.

Можно сказать, что конституирующим центром текста при переписке является автор, объединяющий систему порождения высказывания. «Письма вплетены в комплексную ткань отношений. Но центральным звеном всех отношений всегда остается пишущий» [8, с. 348], в соответствии с намерениями которого вообще возникает то или иное речевое произведение. Не менее важным звеном в переписке

является и адресат письма, от которого в не меньшей степени зависит успешность/неуспешность акта коммуникации. Отечественные и зарубежные ученые (Е. М. Виноградова, Л. В. Нижникова, Н. Velke, К. Ermert, G. Honnfelder, R. Nickisch) относят письмо к *жестко адресованному* типу текста, основываясь на том, что «всякий речевой акт рассчитан на определенную модель адресата» [1, с. 358], с утратой которого эпистолярный текст теряет смысл как письмо. Другими словами, эксплицитная направленность на адресата является одной из типологических характеристик письма как типа текста.

Согласно Н. Д. Арутюновой, интерпретация текста-письма в существенной мере зависит от фактора адресата, где термин «адресат» «подчеркивает сознательную направленность речевого высказывания к лицу, которое может быть конкретным образом охарактеризовано, причем коммуникативные намерения автора речи должны согласоваться с этой его характеристикой» [Там же]. Адресат понимается как величина (категория), оказывающая значительное влияние на процесс формирования письменного текста, он должен рассматриваться в качестве «персонализованного компонента социокультурной системы» [6, с. 30], т. е. текст-письмо ориентировано на адресат не только в плане его индивидуально-психологической целостности, но и в связи с теми его социокультурными признаками, которые релевантны в данном контексте общения. Итак, адресант и адресат как языковые личности выступают в качестве основных коммуникативно-прагматических факторов, формирующих языковые характеристики текста-письма.

Наряду с общекультурными, коммуникативными, социальными и лингвистическими характеристиками языковых личностей в качестве одного из важных факторов переписки выступает место и характер письма. Так, можно выделить письмо-акцию (письмо-стимул), начинающее переписку, и письмо-реакцию (письмо-ответ), продолжающее переписку. Понятно, что отдельное («единственное») письмо не является единичной формой письменной коммуникации, а существует в рамках более или менее протяженной переписки и оказывается связанным с предыдущими и последующими письмами обоих коммуникативных партнеров. Отдельное письмо может быть не связано с продолжительной перепиской, но если подобная переписка возникает, речевые действия в конкретном письме следует рассматривать только в ее контексте.

Переписка как последовательный обмен письмами (текстами, высказываниями), рассчитанными на ответ, может быть рассмотрена как *коммуникативная модель диалога*. Диалогический характер письма обеспечивает его близость к такой форме коммуникации, как беседа. Так, эпистолярный текст определяется как «заменитель устной речи с целью диалогического обмена», отдельное письмо сравнивается с коммуникативным шагом в рамках разговора, письмо и ответное письмо признаются составляющими «диалогического коммуникатив-

ного акта» [10, с. 194]. Письмо можно отнести к «фиктивно-диалогической коммуникации», это подразумевает, что «и там, где нет фактического диалога, коммуникация сохраняет диалогические признаки» [2, с. 49]. Итак, минимальным элементом переписки как диалогической структуры является письмо и ответ на него.

Следует отметить, что несмотря на принципиальную диалогичность, текст письма может характеризоваться различной степенью выраженности диалогических отношений. По данному признаку письма можно подразделить на адресантно-ориентированные с большей степенью монологичности, «где автор сосредоточен на себе самом, его „взгляд“ как бы направлен вовнутрь и ищет не партнера для беседы, но в первую очередь отражения себя» [5, с. 79], и адресатно-ориентированные с большей степенью диалогичности, предпосылкой возникновения которых является потребность в диалоге.

Таким образом, в свете вышесказанного представляется возможным вывести **примерную (базовую) модель эпистолярной межкультурной коммуникации**, включающей следующие необходимые компоненты:

- 1) письменная (графическая) форма речи, для одного из коммуникантов являющаяся неаутентичной;
- 2) двусторонность/диалогичность речевого акта: адресант (автор, продуцент, отправитель) и адресат (читатель, реципиент, получатель);
- 3) наличие трехзвенной структуры переписки (адресант — текст (письмо) — адресат), включающей поочередно создаваемые коммуникантами речевые высказывания (письма), которые как знаковые образования имеют *план выражения* и *план содержания*;
- 4) определенность (конкретность) коммуникантов как языковых личностей (наличие системных черт — прагматических ролей и коммуникативных компетенций), являющихся представителями разных культур: а) фиксированное распределение ролей между коммуникантами (адресант — адресат, порождение текста — восприятие текста) с возможностью изменения направления коммуникации (смена ролей адресанта и адресата или их «функциональная конвертируемость»); б) пространственная и временная дистантность коммуникантов (несовпадение времени и места порождения и восприятия высказывания);
- 5) наличие организованного канала связи;
- 6) наличие обратной/ответной связи;
- 7) наличие смысловой связи между письмами;
- 8) имплицитное и эксплицитное включение в текст письма адресата;
- 9) зависимость «языкового кода» и общего содержания текста-письма от: а) общекультурных, социальных, коммуникативных, линг-

вистических и нелингвистических характеристик адресанта и адресата как языковых личностей; б) сферы функционирования письма;

10) наличие сложно организованных психолингвистических и социопсихологических механизмов, на работе которых основаны коммуникативные процессы, происходящие при переписке. Данные механизмы осуществляют различные когнитивные операции, из которых складываются главные индивидуальные процедуры языковых личностей как коммуникантов — *вербализация* и *понимание*, а также совместная процедура управления ходом взаимодействия — *коммуникативная интеракция*;

11) текст-письмо обладает: а) эксплицитной направленностью на конкретного адресата; б) ответственностью; в) социальной обусловленностью; г) смысловой завершенностью; д) структурным единством (наличием формальных границ) — целостностью образа содержания; е) двумя слоями информации: информацией, непосредственно выраженной в письменном высказывании и контекстной информацией; ж) системой коммуникативных задач, отражающих определенную установку языковой личности;

12) формирование общей картины мира у коммуникативных сторон в части обсуждаемой проблемы;

13) наличие общего и уникального для вступающих в переписку коммуникантов вертикального контекста, под которым подразумевается внешняя, не содержащаяся в тексте информация, необходимая для понимания текста, т. е. коммуникативное окружение текста;

14) воздействие сферы личных интересов коммуникантов на успешность/неуспешность коммуникации.

Применение построенной модели позволяет, на наш взгляд, анализировать как текст-письмо (в контексте межкультурной коммуникации) с точки зрения представленности в нем языковой личности — адресанта и/или адресата, так и эффективность межкультурного диалога. Целью адресата при эпистолярной межкультурной коммуникации является решение коммуникативной задачи, связанной с неизбежным различием культурно обусловленных коммуникативных и межкультурной компетенций языковых личностей. Дальнейшее исследование межкультурной эпистолярной коммуникации позволит шире осветить закономерности диалога индивидуальных языковых личностей как диалога культур.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Арутюнова. Н. Д. Фактор адресата // Н. Д. Арутюнова // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. — 1981. — Т. 40. — № 4. — С. 356–368.
2. Бессмертная. Н. В. К вопросу о типологии текста // Н. В. Бессмертная // Лингвистика текста и обучение иностранным языкам. — Киев, 1978. — С. 48–55.
3. Большой энциклопедический словарь. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: «Большая Российская энциклопедия». СПб.: Норинт, 2001. — 1456 с.

4. Красильникова Е. В. Русская языковая личность и задачи ее изучения // Е. В. Красильникова, Ю. Н. Караулов // Язык и личность / отв. ред. Д. Н. Шмелев. — М.: Наука, 1989. — С. 3–10.

5. Кустова О. Ю. Письмо как самостоятельный текст и как композиционная часть художественного произведения: На материале творчества Теодора Фонтане: дис. ... канд. филол. наук. — СПб., 1998. — 225 с.

6. Никифоров С. В. Проблема интерпретации письменного текста: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — М., 1993. — 58 с.

7. Романова Н. Л. Языковые средства выражения адресованности в научном и художественном текстах (на материале немецкого языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук. — СПб., 1997. — 24 с.

8. Hillard Gustav. Vom Wandel und Verfall des Briefes // Gustav Hillard // Merkur. — 23. — 1969. — S. 342–351.

9. Honnefelder Gottfried. Der Brief im Roman: Untersuchungen zur erzähltechnischen Verwendung des Briefs im deutschen Roman // Gottfried Honnefelder. — Bonn: Athenäum, 1975. — 244 s.

10. Langeheine Volker. Textpragmatische Analyse schriftlicher Kommunikation am Beispiel des Briefes // Volker Langeheine // Schriftsprachlichkeit / S. Grosse. — Düsseldorf: Schwann, 1983. — S. 190–211.

11. Ludwig Otto. Einige Gedanken zu einer Theorie des Schreibens // Otto Ludwig // Schriftsprachlichkeit / S. Grosse. — Düsseldorf: Schwann, 1983. — S. 37–73.

ФОРМИРОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ СТУДЕНТОВ НА СЕМИНАРСКИХ ЗАНЯТИЯХ ПО МЕТОДИКЕ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ

С. В. Юткина

Для будущего преподавателя иностранного языка исключительное значение имеет профессиональная компетенция, приобретаемая в ходе обучения. Она обеспечивает способность к профессиональной деятельности и включает: 1) знания из области дидактики, методики, психологии, лингвистики и других наук; 2) умение организовывать учебную деятельность учащихся и управлять этой деятельностью; 3) владение иностранным языком на уровне максимально близком к уровню носителей языка; 4) личностные качества, обеспечивающие эффективность педагогического труда.

Одним из важных дидактических умений является умение связывать теорию обучения с практикой обучения иностранному языку. В целях развития данного умения студентам предлагается изучить текстовый материал школьных учебников английского языка на предмет наличия в нем заданий, соответствующих теме лекционного занятия, поскольку учебник является основным средством обучения. Например, при рассмотрении проблемы мотивации изучения иностранных языков перед студентами ставится задача отобрать из учебников английского языка для средней школы упражнения, обеспечивающие различные виды внутренней мотивации: коммуникативную, лингвопознавательную, инструментальную. В результате данной работы были

отобраны задания, основанные на коммуникативной мотивации, и предполагающие ответы на следующие вопросы:

1. What kind of person can be an ideal politician in your opinion? Do you know such people in your country? Speak about them.

2. You are at international summer camp. You are having an excursion to the nearest city. You are discussing what to do in the evening.

3. Is it difficult to be a critic? A lot of people think that it is very easy. You simply watch a film or play and say you like it or not. Do you want to be a critic?

Теперь приведем некоторые отобранные студентами задания, которые способствуют возникновению лингвопознавательной мотивации, заключающейся в положительном отношении учащихся к самой языковой материи, к изучению основных свойств языковых знаков.

1. Here are some animals you'll find in the zoo at Central Park. Match the animals with the description and then find them in the puzzle.

2. In this word square there are 6 hidden words, all connected with money matters. The words are horizontal, vertical, or diagonal.

3. Do the crossword puzzle. Use the clues to fill in missing words. Sasha has done one for you.

4. Rearrange the letters to label each picture.

5. Complete the crossword by filling in the past tense of the verbs in the sentences below...

6. Fill in the following crossword by giving the plural of the words below...

Инструментальная мотивация, т. е. мотивация, вытекающая из положительного отношения учащихся к определенным видам работы, обеспечивает выполнение учащимися следующих заданий:

1. Please read this train schedule. Get information from it by reading up and down the columns and across the rows.

2. Match the holiday with the picture.

3. Match the words with the word or phrase that has a similar meaning.

4. Please, match the cover of the card with the inscription.

При рассмотрении вопросов, связанных с обучением произносительной стороне речи, студентам предлагается подготовить карточки с транскрипционными значками для проведения упражнений в активном слушании и сознательной имитации. Также студенты факультета иностранных языков на семинарских занятиях по теории и методике обучения иностранным языкам тренируются в проведении фонетической зарядки, материал для которой готовят заранее. Некоторые учебники, по мнению студентов, содержат достаточно специального материала для целенаправленного формирования и развития слухо-произносительных навыков, в то время как, например, в учебнике Т. Б. Клементьевой и Дж. Шеннон «Happy English 2» упражнения такого плана отсутствуют. Это подводит студентов к осознанию необ-

ходимости самостоятельного творческого решения проблемы, что, безусловно, ведет к формированию у них профессиональной компетенции.

Изучение темы «Обучение грамматике английского языка» продолжается на практических занятиях также при помощи обращения к содержанию учебников, по которым осуществляется обучение английскому языку в школе. Студентам предлагается выбрать из учебников грамматические упражнения следующих типов: 1) на узнавание нового грамматического материала; 2) на закрепление нового грамматического материала; 3) на самостоятельное использование изученного грамматического материала. В результате работы студенты пришли к выводу о недостаточном количестве грамматических упражнений первого типа.

На основе материала школьных учебников английского языка происходит и изучение практических и теоретических вопросов обучения лексике. Студенты узнают о специфике обучения лексике в зависимости от развиваемых видов речевой деятельности и на основе этого учатся определять функции лексических упражнений, представленных в учебниках.

Рассмотрение тем, связанных с обучением видам речевой деятельности и уроком иностранного языка, также выводится в плоскость практического применения знаний студентов. Например, тема «Обучение аудированию» может предполагать задание, связанное с подготовкой работы с аудиотекстом. В этом случае студент заранее готовит pre-listening tasks, while-listening tasks и post-listening tasks, а затем организует всю работу по прослушиванию текста у себя в группе. Таким образом студенты учатся связывать теорию обучения иностранным языкам с практикой обучения и при этом осознавать важность этой связи.

Итак, на семинарских занятиях по методике обучения иностранному языку у студентов формируется научно-методическая база в рамках изучаемой дисциплины как основа их будущей профессиональной деятельности; происходит ознакомление с приемами и методами преподавания языка и формирование умения творчески применять их на практике; прививаются навыки самостоятельной работы с учебной и научной литературой.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Английский язык. Учебник для 10–11 классов общеобразовательных учреждений / В. П. Кузовлев, Н. М. Лапа, Э. Ш. Перегудова [и др.]. М. : Просвещение, 2002.
2. **Клементьева Т.** Счастливый английский. Книга 2 для 7–9 классов общеобразовательной школы / Т. Клементьева, Дж. Шеннон. Обнинск : Титул, 1998.
3. **Щукин А. Н.** Обучение иностранным языкам. Теория и практика : учеб. пособие для преподавателей и студентов. М. : Филоматис, 2004.

5. ПРОБЛЕМЫ КУЛЬТУРОЛОГИИ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

СЮЖЕТНО-ТЕМАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РОМАНА ДЖ. ИРВИНГА «МИР ГЛАЗАМИ ГАРПА»

Е. М. Загарина

В историю американской литературы второй половины XX века Дж. Ирвинг (1942) в первую очередь вошел как автор романов, продолжающих традиции писателей Викторианской Англии (в частности Ч. Диккенса), и вместе с тем обладающих собственной проблематикой, выразительностью и остротой языка, неповторимой интонацией и необычными, порой странными персонажами. Роман «Мир глазами Гарпа» (The World according to Garp, 1978) принадлежит к кругу наиболее известных произведений современного американского писателя. За десять лет своего творчества Ирвинг опубликовал четыре романа, однако именно с появлением этого романа он занял свое место среди наиболее знаменитых американских романистов 1970–1990-х гг. «Мир глазами Гарпа» явился, по признанию самого писателя и многих критиков, кульминацией первых трех его романов: «Отпускная медведей на волю» (Setting Free the Bears, 1968), «Человек воды» (The Water-Method Man, 1972) и «Семейная жизнь весом в 158 фунтов» (The 158-pound Marriage, 1974), не имевших успеха ни у критиков, ни у читателей. В интервью Л. Маккефери Ирвинг подчеркивал синтезирующий характер «Гарпа», где он «примирил множество вещей, затронутых в более ранних книгах», а также то, что следующий по счету роман он воспринимает как второй [1]. Книга привлекла огромное внимание критиков. Отмечалось, что жестокость современной жизни раскрыта автором во всех ее проявлениях, роман изобилует сценами насилия, убийств, самоубийств, однако грань трагического и комического остается довольно размытой (К. Картер, Д. Томпсон, О. Алякринский). Сам писатель нередко указывал на развлекательный характер своего произведения, называя его «мыльной оперой, которую не рекомендуется давать подросткам», а отношение будущих читателей к книге определил следующим образом: «Она, возможно вызовет порой улыбку даже у самого мрачного типа, однако разобьет немало чересчур нежных сердец». В «Мире глазами Гарпа» Дж. Ирвинг обращается к различным проблемам американской действительности, таким как кризис семьи, нарушение традиционных устоев общества, его деформация и разложение.

Тема феминизма является одной из основных в романе. Писатель выявляет причины, которые приводят женщин к феминизму, а также проявления современного феминистского движения, являющегося отличительной чертой американского общества. В 1970-е г. в США феминизм потеснил другие общественные движения, однако вскоре «феминистская стихия» выявила свою теоретическую и организационную неустойчивость.

В начале своего романа «Мир глазами Гарпа» Дж. Ирвинг особое внимание уделяет образу матери главного героя Дженни Филдз. Он описывает ее поведение, образ мыслей — все то, что в итоге приводит этот персонаж в одну из феминистских сект. Дженни Филдз — независимая женщина, которая стремится к одиночеству и не хочет ни с кем делить свою жизнь. Она стоит твердо на позиции «абсолютно нетерпимого отношения к распущенности мужчин в целом». Фактически матери Гарпа присущи традиционные мужские черты: она сильная, упрямая, своенравная, прямолинейная. Правила общества, где необходимо быть «либо чьей-то женой, либо чьей-то наложницей», она игнорирует и строит свою жизнь так, как хочется ей. Дженни Филдз не желает общаться с грубыми мужчинами и мечтает о «почти непорочном рождении» собственного ребенка. Поэтому отцом Гарпа становится участник второй мировой войны, американский летчик-стрелок, техник-сержант Гарп, впавший в состояние инфантилизма после тяжелого ранения. Этим и пользуется работающая медсестрой в госпитале Дженни Филдз. Таким образом, главный герой переживает разлуку с отцом еще до своего рождения и воспитывается одной матерью. Когда же он хочет узнать правду о своем происхождении, Дженни Филдз сообщает сыну о том, что его отец был солдат и что он погиб на войне. «Очень странно, — писал позднее Гарп, — но представление о том, что именно семья в конечном итоге должна убедить человека в его уникальности, моей матери всегда было чуждо. Мать была женщиной практичной; она верила только в реальные факты и в реальные результаты» [2].

Она пишет единственную в своей жизни книгу, собственную биографию, которая впоследствии становится феминистским манифестом. Ее трактат, в изложении Ирвинга, пародирует в открытой форме классические для феминистского движения работы Кейт Милле и Жермен Грир. То, как мать Гарпа доказывает, что она может жить без мужчин, и есть сущность феминизма. «Я хотела работать и жить одна, — писала она. — Это и сделало меня, так сказать, сексуально подозреваемой» [2]. Отсюда и название ее книги — «Сексуально подозреваемая. Автобиография Дженни Филдз». «Потом мне захотелось иметь ребенка, но я не желала ни с кем делить свое тело или свою жизнь, — писала Дженни. — И это в очередной раз превратило меня в сексуально подозреваемую» [2]. Основная цель образа жизни матери Гарпа заключается в том, чтобы «заставить мужчин (в том числе и Гарпа) осознать, как жестоки современные законы к женщи-

нам и как много у несчастных женщин разнообразных нужд и потребностей» [2]. Подобные взгляды и приводят к тому, что ее считают феминисткой. Гарп считает, что «статус Дженни как политической фигуры сложился в значительной степени благодаря общему и практически полному непониманию ее сущности и ее убеждений» [2]. Сама она не знает смысла этого слова, но знает одно: «...женщины — как и мужчины — должны, по крайней мере, иметь возможность самостоятельно решать, как прожить свою жизнь, а если это превращает ее, Дженни, в феминистку, значит, так оно и есть» [2]. До конца своей жизни Дженни Филдз остается «настоящей сестрой милосердия». Сначала она воспитывает и опекает своего сына, затем помогает всем тем женщинам, у которых различные проблемы и которые ищут именно ее совета. Однако увлечение феминизмом приводит к печальному концу. Став лидером феминистского движения, мать Гарпа в итоге превращается в жертву неуправляемых сил, порожденных неосознанно ею самой. Дженни Филдз гибнет от руки маньяка на одном из феминистских митингов.

Когда Дж. Ирвинг описывает мать главного героя, ее образ жизни и ее стремление к независимости, он не имеет ничего против такого проявления феминизма. Однако в романе немало таких моментов, когда писатель показывает, куда может привести неправильное истолкование идей феминизма и до каких крайностей он может довести, как, например, в случае с джеймсианками. Опубликовав свой трактат, Дженни Филдз становится знаменитой и, «избавившись от материальной нужды, получает возможность отдавать все силы и время на сплочение фанатически ей преданной секты воинствующих муженевистниц» [3]. В основном последователями Дженни являются женщины, которые называют себя джеймсианками. Джеймсианки представляют собой группу женщин разного возраста, каждая из которой «сама отрезала себе язык в знак протеста против того, что случилось с Элен Джеймс», одиннадцатилетней девочкой, которой отрезали язык после того, как она подверглась насилию со стороны мужчин. Дж. Ирвинг использует описание джеймсианок, чтобы высмеять всю абсурдность и нелепость этих экстремальных проявлений феминизма. Джеймсианки — это тот продукт, который порождает в конечном итоге само феминистское движение, первоначальная идея которого заключалась в независимости женщин от мужчин и требовании экономического и политического равноправия. Однако, как показывает роман «Мир глазами Гарпа», феминистки отходят от своей идеологии далеко в сторону, что приводит к ее неправильному пониманию и деформации. Все это ведет к безумию, когда сотни женщин калечат себя только для того, чтобы доказать, что они феминистки, хотя это можно сделать по-другому (так, например, как это делает ни от кого не зависящая Дженни Филдз).

Другим важным аспектом в романе являются взаимоотношения с джеймсианками главного героя Т. С. Гарпа. Сначала он относится с

безразличием к этому женскому движению, но знает о нем многое, так как Дженни Филдз — его мать, и ему приходится сталкиваться с теми женщинами, которые ее окружают. С некоторыми у него складываются даже дружеские отношения (с Робертой Малдун, в прошлом Робертом Малдуном). Гарп потрясен историей Элен Джеймс, однако к «ее мрачным великовозрастным подражательницам» он испытывает «отвращение, смешанное с презрением». Он считает, что «джеймсианки представляют собой весьма опасную в политическом отношении группу феминисток-экстремисток, которые зачастую сознательно умаляют заслуги других вполне серьезно настроенных женщин, борющихся за свои права» [2]. После смерти матери он решает идти по ее стопам, осознав, что вся жизнь Дженни Филдз была посвящена служению людям. В одной из своих наиболее известных работ он выступает против акта насилия над собой и начинает открыто враждовать с джеймсианками. Эта борьба к концу книги обостряется: джеймсианки покушаются на жизнь Гарпа, и все кончается в итоге гибелью главного героя.

Таким образом, тема феминизма является одной из ведущих в романе Дж. Ирвинга «Мир глазами Гарпа». М. Лоренсон в одной из своих статей указывает на то, что Дж. Ирвинг довольно негативно отзывается о феминистском движении в своем произведении и что тот феминизм, который существует в настоящее время, совершенно не такой. Она называет феминизм в романе «экстремальным, анти-мужским и апокалипсическим» и считает, что он несет угрозу всему «разумному человечеству» [4]. Однако комическая трактовка данной проблемы не есть негативное отношение Ирвинга к феминистскому движению. Писатель не имеет ничего против того, что женщины хотят равенства с мужчинами. Однако он с иронией относится к тем безумным проявлениям феминизма, которые заключаются в насилии женщин над собой и которые приводят к смерти Дженни Филдз и Гарпа. Кроме того, феминизм убивает мечту о семейной идиллии, хотя именно семья должна убеждать человека в его неповторимости, уникальности.

Структура «Мира глазами Гарпа» такова: собственно роман и работы главного героя. Его произведения — повесть, рассказ, три оконченных романа и один неоконченный — углубляют сюжет всего романа и помогают автору выразить свои взгляды на творчество в целом. Поэтому следующая не менее важная тема, которую Ирвинг вводит в свое произведение, — это писатель и проблемы творчества. Свое первое произведение Т. С. Гарп пишет в Вене, куда они отправляются с матерью «попытать счастья на писательском поприще». Здесь Дженни Филдз начинает писать свою автобиографию, которая впоследствии становится феминистским манифестом. Гарп же, вместо того чтобы писать, бродит по городу и открывает для себя другие «оттенки» жизни: «Он знал, ему необходимо обрести умение видеть. Видеть общий порядок вещей, видеть совершенно по-своему» [2]. Стремле-

ние Гарпа творить не ослабевает, однако он узнает о страстном желании матери написать во что бы то ни стало книгу. Главный герой пытается подмечать, что и как она делает, однако, возможно, в силу своей молодости он не может представить себе мир глазами Дженни. Ирвинг во всех деталях описывает творческие муки, которые испытывает начинающий писатель Т. С. Гарп. Ему не хватает опыта и требуется немного времени. Он понимает, что должен узнать о жизни как можно больше, поэтому нужно «смотреть вокруг, бродить по Вене и учиться» [2]. Однако главный герой «уверен: дайте срок, и он сумеет увидеть мир своими собственными глазами, без помощи и подсказки со стороны реального мира, который его окружает и вскоре станет ему помощником» [2]. Наконец, он пишет «Пансион Грильпарцер», в какой-то степени иррациональный и сюрреалистический, с довольно странными персонажами (циркачом, ходящим на руках, человеком, читающим чужие сны, медведем, катающимся на велосипеде). Именно с этого рассказа начинается становление Гарпа как писателя. По мнению Хэлен, критиков и биографа Гарпа, Уиткома, это его лучшее произведение, так как является источником безудержной писательской фантазии, однако его мать скажет, что «рассказ в точности такой, какого и следовало ожидать от мальчика, не имевшего ни нормальной семьи, ни нормального воспитания» [2].

Кроме того, Дж. Ирвинг в своем романе «Мир глазами Гарпа» рассуждает о грани между вымыслом и реальностью и исследует их роль в творческом процессе. Эта проблема не может не волновать писателя, так как он сам очень активно вставляет в свои произведения автобиографические элементы. При описании школы Гарпа писатель берет за основу свою академию в Нью-Хэмпшире, где он учился и, так же как и его герой, занимался борьбой. Карьера Гарпа-писателя напоминает раннюю карьеру самого Ирвинга, а романы Гарпа легко сопоставляются с романами автора, причем «Мир глазами Бензенхавера» напоминает сам «Мир глазами Гарпа», который впоследствии также становится бестселлером. Однако относительно использования автобиографического материала в художественных произведениях он считает, выражая эту мысль устами своего главного героя, что «автобиографическая основа — даже если она и имеется — это наименее интересный уровень прочтения любого романа, что искусство художественного вымысла — всегда акт правдивый, однако, как и всякое искусство, селективный» [2]. Поэтому в романе автор автобиографии Дженни Филдз противопоставляет художественные произведения Т. С. Гарпа, а его работы противопоставляются между собой по степени автобиографичности.

Противопоставление текстов главного героя и его матери можно отметить уже в первых частях романа, где описывается, как почти одновременно создаются первый рассказ Гарпа «Пансион Грильпарцер», напечатанный в малоизвестном и малотиражном журнале, но вместе с тем давший начинающему писателю пропуск в мир «серьез-

ной» литературы, и ставшая сразу после выхода в свет известной и «политически заряженной» автобиография его матери. Ирвинг включает в свое произведение отрывки из автобиографии Дженни Филдз и весь рассказ самого Гарпа, показывая тем самым, что основанное на реальных фактах повествование Дженни и история, в которой реальные жизненные впечатления главного героя становятся основой необычного мира, рожденного безудержной фантазией писателя, находят-ся на разных полюсах.

Кроме того, в произведениях Гарпа на протяжении его творческого пути меняется соотношение между вымыслом и реальностью. Его произведения «Второе дыхание рогоносца» и «Мир глазами Бензенхавера» считаются менее талантливыми, так как являются в некоторой степени автобиографичными. Как отмечает в романе критик А. Дж. Хармс, «Гарп мог быть действительно правдив, только вспоминая, а такая форма творчества — столь отличная от художественного воображения — оказалась для него не только психологически болезненна и физиологически вредна, но и куда менее плодотворна» [2]. Проблемы в семейной жизни мешают полету писательской фантазии, а после трагедии с младшим сыном она и вовсе замолкает.

Ирвинг уделяет большое внимание процессу создания и публикации романа Гарпа «Мир глазами Бензенхавера», выражая таким образом интересовавшую его проблему «создания успешного имиджа новой книги, появившейся на рынке» [5]. Это произведение рождается исстрадавшейся душой Гарпа, который пишет этот роман, чтобы не сойти с ума после смерти сына. Все считают «Мир глазами Бензенхавера» самым неудачным романом в творчестве писателя, кроме Дженни Филдз, которая видит в нем общественную значимость, являющуюся для нее главным критерием оценки художественности произведения. Однако издатель Гарпа Джон Вулф, который знает цену читающей публики, обеспечивает произведению огромный успех. Ирвинг показывает, что новая книга становится знаменитой не только из-за своего содержания, но и по ряду других причин, не связанных с литературой. В данном случае опытный издатель делает ставку на обложку романа, потому как именно «обложка стимулирует интерес читателя, эксплуатируя информационный потенциал предлагаемой ему книги: актуальность описываемых в романе событий, которые могут восприниматься как „новость“ с первой полосы газеты» [5]. На клапане суперобложки Джон Вулф пишет текст, несущий информацию о реальных событиях жизни Т. С. Гарпа (о том, что он является сыном известной феминистки, о том, что у него трагически погиб сын), и даже помещает фотографию автора со своими сыновьями, так как он знает, что «большинству читателей в первую очередь хочется узнать подробности личной жизни писателя» [2].

Итак, в своем романе «Мир глазами Гарпа» Дж. Ирвинг показывает эволюцию и кризис феминистского движения, которые прослеживаются во взаимосвязи с главным героем этого произведения. Так-

же писатель выражает свои взгляды на творчество, выявляет границы между вымыслом и реальностью, которые он понимает как право писателя создавать свой вымышленный мир, «без помощи со стороны реального мира», и предлагая читателю «мир глазами Гарпа», он отстаивает право на создание собственного мира, «мира глазами Ирвинга», серьезного и комического, вымышленного и реального.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Anything can happen: Interviews with Contemporary American novelists/ Conducted and ed. By Tom Leclair and Larry McCaffry. — Urbana etc.: Univ. of Illinois press, 1983. — 305 p.
2. **Ирвинг Дж.** Мир глазами Гарпа/ Дж. Ирвинг; пер. с англ. И. Тогоевой. — М.: Иностранка, 2005. — 751 с.
3. **Мулярчик А.** Спор идет о человеке. О литературе США второй половины XX века/ А. Мулярчик. — М.: Сов. писатель, 1985. — 360 с.
4. **Lorenson M.** Feminism and Apocalyptic Thought: Strange Bedfellows [Электронный ресурс]. Thomas J. Tobin and Duquesne University 1998. — Режим доступа: http://www.engl.duq.edu/servus/Order_and_Disorder/lorenson.html
5. **Киреева Н. В.** Между фактором и вымыслом: жанровый потенциал биографии в романе Д. Ирвинга «Мир глазами Гарпа»/ Н. В. Киреева // Синтез документального и художественного в литературе и искусстве: Сборник статей и материалов международной научной конференции. — Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2007. — С. 75–80.

СТРУКТУРА ПОСТРОЕНИЯ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ САТИРЕ. П. ШЕЛЛИ «THE MASK OF ANARCHY»

Л. И. Зотова

Памфлетно-сатирическая поэма революционных романтиков возникает из зерна реальных, остро злободневных событий и проблем, получивших широкий общественный резонанс. Она является одной из наиболее действенных художественных форм борьбы революционных романтиков против враждебных им общественных сил. Обличая зло буржуазных отношений у самых его истоков, эта сатира направлена в то же время и против тех институтов, которые не были сметены буржуазной революцией, — против монархии, аристократии и церкви. Отсюда большая широта охвата современной действительности, обличение политической реакции и социальной несправедливости. Сатире революционных романтиков был присущ едкий сарказм, мрачный юмор, острая уничижительная ирония. Эта сатира была призвана вызывать гнев и возмущение против искажающих нормальные человеческие отношения общественных порядков. Слова Белинского о том, что «под сатирой должно разуместь не невинное зубоскальство

веселых остроумцев, а гром, негодование, грозу духа, оскорбленного позором общества», могут быть отнесены к этой сатире в полной мере (Белинский, 1968: 499).

Чутко реагируя на конкретные события политической жизни, откликаясь на многие злободневные, волнующие народ вопросы, сатира революционного романтизма часто прямо называет имена современных правителей Англии, точно указывая на время и место совершенных ими преступлений. Она использует популярные в то время политические лозунги и политическую лексику, пародирует общественные выступления своих противников.

В политических сатирах описывались подлинно трагические события (манчестерская резня 1819 года, разоблаченная в «The Mask of Anarchy» П. Шелли) или фарсовые (например, напумевший бракоразводный процесс Георга IV, который Шелли взял в основу гротескной ситуации своего «Swellfoot the Tyrant»); это могли быть злободневные факты социально-политической или литературной жизни, требовавшие немедленного отклика (Неупокоева, 1971: 417).

Остротой политического содержания памфлетной поэмы определяется весь ее художественный строй — смелое использование самых разнообразных форм заострения мысли, характер сюжета, даже сравнительно небольшой объем этой поэмы.

Блестящие образцы памфлетно-сатирической поэмы революционного романтизма дал П. Шелли. Поэт, которого эстетская критика объявляла далеким от каких-либо общественных проблем, был по этому остроумному сатирическому дарования.

Непризнанными законодателями мира называл поэтов П. Шелли: у них, в отличие от политиков, нет настоящей власти, но именно они побуждают людей осознать, как несовершенна жизнь, и стремиться к идеалам, достойным высокого призвания человека. Он и себя видел одним из таких законодателей, а меж тем отношения с реальным законом складывались для него драматически.

В творческом облике Шелли прометеевская мечта и дерзостная тема борьбы за освобождение человечества сливались с глубокой и точной социальной мыслью, столь четко запечатленной в его публицистике. Политические сатиры Шелли были не только гневным откликом на современную поэту жестокость антинародной политики правящих кругов Англии, они содержали в себе огромный заряд народной ненависти к своим поработителям.

Princes, the dregs of their dull race, who flow
Through public scorn, — mad from a muddy spring, —
Rulers who neither see, nor feel, nor know... (Shelley, 1959: 145)

Для Шелли деспотизм — и в политике, и в морали — проклятие, наложенное на человеческий род за его малодушие (Rulers who neither see, nor feel, nor know). Против деспотизма обращено все творчество Шелли, проникнутое революционным пафосом. Иногда это политическая поэзия, негодующий отклик на злободневные события, которые поэт воспринимал как попрание свобод и прав.

Наблюдение Б. Шоу о том, что горечь и сарказм присущи сатирам Шелли гораздо больше, чем юмор, близко соприкасается со словами современника поэта Ли Гента, говорившего о «пылающих строфах» «The Mask of Anarchy» («Маскарада Анархии»). Трагические краски сатир Шелли являются выражением реального соотношения общественных сил в современной поэту Англии. Шелли не скрывает своих сомнений — хватит ли у сатиры силы «пробудить дремлющих стражей Совести»; хватит ли у нее силы изменить окружающее или, хотя бы, дать человеку надежду на изменение его судьбы (Дьяконова, 1994: 153).

Иллюзорная надежда Шелли на революцию в Англии 1910—1920-х гг. отчасти объясняется тем, что само понятие «свобода» было для него несколько абстрактным и в стремлении к ней он видел общечеловеческий стимул, не обращая особого внимания на те оттенки и качества, которые вносили в него разные народы в разное время.

Тема раскрывается здесь в динамическом, остро гротескном сюжете, главные линии которого совпадают с реальным развитием того события, которое легло в основу памфлета.

As I lay asleep in Italy
There came a voice from over the Sea,
And with great power it forth led me
To walk in the visions of Poesy... (Shelley, 1959: 242)

То глубокое и страстное личное отношение к материалу, которое было одной из самых сильных черт не только содержания, но и всей поэтики революционно-романтического искусства, приобретает в его памфлетной сатирической поэме особые формы. Здесь — это прежде всего открытая политическая гражданственность авторской позиции, влекущая за собой обращение к совершенно специфическим средствам художественного выражения — к открытой публицистичности содержания и нередко к использованию приемов и образов современной демократической публицистики, к соединению высокого стиля политической инвективы с формами смелой и остроумной народной сатиры. Для поэмы наиболее острого социального содержания, в которых гражданское чувство автора непосредственно сливалось с нарастающим народным гневом, характерно обращение к ораторскому строю стиха, связанное с той народной аудиторией, которой адресована эта памфлетно-сатирическая поэма [Неупокоева, 1971: 418].

Как правило, «героями» сатирической поэмы являются крупные мишени — реакционные политики, представители царствующих домов, стоящие полемике литературные противники. Авторы памфлетных сатир заинтересованы не в деталях их сатирического портрета или ситуации, а в том, чтобы дать объект своей сатиры крупным планом, очертив его главные контуры, наметив в нем важнейшие враждебные своему представлению об общественных нормах черты. Так появляются в этой поэме образы правящих монархов и лиц их ближайшего политического окружения: правительственных сановни-

ков, военачальников, церковников, литераторов — панегиристов.

Содержащееся в этих образах обобщение черт политической реакции, военных и социальных преступлений имеет всякий раз точные истоки, запечатленные в многочисленных политических документах эпохи.

Авторская пометка на «Маскараде Анархии» — «Написано по поводу манчестерской резни» — была прямо рассчитана на то, чтобы поэма встала в один ряд с многочисленными выступлениями демократической прессы по поводу кровавой расправы правительства с народом (Николюкин, 1961: 85).

Когда в августе 1819 года английские власти послали конную милицию и гусар против мирных, безоружных участников большого митинга на поле Питерсфильд под Манчестером и в результате были убиты и ранены из числа рабочих и их семей, П. Шелли воспринял это как сигнал к революции, считая, что этим актом правительство дало рабочим моральное право на вооруженное восстание. В 1819 году он в «The Mask of Anarchy» («Маскарада анархии») говорил, обращаясь к англичанам (to the Men of England):

Stand ye calm and resolute,
Like a forest close and mute,
With folded arms and looks which are
Weapons of unvanquished war... (Shelley, 1959: 256)

Шелли еще верил, что достаточно стойкого пассивного сопротивления для того, чтобы в конечном счете восторжествовала правда (Stand ye calm and resolute).

Направляя свою сатиру против существующих в Англии общественных порядков, Шелли дает им обобщенное название «Anarchy». Анархия — это отрицание государственной власти, свойственное анархизму. Анархизм же — общественно-политическое течение, отрицающее необходимость государственной и любой иной власти, проповедующее неограниченную свободу. Еще анархия — отсутствие порядка, организованности; безначалие, безвластие. Выбор этого слова, которое не только входит в заглавие поэмы, но составляет как бы ее политическую и образную сердцевину, — не случаен. Слово «anarchy», которое не сходило в это время со страниц реакционной прессы, употреблявшей его для характеристики народных движений, — имеет в поэме подчеркнуто полемический смысл. Показывая вещи в их истинном свете, Шелли утверждает, что так называемый общественный «order», к поддержанию которого призывала реакционная литература и пресса, и есть в действительности не что иное, как разнузданная анархия самых темных и отвратительных сил — тирании, деспотизма и власти церковников. Употребляя слово «anarchy» в значении «fraud», Шелли раскрывает все уродство тех общественных установлений, охранять которые был призван этот «order». Именно это значение слова «anarchy» в поэме Шелли подчеркивают Элеонора Маркс и Эдвин Эвелинг (Aveling, 1947: 21). Характерно, что в таком же значе-

нии слово «anarchy» употреблялось и в радикальных изданиях. Словом «anarchy» Шелли выражает сущность общества свободного предпринимательства. Законники, священники, короли и банкиры собираются здесь для того, чтобы приветствовать анархию как свой Закон и своего Бога. Таким образом, уже сам замысел произведения: обнажить несоответствие истинной природы явления той «mask», в которой оно выступает, позволяет говорить о «Маскараде Анархии» («The Mask of Anarchy») как о политической сатире.

And many more Destructions played
In this ghastly masquerade,
All disguised, even to the eyes,
Like Bishops, lawyers, peers, or spies... (Shelley, 1959: 244)

Считая виновником манчестерской трагедии всю правящую клику, творящую свою расправу над народом под эгидой закона «в плаще правосудия», Шелли называет современную ему Англию царством произвола.

«На голове его (Fraud) — корона, в руке сверкающий скипетр, на его челе я увидел знак: „Я — бог, я — царь, я — закон“» (I am God, and King, and Law). Настойчиво, как рефрен, повторяется эта строка в поэме. Шелли обличает продажный английский закон, освящающий убийство, с негодованием говорит о служителях религии, взывающих к этому закону, называя «lawyers» (законников) и священников одной «motley crowd» (толпой шутов). Он говорит о том, что Произвол подчиняет своей власти банки и Тауэр, что на содержании у него находится и парламент.

To seize upon the Bank and Tower,
And was proceeding with intent
To meet his pensioned Parliament... (Shelley, 1959: 246).

Таким образом, поэма имеет многие исторические и национальные приметы.

Поэт видит: кровью орошено лицо английской земли, находящейся во власти этого Fraud; «по щиколотку в крови» (Looked — and ankle-deep in blood) стоит английский народ. Слово «blood» вновь и вновь появляется в поэме, словно напоминая, что не смыть кровавых пятен с преступной политики правящей клики. «The Power of Fraud» (Власть Произвола), — говорит Шелли, — это полное уничтожение свободы мысли, полное духовное порабощение народа, это «власть адвокатов и священников, епископов и шпионов, купцов и ростовщиков».

Безостановочно движутся страшные маски Murder (Убийства) и Imposture (Насилия) по английской земле — «O' er fields and towns; from sea to sea» (через города и села, из конца в конец), являя собою пышное и отвратительное зрелище.

Ужас охватывает каждого жителя города при виде того, как наемные убийцы (hired murderers) и шутовская толпа (motley crowd) служителей закона и церкви приветствует это шествие громкими крика-

ми. Стремясь к большей рельефности характеристик, Шелли показывает, что, принадлежа к одной банде врагов английского народа, «наемные убийцы», «священники и законники» ведут себя по-разному: если первые орут во все горло, требуя наполнить их кошельки и дать им поскорее насытиться кровью, то вторые склоняются перед произволом до земли в раболепном почтении.

Выдерживая стиль избранного им жанра «маски», Шелли говорит, что все участники шествия «закутаны с головы до пят» (was wrapped from head to heel) и истинное лицо их скрыто. По традиции национальной «маски» он наделяет каждое действующее «лицо» (вернее — маску) каким-нибудь вещественным атрибутом (clothed with the Bible, as with light), указывающим на то, что эта маска собой представляет. Здесь вступает в свои права тот традиционный сатирический прием, который Щедрин определил как «невещественных отношений вещественное изображение» (Щедрин, 1947: 23). Так, Убийство (Murder), маска которого похожа на Кэстльери, появляется в этом страшном маскарадном шествии (ghastley masquerade) в сопровождении ищейек (blood-hounds), которым он то и дело бросает человеческие сердца, вытаскивая их из-под своего широкого плаща (cloak).

I met Murder on the way —
He had a mask like Castlereagh —
Very smooth he looked, yet grim;
Seven blood-hounds followed him... (Shelley, 1959: 242)

Образ Убийства (Murder) наряду с образами Голода (Hunger), Нищеты (Poor), Преступлений (Crime) постоянно повторяется в демократической прессе.

Для того чтобы дать зримое представление о лицемерии Эльдона и Сидмаута, Шелли превращает слезы первого в «мельничные жернова» (mill-stones), а второго изображает верхом на крокодиле, косвенное использование образа «the crocodile cry» (крокодилы слезы). Белый конь, на котором замыкает это шествие сам Произвол, забрызган кровью.

On a white horse, splashed with blood... (Shelley, 1959: 244)

Сарказм Шелли выявляет прежде всего трагическую сторону действительности. Поэт изображает Произвол (Anarchy) в виде Скелета (Skeleton), раскланивающегося на все стороны так, «как если бы на его воспитание нация затратила десять миллионов». Образ этот не был новым в английской демократической сатире тех лет, в действительности Шелли не только идейно его углубляет, но и придает ему особую наглядность, включив его в систему образов своего жанра-маски.

The Anarchy, the Skeleton,
Bowed and grinned to every one,
As well as if his education
Had cost ten millions to the nation... (Shelley, 1959: 246)

Само содержание этой строфы определяет возникновение в ней перехода от одной формы комического к другой: ирония, на которой построены третья и четвертая строка (народ действительно затратил на Произвол деньги, о которых здесь идет речь, но только не на обучение его правилам вежливого обхождения), оборачивается в общем контексте строфы мрачным сарказмом, заставляющим содрогнуться: Произвол несет людям смерть — об этом говорит отвратительный образ ухмыляющегося Скелета (Неупокоева, 1971: 424).

Возможность выражения ужасного посредством смеха не раз привлекала к себе внимание художников начала XIX века.

Глубокая мысль о том, что для современной литературы характерно соединенное «в одном дыхании гротескное и возвышенное, ужасное и шутливое» содержится в «Предисловии» Гюго к «Кромвелю». Об этой возможности выражения ужасного посредством смеха Пушкин писал: «...иногда ужас выражается смехом. Сцена тени в „Гамлете“ вся писана шутливым слогом, даже низким, но волос становится дыбом от Гамлетовских шуток» (Колесников, 1963: 235).

Сохраняя за сатирическими масками своей поэмы их реальные имена, Шелли создал в «Маскараде Анархии» достоверную картину политической жизни Англии тех лет. И все же действующие в сатире герои — это не люди, а только маски.

I met Murder on the way —
He had a mask like Castlereagh... (Shelley, 1959: 246)

Их индивидуальные черты не интересуют сатирика, сосредоточивающего все свое внимание на выявлении различных сторон общественного зла, олицетворением которого и служит тот или иной персонаж сатиры.

Уродливые маски поэмы — не просто неподвижное скопление ужасных фигур. В поэме четко прослеживается их изменение. Без движения нет сатиры, потому что сатира неизбежно связана с разоблачением, а понятие «разоблачение» обязательно предполагает постепенное обнаружение истинной сущности явления, выступавшего вначале в своем фальшивом облике. «Разоблачение» предполагает, что кто-то или что-то предстает к концу произведения в новом свете. Но если в реалистической сатире разоблачение происходит обычно в результате определенных поступков персонажей, то в сатире революционного романтизма оно происходит обычно при помощи вмешательства автора, который прямо вторгается в повествование, произнося свой суд над происходящим. Именно по этому принципу и развивается «действие» «The Mask of Anarchy».

Содержание поэмы Шелли не сводится к политической сатире на деспотизм и произвол правящей клики Англии. Внимательно всматриваясь в условия жизни и труда рабочего люда, поэт раскрывает социальную трагедию своего народа. Он говорит о нищете народа, условия жизни которого хуже, чем условия жизни скота; о жизни труженика, который, «возвращаясь домой после долгого дня работы,

не имеет ни хлеба, ни теплого угла»; о ежедневных тяжелых лишениях, заботах и горестях простых людей. Если люди Англии, говорит поэт, не сразу могут ответить на вопрос, что такое свобода, то зато «они слишком хорошо знают, что такое рабство». Слово «Slavery» (рабство) имеет для Шелли прежде всего социальный смысл (Николюкин, 1961: 174).

Slavery (Рабство) — это значит «получать за свою работу такую плату, что ее едва хватает на поддержание жизни» (have such pay as just keeps life from day to day); это значит «делать для угнетателей ткацкие станки и плуги, сабли и лопаты, защищать их или работать на них» (so that ye for them are made loom, and plough, and sword, and spade); это значит «есть пищу, которую богач швыряет своему жирному псу» (tis to hunger for such diet as the rich man in his riot casts to the fat dog); это значит «позволять демону золота выжимать из труда в тысячу раз больше, чем он естественно может дать» (tis to let the Ghost of Gold take from Toil a thousandfold); это значит — «неполноценные бумажные деньги» (Paper coin). Рабство означает, говорит Шелли, уже прямо подходя к событиям манчестерской бойни, что «в ответ на ваши жалобы войска тиранов топят в крови ваших жен и вас самих» (tis to see the Tyrant's crew ride over your wives and you) (Shelley, 1959: 250).

Борьба, к которой призывает Шелли людей Англии, должна быть борьбой во имя Свободы (Freedom).

What is Freedom? — ye can tell
That which slavery is, too well... (Shelley, 1959: 249)

Снова во весь рост встает здесь вопрос о содержании общественного идеала Шелли.

В отличие от тех своих современников, которые стремились вытравить из слова «Freedom» (свобода) революционный смысл, вложенный в него самой историей последних десятилетий, Шелли все яснее сознает, что подлинная свобода немислима без коренного изменения жизни трудящихся. Проблема свободы все более тесно связывалась с социальными преобразованиями и в демократической прессе тех лет. Так, в одной из статей «The Gorgon» прямо утверждалось, что разговоры о свободе в то время, когда народу нечего есть, — пустая болтовня: «Когда людям нечего есть и пить, когда им негде спать и не во что одеваться, они — рабы».

Разоблачая «обманщиков» (impostors), внушающих народу, что «свобода — только преходящая тень» (Freedom like a shadow soon to pass away), Шелли говорит, что для трудящегося человека она — «хлеб, одежда, тепло» (clothes, and fire, and food). «В свободных странах не может быть таких массовых смертей от голода, как те, что мы видим теперь в Англии» (no — in countries that are free such starvation cannot be as in England now we see). Свобода, говорит поэт, это справедливость, «законы которой не продаются за золото, как продаются они в Англии сегодняшнего дня» (may thy righteous laws be sold as

laws are in England); свободные люди не признают власти церковников (Shelley, 1959: 244).

Поэт говорит и о том, что Свобода (Freedom) принесет людям Мир (Peace), что в свободной стране для простых людей с детских лет «будут сиять факелы Науки, Поэзии и Мысли» (Science, Poetry, and Thought are thy lamps).

Science, Poetry, and Thought
Are thy lamps; they make the lot
Of the dwellers in a cot
So serene, they curse it not... (Shelley, 1959: 253)

Разочарование в возможности достигнуть реформы мирным путем, которое так явственно прозвучало после манчестерской резни со страниц многих радикальных изданий и в публицистике самого Шелли, нашло свое выражение в «The Mask of Anarchy» в образе поверженной Надежды (Hope), «больше похожей на отчаяние» (she looked more like Despair). Едва не растоптанная копытами коней, она с молчаливым ожиданием следила за наступлением Произвола и его свиты. Это не просто «трогательный образ», имеющий вполне реальный смысл. С ним тесно связана другая символическая фигура поэмы — Седое Время (Father Time).

My father Time is weak and gray
With waiting for a better day... (Shelley, 1959: 247)

Образ Времени, выражающий представление Шелли о непрерывности поступательного движения истории, часто повторяется в его поэзии. Но если обычно Шелли говорил о времени, как о мудрой силе, приближающей человечество к счастливому обществу, то здесь устами Надежды он обвиняет Седое Время в том, что оно медлит принести человечеству дни счастья (как паралитик стоит оно, ожидая лучших дней; поколение сменяет поколение, а горестям и бедам, нависшим над человечеством, не видно конца).

See how idiot-like he stands,
Fumbling with his palsied hands... (Shelley, 1959: 247)

И все же Седое Время (Father Time) современности не может погасить светлой веры поэта в конечное торжество человека над силами рабства. Эта вера рождает новую тему поэмы: мысль, опережая действие, может достичь желаемого.

Поэт говорит, что поработанный народ не должен утратить веры в то, что придет день его победы. И вот уже маленький свет новой надежды становится ярче; вот уже свет этот подобен Утру; быстрее ветра проносится Надежда, ободряя измученных людей; вот уже повсюду пробудилось новое чувство (a sense awakening and yet tender Was heard and felt) — чувство освобождения; вот уже слышен мощный клич, «как будто сама негодующая Земля, давшая рождение сынам Англии, содрогнулась, почувствовав на своем челе их кровь».

Had turned every drop of blood
By which her face had been bedewed... (Shelley, 1959: 249)

Обе части «Маскарада Анархии» органически связаны между собой не только общностью основной темы, но и столь важным для идейно-эмоционального звучания этого произведения ощущением неизбежности возмездия насильникам. Эта связь достигается прежде всего тем, что время действия второй части поэмы то же, что и первой: время, когда народ находится во власти своих угнетателей. Но если в первой части гнет и насилие представляли как некая фантастическая злая сила, неумолимо наступающая на людей (это подчеркивалось как самой формой маски, так и данным в первой строфе поэмы сближением всего происходящего с кошмарным сном), то во второй части люди просыпаются ото сна и видят те же уродливые общественные отношения наяву. Зло окружающего уже прояснено для человека, оно реально, с него снята таинственность и неумолимость кошмара. Тем самым народ как бы уже внутренне готов воспринять тот призыв к возмущению, восстанию против несправедливого общества, с которым обращается к нему поэт.

Сам этот призыв выделяется Шелли из контекста поэмы особыми поэтическими средствами. Он написан как речь поэта-трибуна, выступающего перед народным слушателем.

Шелли называет свой народ «героем еще не написанного сказания» (heroes of unwritten story), надеждой породившей его земли. Он призывает сынов Англии восстать ото сна и сбросить с себя цепи рабства; он напоминает, как много их против небольшой кучки паразитов-эксплуататоров.

Rise like Lions after slumber
In unvanquishable number,
Shake your chains to earth like dew
Which in sleep had fallen on you —
Ye are many — they are few... (Shelley, 1959: 249)

«Ye are many — they are few» (Вас много — их мало) — эта строка стала крылатой. Много раз возрождалась она в английской демократической поэзии следующих поколений.

Удивительны по «емкости» поэтической фразы, по глубине мысли эти строфы. Они непосредственно перекликаются со страстными стихами «Song to the Men of England» («Песни к людям Англии»).

Прочно вошедшие в золотой фонд английской революционной поэзии благодаря силе поэтического воплощения революционной идеи, приведенные выше строфы «The Mask of Anarchy» явились как бы поэтическим синтезом многочисленных выступлений на эту тему демократической прессы того времени.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. **Белинский В. Г.** Собрание сочинений. — М.: АН СССР, 1968. — 562 с.
2. **Дьяконова Н. Я.** Шелли. — М., 1994. — 341 с.
3. **Колесников Б. И.** Революционная эстетика П. Б. Шелли. — М.: Высш. шк., 1963. — 274 с.

4. **Неупокоева И. Г.** Революционный романтизм Шелли. — М.: Гослитиздат, 1959. — 470 с.
5. **Николюкин А. Н.** Массовая поэзия в Англии конца XVIII — начала XIX веков. — М.: Изд-во Академии наук СССР, 1961. — 275 с.
6. **Щедрин Н.** Избранные произведения. — М., 1947. — 735 с.
7. **Aveling A.** Shelley's Socialism. — Manchester, 1947. — 491 p.

СПЕЦИФИКА ТЕКСТОВЫХ КОНЦОВОК В АСПЕКТЕ ЖАНРОВОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

Е. С. Лузина

В лингвистике текста и в функциональной стилистике понятие жанра является одним из самых сложных. Будучи по происхождению явлением, заимствованным лингвистикой из литературоведения, на лингвистической почве жанр обрел новое содержание и новые горизонты изучения. В роли литературоведческого понятия жанр определяется как «идеальный» тип или логическая сконструированная модель конкретного литературного произведения, которые могут быть рассмотрены в качестве его инварианта (ЛЭТП, 2003). Теоретические основы лингвистического изучения жанров были заложены в стилистической концепции В. В. Виноградова (Виноградов, 1963). Однако до настоящего времени эта проблема остается среди наименее изученных. Вопрос заключается прежде всего в неопределенности осознания учеными лингвистической природы жанра, что имеет итогом заметные расхождения в его трактовке. М. Н. Кожина определила жанр как «разновидность литературного произведения, характеризующегося по сферам общения различными особенностями назначения, направленностью содержания, образованием форм и построения текста в композиционно-сюжетном плане, размером и некоторыми другими признаками» (Кожина, 1972: 91). А. Н. Кожин, О. А. Крылова и В. В. Одинцов квалифицируют жанр как «выделяемый в рамках того или иного функционального стиля вид речевого произведения, характеризующийся единством конструктивного принципа, своеобразием композиционной организации материала и используемых стилистических структур» (Кожин и др., 1982: 59). В. Н. Вакуров дает многомерную характеристику: «Жанр — это всегда установка как на определенный тип, способ изложения, характер и масштаб обобщений, вид подхода, отношения к действительности, так и к экстралингвистической принадлежности речевого произведения» (Вакуров, 1978: 7).

Последнее определение представляется самым «лингвистическим», поскольку «установка как на определенный тип и способ изложения» фактически затрагивает процесс текстопостроения и может послужить ориентиром в освоении лингвистикой текста понятия жанра. С этой

точки зрения разные элементы текста могут быть прокомментированы как обусловленные тем или иным способом текстопостроения, запрограммированным требованиями определенного литературного жанра. Текстовые концовки романа, безусловно, отличны от текстовых концовок короткого рассказа, но специфика их построения не может быть выяснена без знания жанровых ориентиров.

Что касается собственно текстовых концовок как элементов текста, то здесь важно подчеркнуть, что конец текста считается его сильной позицией. К сильным позициям, помимо концовки, лингвисты относят заглавие, эпиграф, начало текста. Именно в сильных позициях текста автор аккумулирует его наиболее важные информативные линии. Несмотря на то, что перечисленные сильные позиции текста не были сопоставлены по степени своей интенсивности, концовку текста, возможно, следует признать самой «сильной». Между тем она изучена очо слабо, особенно в сравнении с заголовком, который не перестает привлекать внимание ученых начиная с тридцатых годов прошлого столетия. Показательно, что не существует и однозначного определения понятия «концовка текста». В целом она рассматривается как та «сильная позиция» текста, которая находится в заключительной части текста, и, как правило, занимает один или несколько абзацев, заключая в себе важную содержательную информацию и играя важную роль в композиционном оформлении текста.

В настоящей статье рассматриваются текстовые концовки в ряде коротких рассказов одного автора, а именно Д. Лоуренса, что позволяет связать их текстопостроительные характеристики с идиостилистическими моментами, в данном случае не усложняющими исследование, а напротив, упрощающими его, так как принцип единообразия в отношении автора помогает сосредоточиться именно на текстовой значимости концовки. Следует отметить, что помимо жанра, концовка текста может предопределяться другими явлениями и, в частности, психостилистической отнесенностью текста. Так, В. П. Белянин делит тексты на «веселые», «усталые», «печальные», «жестокие», «активные» и т. д. (Белянин, 1990: 89 — 99). Таким образом, жанровую классификацию можно совместить с психостилистической, так как тексты того или иного жанра могут быть, соответственно, веселыми, печальными, а также иметь какую-либо другую эмоциональную окраску. В этом смысле большинство рассказов Д. Г. Лоуренса следует отнести к печальным. При всей своей печальной психостилистической направленности они имеют и довольно определенную тематическую однородность. Его рассказы посвящены тревогам и заботам бедных семей, они повествуют о тяжелой жизни простых людей, о безысходности, в которой те оказались, при этом трагизм в конце рассказа является типичным. Как правило, в коротких рассказах Д. Лоуренса истинный конец читатель понимает и осознает лишь в последних абзацах текста, что дает основание к заключению об особой функциональной нагруженности концовки у этого автора.

В частности, рассказ «*Odour of Chrysanthemums*» повествует о трагическом дне шахтерской семьи. Жена, ожидая мужа с работы, ощущает тревогу. Ей хочется верить, что он засиделся в пивной, но тот погиб в шахте. Оставшись с двумя детьми, вдова не знает как прожить ей следующий день. Автор завершает данный рассказ следующими строчками:

At last it was finished. They covered him with a sheet and let him lying, with his face bound. And she fastened the door of the little parlour, lest the children should see what was lying there. Then, with peace sunk heavy on her heart, she went about making tidy the kitchen. She knew she submitted to life, which was her immediate master. But from death, her wined with fear and shame.

В концовке данного рассказа категория завершенности полностью реализована. Даже слова автора «*At last it was finished*» говорят о том, что все закончилось, но тем не менее, автор продолжает повествование, изображая какую-то несущественную в данном контексте ситуацию и как бы продляя художественное время рассказа, но продолжая при этом выдерживать его в той же психостилистической тональности.

Не может не впечатлить глубина авторского проникновения в самосознание рабочих в рассказе «*A Sick Collier*», главный герой которого — шахтер Вилли, прикованный к постели после трагедии на шахте. Он хочет поддержать своих бастующих товарищей по шахте, но у него нет такой возможности и ему приходится жить на мизерную компенсацию. Данный рассказ заканчивается вопросительным предложением с многоточием. Главные герои не знают, что их ждет на следующий день:

Oh, but it does, whatever shall we do?...

Здесь также выдержаны все отмеченные выше нюансы построения текстовой концовки, включая продленность художественного времени в будущее. Для Д. Лоуренса последний момент в продуцировании конца рассказа является характерным, хотя он и позволяет себе несколько варьировать его, делая ожидающее героев будущее более или менее определенным, а иногда и добавляя в него оптимистическую ноту. Например, в рассказе «*A Horse Dealer's Daughter*» Д. Лоуренс описывает следующие события. После смерти отца семья впадает в нищету. Три брата и сестра не знают как им жить дальше. От безысходности младшая сестра Мейбл пытается утопиться. Молодой доктор спасает ее и обещает на ней жениться. С точки зрения категории завершенности, конечные реплики текста этого рассказа не дают полного понимания того, что ждет Мейбл впереди, но привносят элемент оптимистического ожидания.

But she only sobbed terribly, and cried:

— I feel awful. I feel awful. I feel I'm horrible to you.

— No, I want you, I want you', was all he answered, blindly, with that terrible intonation which frightened her almost more than her horror lest he should not want her.

Из проанализированных выше концовок рассказов Д. Лоуренса можно заключить, что в целом автор последовательно выдерживает психостилистическую тональность своих текстов, и печальному началу практически всегда сопутствует печальная концовка. Данный факт может быть квалифицирован как один из текстопостроительных приемов в построении такой сильной позиции текста, как его конец. Однако если сравнить трагизм начала и конца данных рассказов, то начало, с точки зрения содержания, можно скорее отнести к теме физической боли, а конец — к моральной.

Несмотря на довольно пессимистическое начало рассказов, у нас возникает чувство, что его героев ждет светлое и доброе будущее. Казалось, что все должно закончиться хорошо и сами герои, честно говоря, надеялись на это. Часто и Д. Лоуренс давал понять читателю, что все может измениться в лучшую сторону и в конце концов герои обретут свое счастье. Но, как правило, в конце короткого рассказа наши ожидания не сбывались. Значит, начав читать текст, нам не удалось почувствовать то, к чему ведет автор. Это может означать следующее: конец бывает ясный, ожидаемый с самого начала, а бывает неожиданный. Мастером неожиданных концовок является О. Генри. Это признано в первую очередь литературоведами, но они не вникают в словесную ткань произведения до такой степени, чтобы показать, как в словах это начинает выражаться, где и когда. Лингвистический анализ текста основан именно на языковых явлениях продуцирования конца.

В рассказах с ожидаемой концовкой конец может закладываться уже в самом начале (тоже сильной позиции). Читатель уже с первых страниц может выдвинуть свои предположения по поводу окончания произведения. В данном случае начало уже закладывает конец. Но, начав читать текст короткого рассказа, довольно трудно почувствовать, чем он может закончиться. Исходя из нашего опыта, важно отметить, что ожидаемые концовки встречаются крайне редко. Это объясняется фантазией автора и его умением запутывать сюжетные линии.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. **Белянин В. П.** К построению психостилистики художественных текстов / В. П. Белянин // Поэтика жанра и образа. Учен. зап. Тартуского университета. Вып. 879. Тарту, 1990. — С. 89–99.
2. **Вакуров В. Н.** Стилистика газетных жанров : учеб. пособие для вузов по спец. «Журналистика» / В. Н. Вакуров, Н. Н. Кохтев, Г. Я. Слоганник. — М. : Высш. шк., 1978. — 183 с.
3. **Виноградов В. В.** Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. / В. В. Виноградов. — М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1963. — 255 с.
4. **Кожина М. Н.** О речевой системности научного стиля сравнительно с некоторыми другими / М. Н. Кожина. — Пермь : Перм. гос. ун-т им. А. М. Горького, 1972. — 147 с.

5. **Кожин А. Н.** Функциональные типы русской речи : учеб. пособие для фил.-лол. спец. ун-тов / А. Н. Кожин, О. А. Крылова, В. В. Одинцов. — М. : Высш. шк., 1982. — 223 с.

СУЩНОСТЬ КУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА

В. П. Лац

Жизнь общества разворачивается в пространстве и во времени. Осознание этого факта побудило современных философов, социологов, культурологов, географов, психологов обратиться к изучению особенностей времени и пространства социальной жизни и анализа специфики их восприятия. Категории «время» было уделено гораздо больше внимания, чем категории «пространство». Однако нельзя сказать, что пространством никто не интересовался: напротив, его изучали под самыми разными углами зрения.

Изучение пространственного аспекта культуры занимает одно из ведущих мест в социально-культурной антропологии. Французский ученый А. Леруа-Гуран один из первых обратился к пространственным характеристикам элементов материальной культуры, таким как значимость их протяженности и объемности, а также к вопросам различного восприятия пространства в разных культурах, при разных способах жизнеобеспечения [Лотман Ю. М., 1992: 342].

Пространство это и возможность, и действительность реализации культуры. Ю. Лотман подчеркивает, что «своеобразие человека как культурного существа требует противопоставления его миру природы, понимаемой как некультурное пространство» [Лотман Ю. М., 1992: 125]. Таким образом, он прямо указывает на существование внекультурного и культурного пространств. Тем не менее изучение культурного пространства следует начать с анализа пространства социального.

Впервые анализ проблемы социального пространства был предпринят П. Сорокиным в работе «Социальная стратификация и социальная мобильность», посвященной перемещениям индивида внутри социального пространства. Ученый считает, что без людей социальное пространство не возникает. «Социальное пространство есть некая вселенная, состоящая из народонаселения земли. Там, где нет человеческих особей или же живет всего лишь один человек, там нет социального пространства, поскольку одна особь не может иметь в мире никакого отношения к другим» [Сорокин П., 1992: 298]. Он показывает, что «определить положение человека или какого-либо социального явления в социальном пространстве означает определить его отношение к другим людям и другим социальным явлениям». Другими словами, социальное положение — совокупность его связей со всеми групп-

пами населения, внутри каждой этих групп с ее членами. Наконец, Сорокин отмечает, что социальное пространство многомерно.

Поскольку социальность возникает там, где существует человеческое взаимодействие, то социальное пространство возникает в результате взаимоотношений между людьми. Люди, приспособившись к природной среде, создают новое пространственное качество, самыми заметными элементами которого являются разделение труда, социальная иерархия, государство. Социальное пространство возникает в процессе реализации исторически сложившихся форм совместной деятельности людей в социальной организации, формах коллективных, социальных институтах, в вещах.

Социальное пространство не однородно, а иерархически организовано основой иерархии социальных групп и слоев выступает степень обладания собственностью, доходами, властью и социальным статусом. Соответственно социальные группы, занимающие верхние ступени социальной иерархии, стремятся обеспечить себе лучшее положение в пространстве: оснащенность социальной и транспортной инфраструктурой, ландшафт, экологические условия, рекреационный потенциал среды, насыщенной объектами культуры и памятниками истории. Престиж того или иного места пространства кроется не столько в его объективных собственных превосходных свойствах, сколько в признанном господстве тех, кому они достаются в первую очередь или исключительно, и чьи частные социальные представления о ценности среды принимаются всеми как общезначимые. Высшую ценность приобретают те пространства, как пишет Сапронов П. А., где происходит концентрация обладателей экономического культурного и социального капиталов, лежащих в основе признанного превосходства. Неоднородность социального пространства связана с выделением системы подпространств, в основе которого лежат как особенности структурных элементов среды, так и специфические черты осуществляемой в ней деятельности (внутридомовое пространство, придомовое пространство, пространство организаций и учреждений, ритуальное пространство и т. д.).

Однако есть несколько причин, заставляющих признать недостаточность понятия «социальное пространство» при анализе социокультурных реальностей. Не только социальность создает, но пространственное качество, она создает его в единстве с культурой, которой не существует. При этом нельзя забывать, что культура — искусственное образование. Г. Риккерт по этому вопросу замечает, что «продукты природы» — то, что свободно произрастает из земли. Продукты же культуры производит поле, которое человек вспахал и засеял. Следовательно, природа есть совокупность всего того, что возникло само собой, само родилось и предоставлено собственному росту. Противоположностью природе в этом смысле является культура, как то, что или непосредственно создано человеком, действующим сообразно оце-

ненным им целям, или, если оно уже существовало раньше [Риккерт Г., 1995: 69].

Прежде всего, культура, возвращая и формируя человека, формирует не только его, но само пространство его обитания и среду; в которой он существует. Ибо невозможно формировать лишь человека, не затрагивая этим самым его окружения, кроме того, человек не дается как некое субстанциональное и замкнутое образование, он всегда в ситуации, т. е. в общем пространстве. Во-вторых, не только объективное социальное окружение составляют пространство общественной жизни, но и те связи, которые человек выстраивает вокруг себя, совершая различные выборы, создают его. Человеческие действия не просто «протекают», а конструируются, выстраиваются в соответствии с пониманием человеком их значения. Поскольку человек действует не как угодно, а определенным культурным способом, социальное пространство обретает новую ипостась — пространство культурное. В-третьих, общественные отношения не только реализуются материально-вещественно, но содержат и идеальный, духовный аспект. Поэтому необходимо ввести понятие «культурное пространство», под которым мы понимаем пространственное взаимосогласование и взаимовлияние духовных аспектов деятельности людей вместе с их материальными носителями.

Культура в своем первом значении как возделывание, обработка, уже есть возделывание прежде всего земли и человека, его воспитание и личное совершенствование. Но нельзя сказать, что сначала была культура, а потом появился человек, как неверно утверждать и обратное: сначала был человек, а потом — культура. Создание культуры и «возделывание» человека — это один и тот же процесс взаимоопределения, взаимоформирования. Поэтому можно сказать, что культура — «пространство», посредством которого и в котором происходит формирование, создание человека.

В любом обществе существует сеть учреждений и организаций специально предназначенных для выполнения функции трансляции опыта передачи культурно значимой информации. Поэтому узлами культурного пространства выступают культурные институты, т. е. такие организации (структуры и учреждения), которые призваны выполнять функции создания, хранения и трансляции культурно значимой информации. К ним относятся прежде всего те, которые занимаются сбором и сохранением культурного наследия (библиотеки, архивы, музеи, историко-культурные заповедники и т. д.), осуществляют развитие художественной культуры (архитектурные, художественные и реставрационные мастерские, киностудии и кинопрокатные учреждения, театры, цирки, книгоиздательские и книготорговые учреждения, творческие союзы и объединения и т. д.), сохраняют и распространяют традиционные, нравственные, религиозные и иные духовные ценности (религиозные общины, храмы и т. д.), образовательные учреждения, научно-исследовательские институты, институты досуговой работы (клубные кружки, просветительские общества, туристические орга-

низации). Не каждое социальное действие соответствует культурным нормам, воплощает ценности данной культуры, способствует интегративным, созидательным целям. С точки зрения способов воплощения ценностей культурное пространство весьма неоднородно. В него входят и овеществленные памятники культуры, и ценности, означенные в текстах и обращающиеся в системе коммуникации, и психически воплощенные ценности, закрепленные в паттернах поведения, традициях и коллективном бессознательном. Однако вне зависимости от способа своего воплощения, но и благодаря ему, ценности эти соотносимы между собой в едином актуальном состоянии культурного пространства [Риккерт Г., 1995: 69].

Таким образом, культурное пространство есть форма существования культуры в единстве ее материально-вещественных и духовно-смысловых результатов и образов, которая выражает протяженность распространения, степень воздействия на сознание и поведение людей и глубину усвоения, принятия ими ценностно-смыслового содержания культуры. Эти три момента и составляют измерения культурного пространства,

Социальное и культурное пространства не существуют одно без другого, это не два пространства, а одно. Вводя термин «социальное пространство», А. Я. Флиер, И. Зельнов ориентируются прежде всего, на интересы объективистского функционального анализа, а при использовании понятия «культурное пространство» подразумевают исследование степени приближенности к смыслам культуры, к его ценностному ядру.

Следует отметить, что помимо общего культурного пространства общества, являющегося для каждого отдельного человека внешней формой его бытия, существует и индивидуальное культурное пространство. Координатами индивидуального пространства, как показывает А. М. Бекарев, являются три отношения: «я могу», «мне нужно», «нужен». Именно они определяют место человека в социальном пространстве. Место человека в пространстве общества зависит от того, что нужно обществу и кто нужен ему. Человек, который стремится заменить собою всех и вся, которому все нужно — стремится занять высокое положение в общественной иерархии. Человек, который желает быть нужным всем, развивает свои индивидуальные способности и тем сам приводит в гармонию отношения «я нужен» и «мне нужно» [Бекарев А. М., 1992: 97]. Каждая культура формирует разные размеры структуры личного пространства: интимной зоны, защитной зоны, социальной зоны.

Культурное пространство — это не просто какая-то территория, а поле, система значений, в пределах и под влиянием которого осуществляются человеческая деятельность и общение. Если система значений изменяется, искажается, наконец, просто не востребуется, культурное пространство также претерпевает изменения вплоть до исчезновения.

В начале XX в. была поставлена проблема ментальной модели про

странства в сознании человека, обозначенная как «cognitive map». Традиция употребления термина «ментальная карта», существующего теперь во множестве вариантов, восходит к работе Дж. Тробида. Причем среди описаний образа пространства представлены как исследования индивидуального образа и общих закономерностей его возникновения и строения, так и попытки выявления «коллективного образа»: черт и значений пространства, разделяемых той или иной группой, — жителями определенной местности или района города, теми, кто составляет локальную традицию [Линч К., 1982: 135].

Историческими формами освоения пространства было присоединение (путем завоеваний или колонизации) и преобразование. «Человеченное» пространство разрастается не только спонтанно, стихийно, но и сознательно, организовано. Сознательное преобразование мира утверждается в неолитическую эпоху вместе с развитием земледелия и скотоводства. Но выражается не только в них, а и во всех процессах целесообразной деятельности человека. Наиболее же зрительно «преобразованное пространство» выступает в феномене города как социокультурного явления. Более того: именно динамика развития городов дает импульс к дальнейшему преобразованию различных пространств (географического, экономического, политического, исторического и т. д.).

Таким образом, пространство, создаваемое культурой многомерно, неоднородно и предоставляет каждому человеку разнообразные возможности для ориентации в нем. Насколько хорошо каждый отдельный человек использует эти возможности, зависит не только от культуры данного общества, но и от его собственной индивидуальной культуры, от степени освоения им наиболее продуктивных способов ориентации в пространстве.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Лотман Ю. М. Культура и взрыв / Ю. М. Лотман. — М., 1992. — 703 с.
2. Сорокин П. С. Социальная стратификация и мобильность / П. С. Сорокин. — М., 1992. — 119 с.
3. Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре. Культурология XX век / Г. Риккерт. — М., 1995. — 250 с.
4. Бекарев А. М. Свобода человека в социальном пространстве / А. М. Бекарев. — Н. Новгород, 1992. — 270 с.
5. Лурье С. В. Историческая этнология / С. В. Лурье. — М., 1998. — 385 с.
6. Линч К. Образ города / К. Линч. — М., 1982. — 197 с.
7. Гачев Г. Д. Наука и национальные культуры / Г. Д. Гачев. — Ростов н/Д., 1992. — 676 с.
8. Исторический источник : человек и пространство : тез. докл. / под ред. О. М. Медушиной. — М., 1997. — 19 с.

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ ЭВОЛЮЦИИ
АКТЕРСКОЙ ИГРЫ ВО ФРАНЦУЗСКОМ ТЕАТРЕ

В конце XVII — начале XVIII века стиль актерской игры во французском театре определялся исключительно требованиями аристократического вкуса. Эти требования были таковы, что если бы актеры позволили себе играть просто и естественно (т. е. вести себя на сцене как в повседневной жизни), они вызвали бы огромное недовольство высшего сословия. Согласно вкусу аристократии, герои классической трагедии — короли и вельможи — обязаны были казаться «величавыми» и «возвышенными». Для этого актерам необходимо было соблюдать на сцене статуарность, производить как можно меньше движений, произносить слова «благородным, полным достоинства и царского величия голосом» (Державин, 1937: 262). Обычно представления проходили следующим образом: актеры выстраивались на просцениуме в ряд или полукругом и произносили свои слова по очереди. Причем, было не принято смотреть на своих партнеров во время исполнения роли. Актеры произносили диалоги, глядя в зрительный зал, обращаясь к кому-то или чему-то только им ведомому. Все сценическое действие сводилось к псалодирующей напевной декламации. Мастера декламации отличались умением проговаривать двадцать или более стихов скороговоркой на одном дыхании, так что невозможно было разобрать ни одного слова. Заканчивалась подобная тирада, как правило, громоподобным возгласом. Сила голоса и протяжность тона являлись для актера того времени практически единственными средствами для передачи эмоций. Поэтому, чтобы взволновать зрителя, актеры кричали и завывали, иногда с такой силой, что их было слышно далеко за пределами театра. Вместе с тем, при всей горячности декламации актеры — классицисты не ставили перед собой задачи перевоплощения в своих сценических героев. С увлечением передавая мысли и страсти персонажей, они не задумывались об их характерах, о передаче их индивидуальности, которой, в принципе, не могло быть у героев классицистической трагедии.

В середине XVIII века во французском обществе получили широкое распространение просветительские идеи, которые оказали существенное влияние на рост политического и социального самосознания третьего сословия. Выбрав главным средством пропаганды своих философских воззрений театральное искусство, просветители (Вольтер, Дидро, Мерсье и др.) начали реформу классицистического театра, который, по их мнению, был далек от реальных проблем, отличался искусственностью сценических приемов и форм. Философы выдвинули новые требования к драматическому искусству — *правдивость* и *естественность*. На сцене появились исторически достоверные де-

корации. Актерский костюм стал более реалистичным. На этом фоне недостатки актерской игры стали особенно заметны. В печатных изда-

ниях того времени, как свидетельствуют современники, начали появляться критические заметки в адрес актеров. Их упрекали в напыщенности, отсутствии естественности, неумении слушать друг друга. В свет вышли трактаты (например, Удара де Ламотта, Луиджи Риккобони, Франсуа Риккобони и др.), посвященные актерскому мастерству. В них авторы выступают против засилья декламации, за свободу жеста и мимики, за выражение естественных человеческих чувств. Актерам также даются советы по поводу того, как правильно держать себя на сцене, как двигаться, как говорить. Например, в трактате итальянского актера Франсуа Риккобони «Искусство театра» («L'art du théâtre»), опубликованном в 1750 году, подробно изложены основные принципы актерского мастерства, которые, по мнению автора, необходимо знать каждому, кто желает стать актером. Первое, чему должен обучиться актер, считает Риккобони, это манере держаться на сцене. Жесты актера должны быть гармоничны, походка — «уверенной, ровной, сдержанной, без толчков». Одной из самых важных задач актера Риккобони считает «умение добиться наполненного, приятного и естественного звучания голоса». Кроме того, Риккобони утверждает, что актер должен понимать, что играет. Автор даже не против декламации, если она осмыслена. Актеру также необходим ум, чтобы уметь играть разнообразные роли и передавать всю гамму смыслов. Зритель должен быть убежден в том, что актер испытывает те чувства, которые передает. Важное место, по мнению Риккобони, необходимо уделять мимической игре, поскольку все чувства актера должны отражаться на его лице. Наконец, Риккобони дает в своем сочинении подробные советы по поводу того, как изображать самые различные оттенки чувств: нежность, силу, ярость, экзальтацию, благородство, величественность, радость и др. Можно найти в трактате и советы, как обучиться искусству говорить и как правильно разучивать роли (Риккобони, 2005: 237).

Появление трактатов, подобных сочинению Франсуа Риккобони, убедили и профессионалов, и любителей театрального искусства в том, что актерская игра — это главная составляющая сценического действия, которой следует уделять самое пристальное внимание. Кроме того, новому зрителю, далекому от нравов двора Людовика XIV, игра актеров расиновской школы казалась скучной и неинтересной. Новой публике хотелось изображения «естественных чувств», хотелось видеть актеров, способных быть правдивыми и естественными. От актеров потребовалось изображение реальных героев и их реальных характеров.

В связи с новыми требованиями, в середине XVIII века на французской сцене начали преобладать новые традиции, более внимательные к внешним признакам человеческого поведения. Начало решительной реформы актерского искусства принято связывать с именем Вольтера, трагедии которого «во многом способствовали развитию актерского творчества, так как они давали возможность актерам, сохраняя

навыки и принципы классицистской игры, добиваться большей простоты и эмоциональности исполнения» (Дживелегов, 1941: 463).

Традиции великого драматурга были продолжены актерами вольтеровской школы — Мари Дюмениль, Ипполитой Клерон и Анри Лекеном.

Мари Дюмениль (1713—1802), по свидетельствам исследователей, славилась предельной искренностью в своей игре и взрывами страсти. Она обладала умением убедить в подлинности изображаемых на сцене чувств, могла заставить зрителя плакать, возбудить в его сердце страх или сострадание.

Ипполита Клерон (Клэр-Жозеф Лерис де ла Тюд, 1723—1803) была лучшей исполнительницей пьес Вольтера. Как свидетельствуют историки, она обладала красивым лицом, изящной фигурой, сильным голосом. Клерон всегда тщательно готовила свои роли, глубоко продумывая все детали — костюм, дикцию, мимику, жесты. Две последние составляющие актерского искусства были разработаны ею до совершенства. Современники утверждали, что она могла без единого слова, без единого жеста изобразить на лице все тончайшие оттенки чувств — ужас, страх, тревогу, ненависть, ярость, возмущение, отвращение, безразличие, беспокойство и т. д. Клерон также заботилась о соответствии жестов идее образа, изображаемому характеру.

Анри-Луи Лекен (1729—1778) обучался актерскому мастерству под руководством Вольтера, который заметил талантливого юношу и пригласил его в свой домашний театр. Лекен являлся большим мастером напевной декламации, от которой актер в современных ему условиях пока не мог отказаться. Вместе с тем, Лекен, вслед за Дюмениль и Клерон, изгнал из своей игры те традиции придворно-аристократического стиля, которые мешали актерам изображать на сцене настоящие человеческие чувства. Лекен стремился к правдоподобию, он старался играть сильных, страдающих, страстных героев, передавая их индивидуальность, своеобразие их переживаний.

Сценический опыт работы великих актеров во многом стал основой для написания фундаментального теоретического труда Дидро по актерской технике «Парадокс об актере» (1773—1778). Здесь Дидро говорит об актере, как о важном и необходимом посреднике между драматургом и публикой. Реалистические тенденции в драматургии потребовали реалистического стиля актерской игры. Поэтому, по мнению Дидро, актер должен быть естественным и правдивым, играть без ложного пафоса. Хороший актер, утверждает автор, это тот, кто играет, руководствуясь рассудком, воображением, памятью, а не чувствами и эмоциями. Дидро потребовал от актера проницательности, но не чувствительности. Актер, поясняет Дидро, не должен сам становиться персонажем, он должен суметь вызвать у публики эмоции, соответствующие замыслу образа (Дидро, 1936: 571).

Артистические принципы, намеченные Дидро, нашли свое наилуч-

шее воплощение в творчестве французского актера второй половины XVIII века Франсуа Тальма (1763—1826). Актер появился на французской сцене в эпоху, когда социальные конфликты в стране достигли своего апогея. Революционные настроения проникли и на театральную сцену. Буржуазный зритель потребовал изображения новых героев, новых чувств, новой манеры актерской игры. Пришло осознание того, что для того, чтобы быть хорошим актером, недостаточно одного таланта. Актерскому искусству необходимо обучаться. В 1786 году в Париже открылась первая Королевская драматическая школа декламации. Тальма одним из первых был принят в эту школу. Тут молодых актеров обучали старым принципам актерской игры, унаследованным от эпохи Людовика XIV. Тальма был одним из самых способных учеников. Однако, начав выступать на сцене Французской комедии, он не последовал заветам своих учителей. Тальма не пошел по пути условной, неестественной читки стихов трагедии. Он проявил самостоятельность актерской мысли и явился первым французским актером, который полностью отказался от напевной декламации. Его игра отличалась естественностью и эмоциональностью, а его мимические сцены производили глубокое впечатление на зрителей. Критики ценили Тальма за то, что он никогда не играл условных героев. Его персонажи всегда были психологически продуманы и оправданы. Кроме того, образы, которые создавал Тальма, отвечали требованиям революционно настроенной публики. Актер пытался отразить в своем творчестве социальные конфликты революционной эпохи, стать трибуном этой эпохи, вовлечь зрителя в происходящие события. Игра Тальма таким образом соответствовала требованиям революционно-буржуазного театра, который главными принципами актерской игры считал правдивость и эмоциональность.

Таким образом, реформа актерского мастерства во Франции начала осуществляться во второй половине XVIII века. Превращение французского театра в «театр третьего сословия», требования нового, буржуазного зрителя привели к тому, что из актерской игры ушли декламация, а также напыщенность и ходульность аристократического театра. Благодаря усилиям таких великих французских актеров, как Дюмениль, Клерон, Лекен, Тальма игра актеров второй половины XVIII века стала более правдивой и естественной. Осознание того, что актерскому ремеслу необходимо учиться, привело к открытию во Франции в 1786 году первой актерской школы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. **Державин К. Н.** Театр французской революции (1789—1794) / К. Н. Державин. — М. ; Л. : Искусство, 1937. — 311 с.
2. **Дживелегов А. К.** История западноевропейского театра. От возникновения до 1789 года / А. К. Дживелегов, Г. Н. Бояджиев. — М. ; Л. : Искусство, 1941. — 614 с.
3. **Риккбони Ф.** Искусство театра / Ф. Риккбони // Театральная жизнь

России в эпоху Елизаветы Петровны: Док. хроника, 1741—1750 / Науч. совет «История мировой культуры» РАН; Гос. Ин-т искусствознания М-ва культуры и массовых коммуникаций РФ. — Вып. 2. Ч. 2 / сост. Л. М. Старикова. — М. : Наука, 2005. — С. 233—261.

4. **Дидро Д.** Собрание сочинений : в 10 т. / под. общ. ред. И. К. Луппола / Д. Дидро. — Т. Театр и драматургия. Вступ. статья и примеч. Д. И. Гучева : пер. Р. И. Линцер. Ред. текста Э. Л. Гуревича и Г. И. Ярхо. — М. ; Л. : Академия, 1936. — 657 с.

БАЛ В КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ДВОРЯНСКОГО ОБЩЕСТВА XVIII ВЕКА

Е. В. Савина

Важным структурным элементом дворянского быта XVIII века являлся бал. Он был как эпицентр ассамблей, клубных собраний, Больших и Средних Эрмитажей, маскарадов, воксалов, так и занимал периферийное положение в салонах.

«Словарь Императорской Академии Наук» определяет бал как «собрание, съезд и самый пир» (1790, Ч. 2: 1139); «Словарь русского языка XVIII века» характеризует этот феномен как «праздник, собрание с танцами» (1984: 130). Более емкую характеристику балу дает французский балетмейстер Ш. Компан, приравнявая его к театру и противопоставляя «дивертисменту» и пиру. Рассуждения его столь любопытны, что приведем их целиком: «дивертисман» разворачивается «без всякого порядка, связи и начального действия. Сей порядок не столько принадлежит театру, как пиру, в котором каждый актер играет свою роль, ежели развеселит самого себя, и где зрители довольны бывают без всяких намерений действующих лиц. Но сей недостаток связи и начала никогда не может быть терпим в театре, неже на **балах, где все содержание должно быть связано с каким-нибудь неизвестным действием, которое бы поддерживало ожидание и составляло забаву зрителям** (выделено мной. — Е. С.)» (Компан, 1790: 39—40). Таким образом, для XVIII века бал, как и театр — это упорядоченное зрелище, адресуемое «актерами» скорее другим, чем себе, и поэтому и удовольствие от бала в значительной степени зависит от оценок окружающих, а не от факта собственного участия. Это не просто танцы, в которых как на пиру, каждый живет в свое удовольствие, а нечто прямо противоположное — одна из кульминационных точек парадного церемониала, это обязанность, чаще сословная, но не развлечение ради собственного удовольствия.

Рассмотрим эволюцию бала в культуре России. Впервые они появились в начале XVII века при дворе Лжедмитрия I (1605—1606) и охватили лишь узкий круг лиц, непосредственно причастных к Кремлю и включенных в новомодные царские забавы (Жбанкова, 1999: 126). Скорое падение Лжедмитрия не дало им укорениться, а после-

довавшая затем пауза почти в сто лет стерла их следы из памяти русской культуры. Балы вернулись в Россию лишь в эпоху Петра Великого, но вернулись уже в совершенно другое государство. Это была страна с изменившимся геополитическим значением, географическими границами, территориальной структурой и системой управления, с новой столицей и радикально обновляющимся стилем жизни. Бал начал входить в культуру петровской России уже не как забава, а как элемент дидактической системы, порожденной новым типом государственного устройства. Как отметил А. Корнилович, они были введены Петром I в 1717 году после возвращения из-за границы и хронологически оказались первой формой нового общественного церемониала, который начал внедрять первый русский император (Корнилович, 1823: 18). В эпоху Екатерины I (1724–1726) и Петра II (1726–1730), по мнению М. И. Пыляева, балы почти прекратились (Пыляев, 2000: 191). Этот факт подчеркивает и Б. Б. Глинский: «Он [Петр II] предпочитал им [балам] военные парады и церемониальные марши» (Глинский, 1991: 141). Лишь с приходом к власти Анны Иоанновны (1730) идея бала начинает «эксплуатироваться» более интенсивно и многопланово: с ее вступлением на престол всякие удовольствия, торжества и праздники входят в большую моду (Шубинский, 1873: 336). Во время правления Елизаветы Петровны (1741–1761) балы имели огромный размах, на них собиравались до трех тысяч человек (Позье, 1870: 204). Наивысшей кульминационной точки достигли балы эпохи Екатерины II (1762–1796). Ш. Массон (приехал в Петербург в 1786 г.) в своих секретных записках отмечал, что в русском высшем обществе конца XVIII века балы следовали друг за другом — «каждый день мог оказаться праздником» (Массон, 1996: 59). Итак, можно утверждать, что на всем протяжении XVIII века усматривается экспансия бальной культуры.

Если стоять на почве фактов, то именно петровское публичное пространство являлось одним из самых сложных «мутационных» периодов в истории бала XVIII столетия. Действительно, в петровские времена бал — откровенное мучение для большинства участников. Новая непривычная одежда, масса совершенно незнакомых лиц, крайне непривычные движения, наконец, присутствие государя и прямой контроль царственной особы за «качеством» выучки танцующих — подобные источники отнюдь не положительных эмоций еще можно множить.

Балы XVIII века согласно месту проведения могут быть разделены на **придворные** и **партикулярные** (в домах вельмож). Балы могут быть расклассифицированы и с социальной точки зрения на **дворянские** и **публичные** (кроме дворян приглашались представители разных сословий — мещане, купцы и др.). Более того, начиная с 1760-х годов начинают процветать **антрепренерские** (коммерческие) балы. В этом плане особый интерес представляет деятельность оперного антрепренера Дж. Локателли, который после ряда неудач с вывезен-

ной из Италии труппой организовал в Москве «привилегированный оперный дом» с балами. Огромная зала дома вмещала четыре тысячи человек и была поделена на места для танцев и для «любопытных» (Беляев, 1871: 130–131). Подобный размах деятельности Дж. Локателли свидетельствует о достаточно широком круге лиц, приобщенных к бальной культуре. Таким образом, начиная с петровских времен до 1760-х годов, т. е. менее чем за 50 лет, в России сложилась целая система балов от придворных до антрепренерских.

Наши наблюдения привели к выводу, что на протяжении XVIII века соблюдался четкий порядок проведения бала: съезд гостей, танцевальная часть, ужин, разъезд. Как отмечают авторы сайта moscowball.ru, танцы «по большому этикету» состояли из пяти отделений, в каждом по четыре танца. В антрактах гости уходили в гостиную и буфетную, где пили соки и ели мороженое. На специально оформленных столах лежало множество художественно отделанных бомбоньерок с конфетами. Мужчины дарили их своим дамам. После третьего отделения делался большой перерыв, и следовал ужин (История балов в России: moscowball.ru).

Как же случилось, что русская знать, поверхностно знакомая с тонкостями бального этикета и совершенно не приобщенная к танцевальным традициям Европы, в первой четверти XVIII века стремительно освоила хореографические премудрости? На наш взгляд, этот резкий перелом произошел благодаря настойчивому личному желанию Петра I научить русское общество интернациональному языку бального танца, усвоение которого позволяло вести непринужденный хореографический диалог с представителями любой европейской страны и не опозорить родной державы перед иностранцами русской неловкостью и дикостью. Сам Петр приобщился к танцевальной практике еще в XVII веке у Ф. Лефорта в Немецкой Слободе, где постоянно проводились публичные балы для иностранцев, живущих в России. Придя к власти, Петр активно и жестко заставлял учиться танцам своих приближенных и устраивал периодические балы в Москве. Русские кавалеры и дамы в начале XVIII века в большинстве своем обучались танцам либо во время поездок за границу, либо, что чаще, у пленных шведских офицеров, которых в это время в Москве было довольно много, и они с удовольствием брались за этот вид деятельности ради куска хлеба. Вскоре танцы входят в число обязательных предметов при воспитании молодежи как в домашних условиях, так и во вновь открываемых казенных учебных заведениях. Для обучения танцам своей семьи Петром был выписан из Данцига мастер танцев Иоганн Кунст. Танцмейстеров или учителей «танцев, учтивств и комплементов» выписывали из-за границы и многие приближенные царя для обучения сложной науке танцев самих себя и своих семей (Жбанкова, 1999: 127). Стремительное, но прочное вхождение бальных танцев в жизнь и быт русского дворянского общества первой четверти XVIII века сыграло огромную позитивную роль.

В бальном пространстве XVIII века танцы были строго регламентированы. Многочисленные источники свидетельствуют, что бал, как правило, начинался с *полонеза* (см. об этом, напр.: Васильева — Рождественская, 1987: 125; Ивановский, 2004: 127). Напомним, что в России полонез, или «польский», был известен еще в допетровское время как первый европейский танец, вошедший в церемониальную жизнь придворной среды. Полонез на российских балах XVIII века исполнялся по рангам. «Хозяин дома танцевал в первой паре с самой знатной и уважаемой дамой. Первая пара задавала движения, которые повторялись всей колонной. Поэтому рисунок полонеза всецело зависел от устроителя бала. Он имел право создавать ходы по своему желанию. <...> Полонез, начавшись в парадном зале, мог продолжаться в саду» (Васильева — Рождественская, 1987: 125).

К концу XVIII века полонез потеснила мода на менуэт. Во время коронационных торжеств Павла I торжественный бал «открыла императрица Мария Федоровна с князем Александром Борисовичем Куракиным менуэтом и прочие дамы ей последовали» (Записки графа Е. Р. Комаровского, 1914: 62). Н. П. Ивановский, характеризуя данный танец, отметил, что «основной чертой исполнения менуэта является чрезмерная церемонность, чопорность и торжественность» (Ивановский, 2004: 56).

Одним из бальных танцев XVIII века был *контраданс*. Исследователь этого танца К. Блазис пояснил, «что контраданс есть не что иное, как известные куплеты [фигуры] танца, повторяемые несколько раз; в этом танце могут участвовать все особы, составляющие собрание» (Цит. по: Васильева — Рождественская, 1987: 136). Н. П. Ивановский констатировал, что контраданс по своему темпу и танцевальному содержанию был интереснее и живее, чем торжественные церемониальные танцы (Ивановский, 2004: 109).

Разновидностью контраданса в XVIII веке являлся *экосез*. В эпоху Петра I он получил название «английский». Этот танец подробно описал балетмейстер К. Блазис: «Двое танцующих тихонько подпрыгивают под живой ритм блестящего и хорошо кадансированного мотива. То подаются вперед, то отступают, берутся за руки и кружатся под музыку, которая становится быстрее и быстрее, ноги танцующих двигаются с такой быстротой, что взор не в состоянии следить за их движением. Движения тела и рук грациозны и вместе с тем небрежно аккомпанирует движению ног. Позы танцующих привлекают к себе внимание живописца» (Цит. по: Васильева — Рождественская, 1987: 174).

В бальном пространстве XVIII века популярность приобрел и котильон. Он представлял собой танец-игру, по выражению Л. Петровского, это был самый непринужденный, разнообразный и шаловливый танец. «Там делают и крест, и сажают даму, с торжеством приводя к ней кавалеров, дабы избрала, с кем захочет танцевать, а в других местах и на колена становятся перед нею. <...> Затем следу-

ют фигуры с шутками, подавание карт, узелков, сделанных из платков, обманывание или отскакивание в танце одного от другого, перепрыгивание через платок высоко» (Петровский, 1825: 74).

В конце XVIII века распространение получили мазурка и вальс. *Мазурка* танцевалась с многочисленными причудливыми фигурами и мужским соло. *Вальс* был введен при русском дворе после смерти Екатерины II в 1798 г. (Васильева — Рождественская, 1987: 179). Он приобрел широкое распространение, в связи с чем Л. Петровский отметил, что «излишне было бы описывать, каким образом вальс вообще танцуется, ибо нет почти ни одного человека, который бы сам не танцевал его или не видел, как танцуется» (Петровский, 1825: 170).

Однако следует заметить, что восприятие иностранной танцевальной культуры русским двором не было простым копированием или подражанием. Например, русский вариант полонеза отличался от общеевропейского большей сдержанностью, степенностью. Некоторые иностранцы, в частности принцы гессенские, будучи в 1723 г. при русском дворе в Петербурге, «польским никак не могут совладать» (Берхгольц, 1903. Ч. 3: 64). Или же при исполнении менуэта, в отличие от западных правил, чинопочитание не соблюдалось. Более того, протанцевав один раз, кавалер или дама могли повторять танец с новыми партнерами, выбранными по собственному желанию (Васильева — Рождественская, 1987: 210). И, наконец, на российских балах могли исполняться импровизированные танцы. Об этом подробно писал Ф. Берхгольц в своем дневнике: «После нескольких часов танцевания император начал со всеми стариками один танец... Их было 8 или 9 пар... Император, будучи очень весел, сделал одну за другою каприюли обеими ногами. Так как старики сначала путались и танец поэтому всякий раз должно было начинать снова, то государь сказал наконец, что выучит их весьма скоро, и затем, протанцевав им его, объявил, что если кто теперь собьется, тот выпьет большой штрафной стакан. Тогда дело пошло отлично на лад» (Берхгольц, 1902. Ч. 1: 229 — 230).

Итак, в XVIII веке интернациональная бальная культура прочно входила в российский быт. Однако русская знать часто видоизменяла иностранные танцы, придавала им иной характер, исполняла в более непосредственной манере.

Проведенный анализ причин проведения бала привел нас к заключению, что они устраивались по случаю:

— *значительных событий императорской семьи*:

а) *коронации*, например в честь восшествия на престол Екатерины I (1724) с 7 по 16 мая «было дано несколько балов» (Жмакин, 1883: 501). Коронация Анны Иоанновны (1730) отмечена тремя балами — 2, 3, 5 мая — в Летнем дворце и Грановитой палате (Описа-

ние коронации Ее Величества императрицы и Самодержавицы Всероссийской Анны Иоанновны, 1730). Коронационные торжества Елизаветы Петровны (1742) также завершились балами — 3 и 4 мая (Обстоятель-

ственное описание торжественных порядков благополучного вшествия в царствующий град Москву и священнейшего коронования Ея августейшего Императорского величества Императрицы Елисавет Петровны [1850]). Екатерина II в течение восьми коронационных дней (с 22 по 29 сентября 1762 г.) провела только один бал в Грановитой палате 27 сентября (Описание вшествия в Москву и коронования Императрицы Екатерины II, [1854]: 240). Месяц коронационных торжеств в честь Павла I, начиная с 5 апреля 1797 г., был наполнен балами — 8, 13 мая — в Грановитой палате, 22 мая — в Большом зале, 29 мая — в Дворянском клубе (Царствование Императора Павла, 1886: 344). Камер-фурьерские церемониальные журналы фиксировали, что коронованными особами этот знаменательный день отмечался каждый год великолепными придворными празднествами;

б) *дни рождения*, в частности, посол испанского короля — герцог Лирийский (был в России с 1727 по 1730 гг.) отмечал: «Марта 13 [1728] получено известие, что герцогиня голштейн-готторпская разрешилась от бремени принцем, и по сему случаю был на другой день во дворце бал...» (Россия XVIII века глазами иностранцев, 1989: 203). Воспитанник Павла Петровича — С. Порошин — писал, что в связи с десятилетием Его Императорского Величества при дворе был бал (Русский быт в воспоминаниях современников XVIII века, 1918:99 — 100);

в) *тезоименитства*, например, герцог Лирийский в своих записках фиксировал: «Июля 10-го [1728] по старому стилю, день св. Петра, тезоименитства царского, я приехал во дворец <...> и царь приказал остаться обедать. <...> Стол кончился почти в 5 с половиною часов, и в это же самое время начался бал»; «Сентября 6-го [1728] — день св. Наталии, именины великой княжны. По сему случаю был при дворе праздник, состоявший из ужина, бала и фейерверка» (Россия XVIII в. глазами иностранцев, 1989: 208, 210);

— *военных и дипломатических побед*. Современниками отмечен праздник 1734 г. в честь взятия Данцига, проходивший в Санкт-Петербурге, в продолжение которого даны пышные балы (Захарова, 1987: 16). По случаю заключения мира с Турцией (1740) в течение нескольких дней для всех походных офицеров при дворе Анны Иоанновны были даны ужины, балы, один из них упомянут маркизом де Шетарди: «После него [ужина] был сожжен фейерверк. <...> Во время него большая приемная зала была так скоро очищена, что можно было начать бал тотчас же» (Там же: 23). В 1791 г. в Таврическом дворце у князя Г. А. Потемкина отпраздновано взятие турецкой крепости Измаил, как и все затеи знаменитого сподвижника Екатерины II, его бал отличался великолепием (Авсеенко, 1993: 140);

— *общепринятых светских и религиозных праздников*, например, в 1735 г. на празднике св. Александра Невского «с кавалерами изволила Ея Императорское Величество [Анна Иоанновна] в большом зале летнего дома за одним столом публично кушать. <...> По окончании

стола был бал» (С.-Петербургские ведомости, 1735: 571). О бале 1 января 1764 г. содержится запись в камер-фурьерском журнале: «Генваря 1-го дня, то есть в Новый год, ко двору Ее Величества приезд иметь знатным особам обою полу на бал» (Камер-фурьер-ский журнал. Январь 1764);

— *пребывания в России высокопоставленных иностранных гостей*. По случаю визита в августе 1796 г шведского короля Густава III «было приказано всем придворным и знати давать балы». Екатерина сама «наметила тех, кто должен был устроить у себя праздники в честь ее молодого гостя. Графы Строганов, Остерман, Безбородко, Самойлов отличились огромными расходами и широким размахом в великолепии празднеств» (Цит. по: Старикова, 1988: 292).

Несколько слов необходимо сказать о сословной корпоративности балов. В петровскую эпоху балы положили начало внеслужебным формам консолидации дворян по признаку принадлежности к их сословию. Впоследствии, когда созданная Петром I иерархическая система стала отвердевать, сословные и статусные знаки стали играть важную регулирующую роль в бальном пространстве. Так, например, каждая социальная группа была по-своему костюмирована: императорский указ Елизаветы Петровны 1752 г. гласил, что лицам дворянского происхождения «кафтаны белые тафтяные, обшлага, опушки и юбки гарнитуровые зеленые, по борту тонкий позумент, на головах иметь обыкновенный папелон, а ленты зеленые, волосы вверх гладко убраны; кавалерам кафтаны белые, камзолы, да у кафтанов обшлага маленькие, разрезные и воротники зеленые <...> с выкладкой позумента около петель, и притом у тех петель, чтоб были кисточки серебряные ж, небольшие» (Цит. по: Анисимов, 1986: 155). Во времена Екатерины II на больших приемах и выходах во дворце для придворных дам стало обязательным подражание русскому женскому платью: «Для балов в торжественные дни и для выездов в знатные почетные дома, носят дамы: русские платья из обьерей, двойных тафт и из разных, как английских, так и французских материй, шитые шелками или каменьями, с юбками одинаковой материи или другого цвета; для выездов на партикулярные балы употребляются: сюртуки без фраков, флеровые и тафтяные полосатые с цветочками и одинаковых тафт разных цветов, также шитые шелками, как по флеру, так и по тафте» (Общие замечания об употребительнейших платьях, уборах и нарядах прекрасного пола и кавалеров в здешней столице, 1875: 227 — 229). Император Павел I издал распоряжение «От церемониальных дел Объявление», касающееся туалетов придворных дам для торжественных случаев: «Его Императорское Величество простирая Свое внимание вообще на все предметы без всякого изъятия, желает положить и роскоши надлежащие пределы; с наблюдением однако ж приличного Великому Двору достоинства; а потому Высочайше указать изволил, чтоб все Придворные и другие ко Двору въезд имеющие Дамы являлись в торжественные праздники в робах из черного бархата,

то есть робный корсет и шлейф бархатные; юбка может быть из богатой или шитой материи. А Дамы, опасаящиеся таковой издержки, властны делать оную даже из простой материи; на юбке может быть по борту шитье, которое однакож не должно превзойти шириною четырех, а на шлейфе шириною двух вершков. Впрочем, позволяется даже вместе шитья юбку и шлейф обшивать богатыми франжами, блондами, кружевами золотыми и серебряными, а шлейф и простыми из черного шелку франжами, оставляя сие совершенно на волю каждой Дамы. Рукава у роб могут быть флеровые, блондовые или кружевные. Его Императорскому Величеству угодно, чтобы впредь Дамы приезжали ко Двору в таковом одеянии в торжественные праздники по чинимым о том повесткам, наблюдая только то, чтоб весною, летом и осенью робный корсет и шлейф были гродетуровые, тафтяные, или же из черного флеру, как кто хочет, а по воскресеньям и праздничным обыкновенным дням носить Русское, но не богатое платье позволяется однакож донашивать и старое Русское богатое платье» (РГИА, л. 4).

Более того, каждая социальная группа занимала в зале свое особое место: при этом пройти в танце через зал можно, но вернуться необходимо было на то место, которое отведено социальной группе танцора. Пространственные позиции приглашенных могли отмечаться даже решетками: «Посреди одной из зал <...> устроено место для танцев особ высшего полета, огороженное низкой решеткой. Другая изящно убранная зала <...> отведена для танцев лиц, не имеющих доступа ко двору, мещан и т. п.» (Русский быт в воспоминаниях современников XVIII в., 1918: 73).

И, наконец, столы для приглашенных накрывались в соответствии с их социальным статусом. Например, 5 мая в последний день коронационных торжеств в честь Анны Иоанновны состоялся большой бал в Грановитой палате, где были накрыты столы на 256 персон, в «столовой палате» — до 300 персон, дамам — на 100 персон. Также приглашенные обедали в «Золотой» и «Мастеровой палатах» (Описание праздника, бывшего по случаю взятия Измаила, 1792: 68). Во время обеда в честь Екатерины II присутствовало 385 человек. За шестью поставленными столами сидели: первый стол — обер-гофмейстерина (графиня Анна Карловна Воронцова), гофмейстерина (Елена Александровна Нарышкина), статс-дамы (девять), фрейлины (тринадцать), дамы первых 2 классов (двадцать одна); второй стол — восемь кавалеров 1-го класса, двадцать три — 2-го; третий стол — «духовных сколько будет неизвестно»; четвертый стол — 3-го, 4-го, 5-го, 6-го классов и «знатного шляхетства» дамы и девицы; шестой стол — 4-й класс (двадцать шесть) (Описание шествия в Москву и коронация Императрицы Екатерины II [1854]: 215).

Итак, бальная культура XVIII века была ориентирована на сословно-консолидирующие функции, столь важные для сложно иерархизованного государства, каким в тот период являлась Российская империя.

Бал оказался эффективным способом формирования сословной корпоративности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. **Авсеев В. Г.** История города Санкт-Петербурга в лицах и картинках. СПб.: СОТИС, 1993.
2. **Анисимов.** Россия в середине XVIII в.: Борьба за наследие Петра. М.: Мысль, 1986.
3. **Беляев И. С.** К истории развлечений москвичей в середине XVIII века // Старая Москва. Вып. 1, 2. 1871.
4. **Берхгольц Ф. В.** Дневник камер-юнкера Ф. В. Берхгольца. 1721—1725. М.: Универс. типогр., Ч. 1. 1902; Ч. 3. 1903.
5. **Васильева—Рождественская М. В.** Историко-бытовой танец. М.: Искусство, 1987.
6. **Глинский Б. Б.** Царские дети и их наставники. СПб.; М.: Изд-во т-ва М. О. Вольф, 1912.
7. **Жбанкова Е. В.** Бальный танец Западной Европы в России XVII—XVIII вв. // Россия и Запад: Диалог культур. М., 1999.
8. **Жмакин В. И.** Коронации русских императоров и императриц // Русская старина. 1883. Т. 37.
9. Записки графа Е. Р. Комаровского / ред. П. Е. Щеголева. СПб.: Огни, 1914.
10. **Захарова О. Ю.** История русских балов. М.: Журналистское агентство «Гласность», 1998.
11. **Ивановский Н. П.** Бальный танец XVI—XIX вв. Калининград: Янтарный сказ, 2004.
12. История балов в России: moscowball.ru
13. Камер-фурьерский журнал. СПб., 1764. Янв.
14. **Компан Ш.** Танцевальный словарь, содержащий в себе историю, правила и основания танцевального искусства с практическими размышлениями и любопытными анекдотами, относящимися к древним и новым танцам. М.: Моск. унив. типогр., 1790.
15. **Корнилович А.** О первых балах в России // Полярная звезда. СПб. 1823.
16. **Массон Ш.** секретные записки о России времени царствования Екатерины II и Павла I. М.: Новое литер. обозрение, 1996.
17. Общие замечания об употребительнейших платьях, уборах и нарядах прекрасного пола и кавалеров в здешней столице // Русская старина. 1875. Т. 12.
18. Обстоятельное описание торжественных порядков благополучного шествия в царствующий град Москву и священнейшего коронования Ея августейшего Императорского величества Императрицы Елисавет Петровны Самодержавицы всероссийския, еже бысть в шествие 28 февраля, коронование 25 апреля 1742 года [СПб., 1850].
19. Описание шествия в Москву и коронования Императрицы Екатерины II: Обстоятельное описание торжественных порядков благополучного шествия в императорскую древнюю резиденцию богоспасаемый град Москву, и освященнейшего коронования императрицы Екатерины Вторья [СПб., 1854].
20. Описание коронации Ее Величества императрицы и Самодержавицы Всероссийской Анны Иоанновны, торжественно отправленной в царствующем граде Москве, 28 апреля, 1730.
21. Описание праздника, бывшего по случаю взятия Измаила у Его Светлости Господина Генерал-Фельдмаршала и Великого Гетмана Князя Григория Александровича Потемкина-Таврического в присутствии Ее Императорского Величества и их Императорских Высочеств, в Петербурге в доме близ Конной Гвардии, 1791 года. Апреля 28 дня. Печатано у И. К. Шнора. СПб. 1792.
22. **Петровский Л.** Правила для благородных общественных танцев. Издано учителем танцев при Слободской украинской гимназии. Харьков: Универс. типогр., 1825.

23. **Позье И.** Записки // Русская старина. 1870. Т. 1. 204.
 24. Пыляев М. И. Старое житие. СПб. : Журн. Нева: Летний сад, 2000.
 25. РГИА Ф. 473, оп. 1, д. 163. Дело о коронации Павла I, л. 4.
 26. Россия XVIII в. глазами иностранцев: Сборник. Л. : Лениздат, 1989.
 27. Русский быт в воспоминаниях современников XVIII в. М. : За друга, 1918.
 28. Словарь Императорской Академии Наук. СПб., 1790. Ч. 2.
 29. Словарь русского языка XVIII века. Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1984. Вып. 1.
 30. С.-Петербургские ведомости. 1735. № 70. 1 сентября.
 31. **Старикова Л. М.** Театральная жизнь старой Москвы: Эпоха. Быт. Нравы. М. : Искусство, 1988.
 32. Царствование Императора Павла. 1796–1801 гг.: Выписки из поденных придворных записок // Русская старина. 1886. Т. 50. № 5.
 33. **Шубинский С. Н.** Императрица Анна Иоанновна // Русская старина. 1873. Т. 7.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	3
1. ТЕКСТ И ДИСКУРС.....	4
Н. Д. Кручинкина. Текст в интерпретации М. М. Бахтина.....	4
О. Ю. Левашкина. Коммуникативная задача текста: антропоцентрический подход.....	13
Н. В. Леткина. Эпистолярный текст как объект лингвистического изучения.....	20
Н. П. Макарова, Н. Г. Хайрова. О реализации лингвистической пресуппозиции в художественном тексте.....	24
А. В. Прожого. Лингвостилистические особенности рекламного текста.....	27
К. Б. Свойкин. Строение страты «новое знание» в англоязычной научной статье.....	31
И. В. Третьякова. Художественный текст как авторская модель мира.....	40
2. ЯЗЫК И РЕЧЬ.....	45
О. А. Бирюкова. Антропонимы в художественном тексте как фактор идиостиля (на материале короткого англоязычного рассказа XX века).....	45
А. А. Ветошкин. Подтекст и импликация как явление языка.....	51
Н. В. Девасва. Отрицания в начале высказывания в научном тексте как выразители коммуникативной интенции автора.....	53
Л. А. Долбунова. Атрибутивные комплексы в пейзажных описаниях: опыт когнитивного анализа (на материале английского языка).....	57
И. В. Коровина. Местоимения как основные дейктические элементы языка.....	69
А. С. Егорова, Р. Н. Исянова. Семантико-стилистические особенности концепта «счастье» (на материале немецкого языка).....	75
О. М. Киушкина, Л. И. Айдарова. Тема крови в инвективном словоупотреблении.....	81
О. М. Киушкина, И. Н. Фролова. Об употреблении фразеологизмов в английском языке.....	82
О. В. Рубцова. Анализ философских и конкретно-научных дефиниций терминала «space» (на материале словарей).....	92
М. Г. Цветкова. Структурные модели директивных речевых актов в немецком языке.....	96
3. ПРИКЛАДНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВИСТИКИ.....	101
Е. Г. Долгова, А. А. Кузнецова. Отражение гендерных характеристик в текстах английских и русских анекдотов.....	101
Л. М. Кечайкина. Социальный фон концепта «человек» и его отражение в эпидигматике английских зоонимов и фитонимов.....	106
Н. Д. Кручинкина. Семантико-грамматическая номинация событийных	

к	о	н	ц	е	п	-
тов.....						110
Т. А. Корнеевко. Эмотивный аспект концепта <i>Krieg</i> на материале немецкого поэтического дискурса XIX века.....						119
А. В. Лебедев. Особенности перевода текстов священного писания в контексте истории их создания.....						131
Н. П. Макарова, М. Н. Инкина. Конгнитивные прототипы в психолингвистическом ракурсе.....						136
Н. В. Шамина. О лингвистических и экстралингвистических аспектах перевода с английского языка.....						141
А. А. Сомкин. Специфика перевода философских текстов.....						146
4. МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И ЛИНГВОДИДАКТИКА.....						152
Н. Е. Боброва. Применение проектной методики на занятиях по английскому языку.....						152
Н. Е. Боброва. Особенности преподавания делового иностранного языка на экономическом факультете.....						155
Н. В. Бутылов. К вопросу этапов и степени освоения иноязычной лексики.....						159
Е. Г. Долгова, А. А. Кузнецова. Образ иностранцев в текстах английских и русских анекдотов.....						164
А. С. Егорова, Н. П. Макарова, Е. С. Балашова. Культурная значимость и функции американских сленговых метафор в речи (на материале английского и немецкого языков).....						174
Е. В. Кваскова. Некоторые особенности кросскультурной компетенции при написании резюме на английском языке и подготовке к собеседованию с работодателем.....						178
Н. В. Леткина. Профессиональное владение иностранными языками в контексте болонского процесса: перспективы развития.....						183
О. Ю. Левашкина. Текст-письмо как единица межкультурной эпистолярной коммуникации.....						186
С. В. Юткина. Формирование профессиональной компетенции студентов на семинарских занятиях по методике обучения иностранным языкам.....						195
5. ПРОБЛЕМЫ КУЛЬТУРОЛОГИИ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ.....						198
Е. М. Загарина. Сюжетно-тематические особенности романа Дж. Ирвинга «мир глазами Гарпа».....						198
Л. И. Зотова. Структура построения системы образов в политической сатире П. Шелли «The Mask of Anarchy».....						204
Е. С. Лузина. Специфика текстовых концовок в аспекте жанровой принадлежности художественного текста.....						214
В. П. Лац. Сущность культурного пространства.....						218
Е. А. Полозова. Социокультурная обусловленность эволюции актерской игры во французском театре второй половины XVIII века.....						223
Е. В. Савина. Бал в культурном пространстве дворянского общества XVIII века.....						227

Научное издание

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ И ЭКСТРАЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ КОММУНИКАЦИИ

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ

Межвузовский сборник научных трудов

Печатается в авторской редакции

Технический редактор *Т. А. Сальникова*

Дизайн обложки *Е. Ф. Рогачевой*

Корректоры *С. П. Славкина, Н. Я. Панова*

Компьютерная верстка *Е. В. Ворониной*